

Инна Инфинити
Моя Нирвана

«Литнет»

2021

Инфинити И.

Моя Нирвана / И. Инфинити — «Литнет», 2021

Я любил ее с такой же силой, как и ненавидел. Она была моим слабым местом. Моей уязвимой точкой. Лиза... Девчонка, которая почему-то звалась моей сестрой. Я никогда не чувствовал в ней родную кровь и однажды решился проверить свою теорию о том, что Лиза мне — никто. Вот только я даже подумать не мог, что тем самым запущу необратимый процесс, который приведёт меня к саморазрушению.

© Инфинити И., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Семейка Адамс	6
Глава 2. Документ	10
Глава 3. Ненавистный день	14
Глава 4. Провокация	17
Глава 5. Никаких скандалов	21
Глава 6. Бизнесмен	25
Глава 7. Змей	30
Глава 8. Гонка	37
Глава 9. Ребус	43
Глава 10. Лучший друг	46
Глава 11. Игрок номер 17	51
Глава 12. Розыгрыш	54
Глава 13. Жить дальше	59
Глава 14. Заказ на дом	63
Глава 15. Семья	69
Глава 16. Клуб	73
Глава 17. Не бедная родственница	78
Глава 18. Кошка	82
Глава 19. Протест	86
Глава 20. Моя нирвана	91
Глава 21. Интуиция	94
Глава 22. Чистосердечное признание	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Пролог

Я помню себя с четырёх лет. И мое первое воспоминание — Она.

Мы с родителями куда-то едем на машине, я сижу сзади в детском кресле. Мама то и дело поворачивается ко мне с переднего сиденья и улыбается. Папа останавливается во дворе незнакомого дома, выходит из автомобиля и скрывается в подъезде. А затем возвращается к нам с ребёнком в руках, открывает заднюю дверь и показывает малыша мне.

— Миша, смотри, это твоя младшая сестрёнка Лиза.

Я вглядываюсь в малюсенькое личико с закрытыми глазами и соской во рту. Она спит, завернутая в легкую пеленку.

— Откуда она взялась? — спрашиваю недоуменно. — Ее же не было раньше.

— Аист принёс, — отвечает мама и широко улыбается.

Она выходит из машины и забирает ребенка в свои руки, чтобы отец установил рядом со мной второе детское кресло. Пока папа возится в багажнике, мама держит на руках девочку, а я смотрю на нее в полном шоке. Ребенка опускают в кресло рядом со мной и пристегивают. Затем родители возвращаются на свои места, и мы едем дальше.

Я продолжаю смотреть на девочку, будто зачарованный. От езды она просыпается и открывает глаза. Первый, кого она видит, — я.

Я еще не знаю, что однажды буду любить эту девочку с такой же силой, как и ненавидеть. Лиза, Лиза, Лиза...

Я еще не знаю, что буду настолько одержим ею, что это принесет мне лишь разрушение. Лиза, Лиза, Лиза...

Я еще не знаю, что именно эта девочка станет моей личной, моей персональной нирваной.

И я еще не знаю, что именно из-за нее возненавижу себя просто за то, кто я есть на самом деле: сын наркоманки и алкоголички, которого порядочные люди усыновили по доброте душевной.

Но это все будет потом, через 20 лет.

А сейчас...

А сейчас мой взгляд встречается со взглядом младенца, я мгновение смотрю в ее серые глаза, и все мое маленькое четырёхлетнее существо кричит только об одном:

ОНА МНЕ НЕ СЕСТРА.

Так началась наша война длиною в жизнь.

Война, в которой я проиграю.

Глава 1. Семейка Адамс

ЛИЗА

— Нет, ну куда оно могло подеваться!? — мама по третьему кругу обшаривает папки с документами.

Я спокойно сижу в кресле и наблюдаю за нервничающей родительницей со стороны. Ей вдруг зачем-то понадобилось мое свидетельство о рождении, хотя у меня уже два года, как есть паспорт.

Мама резко прекращает поиски и смотрит на меня с таким видом, будто ее озарила гениальная мысль.

— Оно у твоего отца! — возмущенно изрекает и тянется к телефону на тумбочке.

Гудки идут долго, и мама злится еще сильнее.

— Максим! — кричит, когда папа наконец-то отвечает. — Я нигде не могу найти Лизино свидетельство о рождении. Оно, видимо, у тебя?

Отец отвечает, и мама хмурит брови, а потом закатывает глаза.

— Хорошо, я скажу ей.

Мама отбивает звонок и убирает телефон в сторону.

— Лизочка, съездий к папе, заberi свое свидетельство о рождении. Он сейчас тебе напишет, где оно.

В этот же момент в кармане джинс вибрирует телефон. Я достаю новый смартфон и действительно вижу смс от отца.

«Лизонька, дома в сейфе у меня в кабинете. Код от сейфа 1552»

«Ок»

— Хорошо, съезжу, — лениво поднимаюсь с кресла и направляюсь в прихожую.

Мама бежит следом за мной.

— Только не долго. Хорошо?

— Хорошо, — накидываю сверху кожаную куртку и обуваю белые «Конверсы».

У самой двери бросаю на себя взгляд в зеркало. Тоналка с пудрой еще в нормальном состоянии, тушь тоже не осыпалась. Беру с тумбочки блеск и провожу кисточкой по губам. Затем прохожусь расческой по светлым волнистым волосам и накидываю на плечо сумочку. На улице я опускаю на глаза солнечные очки и направляюсь в сторону метро.

Я из странной семьи.

Мои родители развелись, когда я только родилась. После этого отец женился на девушке, от которой у него уже был сын, он родился до меня. После свадьбы у отца и мачехи родились еще двое детей: дочь Ира и сын Леша. Моя мама же, когда мне было пять лет, вышла замуж второй раз. У них с отчимом общий сын Костя.

Вот такая у меня дурацкая семейка Адамс: папа и мачеха, мама и отчим. А еще три брата и одна сестра.

Мне сложно описать мои отношения с ними. Папу и маму я, безусловно, люблю. С мачехой и отчимом у меня нормальные приятельские отношения. Я называю их обоих по имени и на «ты». Просто Кристина и просто Артем. Вот только в тайне я всегда мечтала, чтобы отец и мать были вместе. Лет до 13 на каждый свой день рождения, задувая свечи, я загадывала желание, чтобы мой папа и моя мама поженились.

Но сейчас в свои 16 лет я понимаю, что оно никогда не исполнится.

У меня хорошие отношения с семьями папы и мамы, также я нормально лажу с их детьми. Кроме Миши. Это тот самый старший сын папы и мачехи, который родился у них еще до меня, до того, как отец женился на моей маме.

С Мишей у меня отдельная война. Я не знаю, почему и из-за чего она началась. Но просто она есть, сколько я себя помню.

В детстве он ломал мои игрушки, всячески старался сделать мне больно и обидеть по сильнее. Именно Миша сказал мне, что Деда Мороза не существует. В четыре года это была для меня трагедия вселенского масштаба.

Еще он внушал мне, что я папе не родная дочь. Так как на постоянной основе я жила с мамой, а не с отцом, Миша часто говорил, что я чужая девчонка, о которой папа заботится из жалости. Мол, я несчастная сиротка, которую отец зачем-то удочерил.

Я уже молчу обо всех тех размах, когда он дергал меня за волосы, резал ножницами мои любимые платья, ломал мои куклы... Да что он только не делал, чтобы досадить мне.

Но я ломала его машинки в ответ, портила его одежду в ответ, говорила ему обидные слова в ответ. Однажды ночью я сломала Мишин велосипед. Он, естественно, сразу понял, чьих это рук дело. Влетел в мою комнату злой, как черт, скрутил меня и повалил на кровать.

— Как же я тебя ненавижу! — зашипел на ухо.

Я никогда не понимала, за что именно он меня ненавидит, но я просто ненавидела его в ответ.

— Взаимно, — выдавила из себя и тихо засмеялась, насколько это было возможно в положении, когда тебя так сильно держат, что ты не можешь дышать.

Ему было 14 лет, мне 10. Я еще совсем худая и мелкая, а вот он довольно-таки крепкий подросток, который с самого детства профессионально занимается каратэ. Понятное дело, что силы были не равны.

Это был первый переломный момент в моем отношении к Мише. Именно в эту секунду под весом его тела и в десяти сантиметрах от его лица я совершенно четко и ясно поняла одну вещь:

Я никогда не назову его своим братом. Никогда.

Лешу и Костю назову, а Мишу нет.

Он часто в порыве ссор выкрикивал «Ты мне не сестра» и хлопал дверью, но я никогда не говорила ему, что он мне не брат.

Видимо, этот момент стал переломным не только для меня, но и для него тоже. Потому что именно после того случая Миша... перестал обращать на меня внимание.

Первое время я радовалась, что он отстал и больше не пытается меня обидеть, а потом мне вдруг стало так одиноко без его внимания. Наверное, это мазохизм, раз мне стало не хватать его гнева, его эмоций. Потому что ненависть — это тоже чувство, а теперь его не стало. Теперь было одно лишь безразличие. Будто меня вообще для него больше не существует.

Это длилось четыре года. Бесконечно долгих ненавистных четыре года, когда я была для него пустым местом, когда он в упор меня не замечал. А потом я застала Мишу с девушкой, и это стал второй переломный момент.

Я была одна дома у папы. У меня в их с мачехой квартире нет своей комнаты, поэтому, когда я там гошу, сплю вместе с Ирой. И вот я дремала на кровати сестры, как услышала, что поворачивается замок в двери. Нехотя разлепила глаза.

Возня в прихожей, незнакомый женский смех, а потом ЕГО голос:

— Хочу тебя.

Заинтригованная, я тут же подскочила с кровати и на цыпочках вышла из комнаты. Из Мишиной спальни доносились причмокивающие звуки и полустоны. Я тихонечко подкралась к приоткрытой двери и заглянула внутрь.

Лучше бы я этого не делала.

Миша лежал сверху на девушке. Ее кофта и юбка валялись на полу, а она была под ним в нижнем белье и чулках. Миша спускался поцелуями по ее шее вниз к груди, параллельно

стягивая лямки бюстгалтера. Брюнетка терлась об него всем телом и издавала такие звуки, будто умирает. Но она, конечно, не умирала.

Девушка, не открывая глаз, потянулась к Мише и сняла с него футболку. На тот момент я пару лет, как не ездила с папиной семьей на море, поэтому Мишу с голым торсом не видела давно. С замирающим дыханием я отметила про себя, что его спина стала еще шире и сильнее, а на правой лопатке появилась татуировка.

Затем Миша на секунду оторвался от сисек брюнетки и потянулся к прикроватной тумбе. Выдвинул первый ящик и достал открытую пачку презервативов.

— Мииииш, — капризно протянула девушка. — Я так тебя хочу.

— И я тебя, детка.

Когда «детка» стала расстегивать ремень на его джинсах, я поняла, что дальше мне лучше не смотреть. Быстро развернулась и так же тихо направилась в комнату сестры. Я аккуратно закрыла за собой дверь и тут же спустилось по ней спиной.

Горло сковал такой спазм, что я не могла ни дышать, ни глотать. Я тупо пялилась в одну точку на полу, даже не замечая слез, которые катились по щекам. Боль огнем разливалась по всему телу. Я закрыла ладонью рот, чтобы подавить в себе громкий крик, который рвался наружу вместе с рыданиями.

Он не смотрит на меня четыре года.

Он не разговаривает со мной четыре года.

Он не замечает меня четыре года.

Я для него пустое место вот уже четыре проклятых года.

И в то время, как я задыхаюсь без его внимания, он развлекается с какой-то девушкой.

Мне пришлось накрыть голову подушкой, чтобы не слышать их стонов. Я тихо рыдала в кровать, проклиная все на свете. Через час они, смеясь и продолжая сосаться в прихожей, ушли из квартиры, а я встала с кровати, пошла в ванную, умыла красное опухшее лицо холодной водой и дала себе обещание, что Миша станет для меня таким же пустым местом, как я для него.

Ровно через неделю после этого я согласилась пойти погулять с парнем-соседом по дачному поселку. Его коттедж через несколько домов от нашего, и мы давно знакомы. Рома на год старше, ему тогда было 15 лет. Я дала себе обещание, что поцелуюсь с ним в первый же вечер.

Мы с Ромой гуляли по аллее, он купил мне мороженое, а потом мы пошли к нему домой, и в саду под яблоней я первый раз поцеловалась. После поцелуя Рома сказал, что я ему очень нравлюсь и предложил быть вместе. Я с радостью согласилась, и мы тут же выложили во «Вконтакте» совместное селфи и поставили семейное положение, что встречаемся.

Но когда я приехала в поселок на следующих выходных и пошла в гости к Роме, обнаружила его с гипсом на руке и с фингалом под глазом. Он не пригласил меня в дом, отводил взгляд и что-то мямлил о том, что нам с ним больше нельзя быть вместе. Семейное положение он тоже убрал и селфи удалил. На мой вопрос, что случилось с его рукой и глазом, парень не ответил.

После этого случая с Ромой внимание Миши ко мне вернулось. И оно уже заключалось не в детских шалостях вроде поломки моей куклы. С тех пор и по сей день это мощное психологическое давление. Теперь Миша смотрит на меня и испепеляет взглядом. Теперь он вжимает меня в стену и нависает сверху, явно сдерживая в себе желание выбросить меня в окно или придушить. В такие моменты его ярости я даже замечаю, как бьется вена у него на шее. Слышу, как скрипят зубы, которые он так плотно сжимает, что, кажется, сломает их.

Но меня это все не пугает, нет. Я живу этим. Его ярость и ненависть ко мне — проклятый наркотик, без которого я погибаю. Я не боюсь Мишу.

Я, должно быть, неизлечимо больна, раз питаюсь его негативными эмоциями. Ведь не нормально, что я заряжаюсь энергией от Мишиной ярости, направленной на меня? Ведь не

нормально, что я мечтаю о том, чтобы он впечатал меня в стену и навис сверху? Ведь не нормально, что я мечтаю о его сильных ладонях, сжимающих мою шею?

Я выхожу из станции метро Кропоткинская и направляюсь в сторону отцовской квартиры. Я еще не знаю, что сегодня произойдет третий переломный момент.

Момент, после которого моя жизнь больше никогда не будет прежней.

Потому что я узнаю, что папа и мачеха усыновили Мишу.

Глава 2. Документ

ЛИЗА

Когда я подхожу к подъезду, телефон в сумочке звонит. Достая гаджет и вижу на экране всего две буквы: «Яр». Тут же расплываюсь в радостной улыбке.

— Алло, — бодро говорю в трубку.

— Привет! Как жизнь? — звонкий голос друга тут же поднимает мне настроение.

— Все нормально. Ты как?

— Тоже хорошо. Какие планы на выходные?

— Да вроде никаких. Есть предложения?

— Есть. Как насчет поездки за город с друзьями? Пикник и все такое.

— О, круто! — Отвечаю с энтузиазмом. — Давай.

— Тогда ближе к выхам скину тебе локацию.

— Хорошо, буду ждать.

Я кладу трубку и захожу в подъезд, улыбаясь, как дурочка. Вот и интересные планы на выходные появились. Все лучше, чем торчать дома или в Золотом ручье, дачном поселке отца.

Ярослав — мой типа двоюродный брат. Я использую слово «типа», потому что это все-таки не так. Ярик — племянник моего отчима. Моему братишке Косте он доводится двоюродным, а вот мне все-таки нет. Но мы с Яром все равно отлично ладим. Я обожаю его друзей и его компанию. С ними всегда весело и интересно.

Ну и еще Яр — мой пожизненный партнер по преступлениям. Самые безумные поступки я всегда совершала с его подачи. Например, прыгала в озеро с тарзанки или садилась за руль мотоцикла, будучи еще несовершеннолетней и не имея прав. Он пообещал, что в день моего совершеннолетия подарит мне прыжок с парашютом. Наверное, только поэтому я и жду с нетерпением, когда мне исполнится 18.

В прекрасном настроении я поднимаюсь на лифте на пятый этаж, открываю единственную на лестничной площадке дверь и попадаю в огромные хоромы папы и мачехи. По тишине понимаю, что дома никого нет.

Мой отец невероятно богат, а его жена даже еще богаче. Кристина всегда происходила из семьи олигарха, а вот мой папа, что называется, сделал себя сам. Мачеха владеет крупнейшей в России строительной компанией «Капитал-Строй». Ее основал дедушка Игорь, отец Кристины. Я считаю его и своим дедушкой тоже, потому что моя бабушка — папина мама — за ним давно замужем. Собственно, так папа и встретился с Кристиной — она была его сводной сестрой. У моего отца же своя юридическая компания. Очень крупная и известная в Москве.

Так что Миша, Ира и Леша всегда купались в роскоши. У них был личный водитель и эксклюзивные дизайнерские вещи. У меня тоже это все могло бы быть, но мама с детства приучала меня к простому, хотя сама происходит из семьи чиновников. Мой дедушка по маме был министром здравоохранения.

Во-первых, я хожу в обычную школу, а не в лицей для олигархов, как Миша, Ира и Леша. Миша, правда, школу уже окончил и сейчас еле-еле учится в институте, из которого его то и дело отчисляют.

Я скидываю обувь в прихожей и прямиком направляюсь в папин кабинет. Подхожу к шкафу с книгами, открываю деревянную дверцу и вижу металлический сейф. Набираю четырехзначный код, и замок щелкает.

В сейфе много бумаг и документов, поэтому я начинаю перебирать их все по очереди, пока не дохожу до стопки свидетельств о рождении. Нахожу свое и откладываю его на стол. Затем возвращаюсь к сейфу и привожу в порядок бумаги, которые только что перерыла. Мой

взгляд непроизвольно падает на синий листок с российским гербом. Я хочу убрать его в сторону, но глаза цепляются за несколько слов, заставляющих меня застыть с бумагой в руке.

Я смотрю на нее немигающим взглядом, перечитывая снова и снова. Я очень долго не могу понять, что это такое. Просто тупо читаю по десятому кругу, пока каждая буква не отливается в голове гранитом.

А в какой-то момент я чувствую, как трясутся мои ладони и громко стучит сердце.

Свидетельство об усыновлении (удочерении)

Степанов

Михаил Александрович

усыновлен (удочерена) Самойловым

Максимом Алексеевичем

Гражданином России

и

Самойловой

Кристиной Игоревной

Гражданкой России

С присвоением ребенку фамилии Самойлов

имени Михаил

отчества Максимович

А дальше идет Мишина дата рождения и координаты ЗАГСа, выдавшего бумагу.

Мои глаза видят этот документ, читают каждое слово, а мозг отказывается верить и принимать информацию.

Этого просто не может быть...

Я будто нахожусь в вакууме, перед глазами все плывет, а в ушах шумит. Чувствую, что тошнит, и хватаюсь рукой за шкаф.

Из оцепенения меня выводит громкий рев мотоцикла за окном. С таким хамством и неуважением к прохожим может ездить только один человек.

Нет, пожалуйста, пускай это будет не он. Кто угодно, но не он. Не сейчас. Лихорадочно хватаю ртом воздух, быстро закидываю документ обратно в сейф, накрыв его сверху другими бумагами, и закрываю дверцу. Отчего-то из глаз текут слезы. Быстро вытираю их с щек.

Я беру со стола свое свидетельство о рождении и тороплюсь в прихожую. Но поздно.

Потому что дверь открывается и в квартиру заходит ОН.

Миша не один. Следом за ним вваливается шлюховатого вида девица с огненно-рыжими волосами. Я на мгновение зависаю, разглядывая ее колготки в сеточку и мини-юбку.

— Это еще кто такая? — спрашивает она Мишу и недовольно на меня косится.

Не успеваю открыть рот, как он меня опережает.

— Это ошибка природы. — Поворачивается к своей подруге. — Иди в мою комнату.

«Иди в мою комнату», — эхом повторяется в голове. То есть, она уже знает, где его комната.

Девица, бросив на меня последний презрительный взгляд, удаляется в сторону Мишиной спальни. Он же кладет на пуфик мотошлем и, не снимая обуви, направляется ко мне. На нем черные джинсы с порезами на коленях и черная майка, оголяющая его сильные руки в татуировках. Пока он идет, я пользуюсь случаем и задерживаю на них взгляд. Мне никогда не удавалось нормально рассмотреть его татуировки, а всегда хотелось.

Миша подходит ко мне вплотную и нависает сверху, заставляя поднять глаза на его лицо. Вот он снова это делает. Давит на меня психологически. Не трогает руками, не говорит обидных слов, а просто стоит в десятке сантиметров и подавляет своей мощной энергетикой.

Но ему не сломить меня, и он это знает. От того и бесится каждый раз. Он мечтает, чтобы я боялась и дрожала в его присутствии, но этому не бывать. Он не внушает мне страха.

Вот и сейчас я выдерживаю его подавляющий взгляд. Обращаю внимание, что на Мишиных щеках черная щетина. Ему уже 20 лет, и он бреется. Скольжу глазами вниз по его мощной сильной шее, грудной клетке. Он профессиональный каратист. Черный пояс. Даже выигрывал какие-то соревнования. Отец им очень гордится.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает стальным тоном.

Возвращаю глаза к его лицу. Смотрю на Мишу, и в голове начинает пульсировать единственная мысль:

ЕГО УСЫНОВИЛИ.

Вглядываюсь в карие глаза, которые сейчас стали почти черными, и чувствую, как в носу противно щиплет, а в горле появляется ком.

Господи, нет, только не при нем.

Я скорее умру, чем покажу ему свои слезы.

Но уже поздно. Потому что проклятая капля срывается с ресницы и катится по щеке.

Я успеваю заметить его недоуменное выражение лица, прежде чем срываюсь с точки, за секунду прыгаю в кеды и пулей вылетаю из квартиры. некогда ждать лифт, поэтому я бегу вниз по лестнице.

Но через 10 секунд входная дверь отцовской квартиры хлопает, и я слышу, как Миша мчится вниз следом за мной, перепрыгивая через ступеньки. Он догоняет меня где-то возле второго этажа, хватая за руку и впечатывает в стену.

Слезы градом текут по щекам, а грудь трясется от того, что я пытаюсь сдержать всхлип. Миша лихорадочно блуждает глазами по моему лицу, явно находясь в растерянности. А я снова смотрю на него и четко понимаю: он не похож ни на папу, ни на Кристину.

Почему я не замечала этого раньше?

Он ведь вообще всегда был в нашей семье белой вороной: проблемный двоечник, который вечно хулиганит и распускает кулаки. Он еле-еле получил аттестат, а из института его отчисляли уже раза два. Не сравнится с круглыми отличниками Ирой и Лешей, которые вроде как его родные брат и сестра. Да даже со мной не сравнится. Я хорошистка.

— Почему ты плачешь? — выдавливает из себя напряженным голосом. Он поставил руки по бокам от моей головы и находится к моему лицу довольно близко.

А я просто молча на него смотрю и все еще не могу поверить, что его усыновили, что он на самом деле не мой брат. Одно дело всю жизнь чувствовать это, считать так. Но совершенно другое дело — получить доказательства.

У меня дрожит верхняя губа, силы окончательно иссякли, и громкий всхлип вырывается из груди.

— Лиза... — Он берет мое лицо в ладони и фокусирует взгляд на себе. — Отвечай немедленно, почему ты плачешь?

Он растерян. Впервые за 20 лет своей жизни он видит меня в таком состоянии.

— Ты же мечтал увидеть мои слезы, — шепчу севшим голосом. — Радуйся.

— Тебя кто-то обидел? — он отнюдь не выглядит радостным. Скорее, очень злым.

А дальше он делает совсем неожиданную вещь. То, чего раньше не было никогда. Очень-очень нежно Миша проводит ладонью по моей щеке. Меня будто бьет разряд тока, и я вздрагиваю. Но он то ли не замечает этого, то ли решает не обращать внимания, и продолжает нежно гладить меня по лицу.

— Лиза, что произошло? — настойчиво повторяет.

А я понятия не имею, что ему ответить.

Он знает, что его усыновили? Поэтому он всегда кричал во всю глотку, что я ему не сестра?

Но ведь Иру и Лешу он любит. Их он считает сестрой и братом. Ненависть у него всегда была только по отношению ко мне. Ира же вьет из него веревки, она для него самая настоящая младшая сестренка, которой позволено абсолютно все. Лешку он тоже обожает.

Это я для него сука, дрянь, ошибка природы, бедная родственница, несчастная сиротка, недоразумение, ужасное стечение обстоятельств и много чего еще. Но не Ира и Леша. Их он любит, как всегда любят младших братьев и сестер. О них он заботится. А меня ненавидит.

На протяжении всех моих 16 лет он меня ненавидит.

Поэтому тот факт, что он сейчас обеспокоенно на меня смотрит, вгоняет в невероятный ступор.

Облизываю соленые от слез губы и делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Тебя ждет девушка, — тихо говорю ему.

— Подождет.

Тишина в подъезде давит свинцовой тяжестью. Я замечаю, что его дыхание участилось. Миша продолжает держать ладонями мое лицо.

— Лиза, кто тебя обидел?

— Меня всегда обижал только ты.

Эти честные слова срываются с языка против моей воли. Но ведь это правда. И сейчас мои слезы — из-за него.

Странно, но я действительно плачу из-за того, что Мишу усыновили. Из-за того, что он мне и правда не брат.

— Почему ты всегда говорил, что я тебе не сестра? — Вопрос вырывается вместе с новой партией слез. — Почему, Миша?

Происходит что-то невероятное. Такого никогда не было: я в слезах, а он в растерянности.

— Миша, ответь мне, — всхлипываю. — Почему ты всегда говорил, что я тебе никто? Почему? Лешу и Иру ты считаешь братом и сестрой, а меня нет. Почему, Миша?

Я никогда не задавала ему эти вопросы. 16 лет они меня мучают, но я молчала, считала унижением спросить у него это. Но я только что узнала, что он мне не брат, я рыдаю прямо перед ним, и больше мне нечего терять.

— Я не знаю... — Шепчет. — Ты появилась из ниоткуда... Просто в один день папа и мама сказали, что ты моя сестра. А я просто не понял, откуда ты взялась. Тебя не было раньше... Я помню этот день... — Быстро сглатывает. — Когда мне показали тебя и сказали, что ты моя сестра. Я просто не поверил...

Закрываю глаза и понимаю четко одно: он не знает. Мише неизвестно, что его усыновили. Папа и Кристина всю жизнь скрывают от него это.

Понятия не имею, как так вышло, что отец и мачеха решили вдруг усыновить чужого мальчика. Теперь вся эта история о том, что отец и Кристина поженились, родили Мишу, потом развелись, потом папа женился на моей маме, а потом развелся и женился снова на Кристине — кажется мне таким абсурдом.

На самом деле это всегда казалось мне бредом, но ведь всякое бывает в жизни, правда?

— Отпусти меня, Миша, — произношу едва слышно и размыкая веки. Ловлю его тяжелый взгляд. — Меня никто не обижал.

— Тогда почему ты плачешь?

— Из-за тебя, — честно говорю. — Ты так долго этого добивался — и вот случилось.

Он недоуменно на меня смотрит, а я, пользуясь этой секундной заминкой, вырываюсь из его рук и мчу вниз.

Мне еще предстоит привести себя в порядок, чтобы мама ничего не заподозрила. Мне теперь вообще предстоит быть очень и очень осторожной. Чтобы никто никогда не узнал, что мне известна правда.

Глава 3. Ненавистный день

Четыре года спустя

Есть пословица «В семье не без урода». Так вот в нашей семье этим самым уродом всегда был я. Именно я всегда доставлял родителям проблемы и заставлял их нервничать. Все остальные дети в нашей семье — даже Лиза — послушные и примерные. Один я придурок.

Я сижу у больничной койки своей матери, смотрю на ее спящее лицо и чувствую себя самым дерьмовым сыном на свете. Я довел маму до нервного срыва, и вот теперь она в больнице под капельницей.

Закрываю лицо ладонями и тут же морщусь от боли. Разбитая губа будет давать о себе знать еще какое-то время. Рука у отца тяжелая.

Я всегда был проблемным ребенком. И если раньше я не понимал, какие сложности доставляю родителям, то вчера, когда у мамы по моей вине произошел срыв, я понял это в полной мере.

Сколько раз ей приходилось краснеть из-за меня на родительских собраниях в школе? Сколько раз ей приходилось слышать от учителей фразу: «Все дети как дети, а ваш...»? Сколько раз я заставлял маму хвататься за сердце и переживать?

Постоянно — когда ввязывался во все уличные драки, когда не учился ни в школе, ни в институте, когда из последнего меня отчисляли несколько раз подряд...

И вот вчера долбанная домработница обнаружила в моей комнате травку и рассказала об этом родителям. Казалось бы, безобидная ситуация. Ну подумаешь, маленький пакетик марихуаны. Я же не наркоман.

Но у мамы тут же началась дичайшая истерика, отец срочно стал звонить в скорую, врачи вкололи ей успокоительное и увезли с собой. А папа подошел ко мне и заехал кулаком по лицу. У отца черный пояс по каратэ, и удар у него сильный. У меня тоже черный пояс по каратэ, но в ответ я папу, естественно, не ударил, а молча пошел смывать кровь в ванную.

Это был первый раз за 24 года моей жизни, когда отец поднял на меня руку.

Я не обижаюсь на него. Прекрасно понимаю, что давно заслужил: и за двойки в школе, и за отчисления из института, и за ночные нелегальные гонки, которые я провожу, и за подпольные бои без правил, которые я организовываю, и за травку, которую прятал в своей комнате.

Мама издает легкий стон и открывает глаза. Смотрит на меня из-под прищуренных век.

— Мам, привет, — тихо говорю и беру ее за руку.

Родительница несколько раз прикрывает и снова открывает веки, пока не распахивает их полностью. Долго смотрит на меня большими синими глазами.

— Привет, сынок, — произносит едва слышно.

— Как ты себя чувствуешь? Позвать врачей?

— Не надо, все хорошо, я просто спала. Дай попить.

Я тут же подсакиваю со стула и наливаю воду в стакан. Подношу к маминым губам и помогаю пить, придерживая голову.

— Спасибо, — произносит чуть более уверенным голосом и откидывается на подушку. Я возвращаюсь на стул и снова беру ее руку в свою.

— Мам, я хочу тебе кое-что сказать.

— Что такое?

— Мам, прости меня, пожалуйста, — быстро шепчу и еще сильнее сжимаю ее ладонь.

— За что? — удивляется.

— За все. За то, что в школе не учился. За то, что хулиганил всегда. За то, что занимаюсь нелегальными делами. Клянусь тебе, я все это брошу и доучусь в институте. И еще, мам: я не наркоман. Правда. Я не употребляю наркотики.

Родительница смотрит на меня мучительно долго, и я замечаю, как ее глаза наливаются слезами.

— Миша, ты обещаешь мне, что больше никогда не будешь пробовать эту дрянь?

— Обещаю! Клянусь! Я правда не наркоман. Я эту марихуану, которую нашли в моей комнате, не курил. Просто положил ее в ящик стола и забыл. Она, наверное, год там пролежала, я даже не вспоминал о ней до вчерашнего дня.

Мама смотрит на меня с явным недоверием.

Ну вот почему она мне не верит!? Я ведь говорю правду! Я действительно не курил эту травку, которую домработница нашла в моей комнате. Хотел попробовать, но забыл. Так она целый год и провалялась.

— Мама, я тебе клянусь! Я не наркоман, никогда им не был и никогда не буду!

— Хорошо, сынок, — тихо говорит. — Я тебе верю.

— И я обязательно окончу институт, — напоминаю ей. Меня отчисляли уже четыре раза, но родители по связям каждый раз восстанавливали обратно.

— Хорошо.

Я кладу голову на мамину больничную койку и обнимаю родительницу одной рукой.

— Ты самая лучшая мама на свете. Прости, что всегда доставлял тебе одни проблемы.

— Не говори так. — Она гладит меня свободной от капельницы рукой по голове. — Ты прекрасный сын, и я очень тобой горжусь.

Было б чем гордиться. Но вслух я это не говорю.

— Миша, какой сегодня день?

Ну вот, я так и знал, что она спросит. А сегодня мой самый ненавистный день.

— 18 августа.

— Сынок, надо съездить...

— Да, мам, я помню. Съезжу.

— Не забудь цветы.

— Не забуду. Тюльпаны.

— Да, и обязательно постой чуть-чуть на могиле. Не уходи сразу. А то я тебя знаю.

— Мама, я все сделаю, как надо, не переживай.

— Хорошо, Миша, поезжай уже.

Целую маму в щеку и выхожу из палаты. Я останавливаюсь у своего мотоцикла возле больницы, но не сажусь сразу уезжать, а стою немного, чтобы привести мысли в порядок. Прикуриваю сигарету.

Как же я ненавижу 18 августа. Каждый год в этот день мать таскает меня на кладбище к какой-то незнакомой мне женщине. Она была лучшей подругой родительницы и крестила меня, но я ее не помню. 18 августа у нее день рождения, и каждый год в этот день мама под руку со мной приходила на ее могилу, возлагала букет тюльпанов и сидела в задумчивости, глядя на надгробный камень.

А я каждый раз не знал, куда себя деть. Сокрушаться из-за смерти незнакомой мне женщины, я не мог. Но вроде как она была маминной подругой, и для родительницы это важно, поэтому я стоял рядом с ней и делал вид, что тоже скорблю.

И хоть на самом деле я никогда не грустил, но на целый день настроение оставалось гадким. Я не могу описать это словами. Просто, когда мы возвращались домой, я заходил в свою комнату, закрывался там на целый день и вообще не выходил. Лежал на кровати и тупо смотрел в потолок. На душе скребли кошки.

Какая-то незнакомая мне женщина погибла много лет назад, и по причине того, что она была маминной подругой и крестила меня, мы каждый год таскаемся к ней на кладбище. И вроде мне не должно быть до этого дела, но, блин, каждый раз после этих походов на могилу меня выворачивает наизнанку.

И вот сегодня я должен поехать один, потому что мама лежит в больнице. Напоминаю, что по моей вине.

В несколько затяжек докуриваю сигарету, отбрасываю в сторону бычок, надеваю шлем и еду на гребанное кладбище. По дороге останавливаюсь у цветочной будки и покупаю тюльпаны. Дебильные цветы, но мамина подруга их любила.

Быстро нахожу семейный склеп Степановых, а там и могилу этой женщины. Кладу ей цветы и опускаюсь на лавочку рядом. Смотреть тут больше не на что, поэтому я смотрю на надгробный камень:

Степанова Виктория Валерьевна.

Сколько нужно посидеть, чтобы считалось, что я выполнил свой долг? Мать может тут находиться часами. Мне ведь не нужно столько же?

Достаю из кармана джинс телефон и залезаю в соцсети, но тут же себя одергиваю и убираю его обратно. Это неприлично. Мама расстроится, если узнает, что я завис в телефоне.

Силой заставляю себя просидеть тут 15 минут. Потом еще пять. 20 минут ведь достаточно? Думаю, да.

С чувством выполненного долга я встаю со скамейки, бросаю на надгробный камень последний взгляд, мысленно прощаюсь со Степановой Викторией до следующего 18 августа и направляюсь на выход. Я не готов приходить на ее могилу чаще, чем раз в год.

На удивление чувствую себя неплохо, но я знаю, что это обманчивое ощущение. Весь этот проклятый день мое настроение будет на нуле: я буду зол и раздражителен. Поход на кладбище 18 августа имеет надо мной какую-то странную силу.

Через час паркую мотоцикл на тротуаре возле дома и поднимаюсь в квартиру. Дома никого нет, что меня очень радует. Не хочу сейчас никого видеть и ни с кем разговаривать. Мало того, что сегодня 18 августа и я ездил на это дебильное кладбище, так еще и мама, подумав, что я стал наркоманом, загремела от нервного срыва в больницу.

Я опускаюсь в гостиной на диван и вытягиваю ноги на журнальный столик. Откидываю голову на мягкую спинку и прикрываю глаза. Шея и грудь покрылись испариной, а сердце бешено колотится. У меня всегда так 18 августа. В этот день после похода на могилу меня ломает неимоверно.

Я отдыхаю так минут 10, изо всех сил стараюсь выровнять дыхание и успокоить нервы. Но вдруг ключ в замке несколько раз поворачивается, входная дверь хлопает, а затем я слышу рингтон ЕЕ телефона.

— Алло, — звонко отвечает, и ее голос пробирается мне под кожу. — Привет! — Радостно щебечет. — Как твои дела?

Со всей силы зажимаю глаза и сжимаю кулаки.

Она пришла меня добить.

Глава 4. Провокация

— Супер! Да! Давай! — радостная и беззаботная интонация ее голоса выворачивает мою душу наизнанку. — До встречи.

Я слышу, как она сбрасывает на пуфик сумку. Как кладет ключи от квартиры на тумбочку у зеркала. Как делает несколько шагов по направлению к гостиной и резко останавливается. Я ее не вижу, но знаю, что она печатает сообщение на телефоне. Вот сейчас убирает его в карман и идет дальше. Заходит в комнату.

Я все еще с зажмуренными глазами, но чувствую, как ее взгляд скользит по мне. Чувствую, как разводит губы в презрительной ухмылке. Она проходит мимо, обдавая меня мощнейшим шлейфом своих духов, и плюхается рядом на диван.

Ее запах заполняет легкие. Это гребанный наркотик для меня, и я инстинктивно вдыхаю еще глубже. Лиза меняет парфюм каждый год. Сейчас у нее какие-то цветочные духи. Но не они мне интересны, а *ее личный* запах.

Отбрасываю мишуру вроде то ли пионов, то ли роз и концентрируюсь на ее собственном аромате. Лиза пахнет айвой. Задерживаю дыхание, цепляясь за наркотическую айву, и чувствую, как чистый кайф разливается по всему телу.

Я продолжаю сидеть с закрытыми глазами, но чувствую, как она прожигает своими невозможными серыми глазами мой профиль. Даже знаю, что подняла правый уголок губ в презрительной усмешке.

Ее взгляд просто выворачивает меня.

Не выдерживаю, открываю глаза и поворачиваю голову к ней. Да, именно так она на меня и смотрит, как я только что подумал. Отрываюсь от ее глаз и скольжу вниз по телу. Сердце неприятно саднит, когда я осознаю, что она вырядилась, как шлюха.

— Что это еще за проститутская юбка? — рассматриваю кусок джинсовой ткани на ее бедрах, который едва прикрывает трусы.

— Тебя забыла спросить, как мне одеваться. — И показывает мне фак с красным лаком на ногте.

— Я тебе этот палец сейчас в задницу засуну.

— Рискни.

Ну конечно, она пришла провоцировать и выводить меня на эмоции. И день для этого выбрала подходящий. Она знает, как я ненавижу 18 августа.

Три года назад Лиза зачем-то поперлась на кладбище со мной и мамой. Перед этим она с особой тщательностью расспросила родительницу, что это за женщина, на могилу которой мы каждый год ездим. Мать ответила, что это была ее лучшая подруга и одноклассница, которая покрестила меня, когда я родился. Лиза тут же увязалась с нами.

Сероглазая бестия внимательно всматривалась в надгробный камень, о чем-то усердно размышляя. Мать погрузилась в раздумья и не замечала никого вокруг. А мне, как всегда, было скучно и хотелось поскорее свалить, поэтому я просто наблюдал за Лизкой. Она щурила глаза, и у нее было такое выражение лица, будто она в уме решает задачи по матанализу.

В машине Лиза начала задавать маме новые вопросы.

— Кристина, а из-за чего умерла твоя подруга?

— Трагически погибла, — сухо ответила мать. Она не любила говорить на эту тему.

— А сколько Мише было лет, когда это случилось?

— Три годика.

Какая разница, сколько мне было лет???

— А у нее был муж?

От этого вопроса растерялась даже мама.

— Нет, Вика была не замужем.

— А какие-нибудь родственники у нее были?

— Были, но она с ними не очень ладила.

— То есть, ты была для нее самым близким человеком?

Вот зачем Лизе вся эта информация?

— Да. — Просто ответила мама и сконцентрировалась на дороге, давая падчерице понять, что больше не хочет говорить на эту тему.

Но Лиза не унималась и повернулась ко мне.

— Миша, ты вообще ее не помнишь?

— Вообще, — отрезал и засунул в уши наушники, повернувшись к окну. Но я затылком чувствовал Лизин пристальный взгляд.

И вот сегодня, 18 августа, эта Бестия, зная о том, что мама по моей вине загремела в больницу, и я ездил на кладбище один, приперлась сюда, чтобы добить меня окончательно.

Я отворачиваюсь от нее и смотрю на фотографию молодых родителей, висящую на стене.

— Какой же сегодня хороший день! — восклицает Лиза. — Правда, Миш? — и издает смешок.

Я продолжаю смотреть на портрет папы и мамы, игнорируя ее выпад.

— Но скоро лето закончится, — продолжает. — Начнется учеба. — На секунду замолкает. — Ой, у тебя не начнется. Тебя же снова отчислили. В который раз, напомни?

Я всё еще молчу, но стерва не унимается.

— Все дети как дети в нашей семье, один ты непонятно, в кого пошел, — качает головой осуждающе. — Как там Кристина? Живая хоть? Или ты уже до могилы ее довел?

— Закрой рот, — цежу. — И даже не произноси имя моей мамы.

Бестия громко смеется.

— Хорошо, я не буду произносить имя *твоей* мамы. — Она делает акцент на слове «твоей».

Я бы с радостью ушел сейчас в свою комнату, но никогда не доставлю стерве такое удовольствие — знать, что я сдался.

Боковым зрением замечаю, как она достает из кармана проститутской юбки телефон и берет его в руки горизонтально. Бьет пальцами по экрану и включает какое-то комедийное шоу.

Вот только этого мне не хватало.

— Надень наушники, — говорю ей спокойно. Почти прошу.

Она делает громче.

В груди поднимается вспышка гнева, но я изо всех сил стараюсь ее сдержать.

— Выключи или надень наушники, — повторяю тихо, но строго.

Она снова увеличивает громкость и смеется какой-то шутке.

— Если ты немедленно не прекратишь, я вышвырну твой телефон.

Стерва делает еще громче.

Сжимаю кулаки до хруста.

Клянусь, я правда изо всех сил старался сдержать в себе ярость. Но не получилось.

Подскакиваю с дивана и резким движением вырываю из ее рук проклятый телефон, а уже в следующую секунду со всей силы швыряю его в стену.

Комедийное шоу замолкает.

— ТЫ ОХРЕНЕЛ, ПРИДУРОК!!!!?? — Лиза подскакивает следом и орет на меня, что есть силы.

В этот момент меня снова обдает шлейфом ее запаха, и айва проникает глубоко в клетки.

Ну все, меня накрыло.

Беру Лизу за плечи и оттаскиваю к стене, вжимаю всем телом и хватаю за шею. Вот сейчас очень важно сдержаться и не придушить ее на самом деле.

Она замирает. Правой ладонью на Лизиной шее я чувствую, как быстро бьется ее пульс.левой ладонью на талии ощущаю учатившееся дыхание девушки.

— Зачем ты провоцируешь меня? — спрашиваю сквозь зубы.

В ответ она лишь тихо смеется.

Четыре года назад с Лизой что-то случилось, и она слетела с катушек. Я долго анализировал, в какой именно момент произошли перемены, и понял, что после того дня, когда она плакала в подъезде, а я смотрел на нее в растерянности и хотел стереть в порошок любого, кто обидел ее.

Нет, я не стал в тот день считать ее своей сестрой. Хоть миллион человек в один голос скажут, что она моя сестра, я не приму этот факт. С самого первого дня я четко осознал: она мне никто. И мое мнение об этом не изменится никогда. Да, умом я понимаю, что у нас один отец, но никто и ничто не заставят меня принять этот факт. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Я скорее умру, чем назову ее своей сестрой.

Но тогда в подъезде, смотря на слезы, которые градом катились по ее щекам, я хотел разорвать того, кто сделал с ней это. И тогда же я осознал, что больше не хочу с ней по-плохому. А по-хорошему не могу. Наверное, я действительно придурок, как говорит Лиза.

И я снова перестал ее задирать. Зачинщиком наших перепалок всегда был я, она лишь велась на мои провокации. Я прекратил это и решил, что лучше всего не обращать на нее внимания.

Но это болезненное сумасшествие оказалось нужно ей. С тех пор на эмоции и ярость она выводит меня умышленно. Вот как сейчас. Пришла в этот ненавистный день и стала издеваться. Она мазохистка.

Лиза чертова мазохистка, которая испытывает удовольствие от того, что я вот так ее скручиваю.

Чувствую ладонью на ее шее, как она сглатывает. Вскидывает голову наверх и смотрит мне ровно в глаза сквозь волосы, которые упали ей на лицо. Она пробует сдуть их, и порывом ее дыхания светлые пряди достают до моего подбородка, ударяя меня током.

— Что-то ты сегодня без настроения, братик, — она делает акцент на слове «братик», и меня передергивает.

— Я тебе не брат, — цежу ей.

— Кто тебе это сказал? — смеется. — Брат самый настоящий. Старший.

Усиливаю хват на шее. Придушу стерву, если не заткнется.

— Как же это хорошо — иметь старшего брата! — продолжает сахарным голоском. — Я так счастлива, что ты у меня есть.

— Зачем тебе это? — повторяю свой вопрос.

— Что именно?

— Мой гнев. Специально ведь выводишь меня. Тебе самой не надоело за всю жизнь? Неужели тебе нравится, когда я вот так тебя хватаю?

Зрачки ее серых глаз резко расширяются. Она облизывает пересохшие губы, и я на мгновение завигаю, рассматривая их. Быстро трясую головой, чтобы прогнать наваждение, и возвращаюсь к глазам.

— Да брось, ты ведь тоже кайфуешь, — тихо говорит.

— Уже давно нет. Слушай, давай мы просто будем делать вид, что нас не существует? Ты не будешь замечать меня, а я не буду замечать тебя.

Она цокает.

— Нееет, — тянет. — Я так не хочу.

Мгновение она смотрит на меня, прищурившись. А затем тянется рукой к моему лицу и аккуратно проводит пальцами по щеке. Ощущение — будто меня долбануло молнией, и я резко откидываю голову назад.

— Что ты делаешь? — испуганно спрашиваю.

— Просто дотронулась.

— Не делай так больше.

Я отпускаю ее и быстро отворачиваюсь. Подхожу к окну и опираюсь о подоконник, привалившись лбом к стеклу.

Я спиной чувствую ее взгляд. Знаю, что она сейчас скрестила на груди руки. Знаю, что склонила голову на бок. Наслаждается.

— Переоденься, — говорю ей.

— Что?

— Я говорю, сними эту проститутскую юбку и надень что-нибудь нормальное. И чтобы я больше не видел на тебе такое. Тебе не идет образ шлюхи.

Чувствую, как пожимает плечами.

— А мой парень сказал, что в этой юбке у меня ноги еще сексуальнее.

Что???

Глава 5. Никаких скандалов

От смерти Лизу сейчас спасает хлопок входной двери и крик отца на всю квартиру:

— Кто дома!?

— Я.

— Я.

Отвечаем мы с Бестией одновременно.

Папа заходит в гостиную и окидывает нас взглядом, пытаясь быстро оценить накал страстей. Конечно, отцу известно о наших с ней, мягко говоря, напряженных взаимоотношениях.

— Папа привет! — Лиза подбегает к нему и целует в щеку.

— Привет, — он гладит ее по спине. Лиза отходит на пару шагов, и от меня не скрывается тот факт, что отец недовольно смотрит на ее слишком короткую юбку и хмурится. Но вслух ничего не говорит.

Папа продолжает переводить подозрительный взгляд с меня на Лизу и с Лизы на меня. Явно чувствует, что что-то не так. Потом он обводит глазами всю комнату и, конечно, натывается на разбитый смартфон Бестии, который продолжает валяться у стены. Резко впивается в меня глазами, выгнув бровь.

— Я куплю Лизе новый телефон, — отвечаю на его немой вопрос.

— Зайди ко мне в кабинет. — Ослабляет галстук. — Надо поговорить.

Отец разворачивается и выходит из гостиной. Смерив Лизу последним взглядом, я иду следом за ним. К Сероглазой бестии я еще обязательно вернусь. Мы с ней не договорили.

Когда я захожу в папин кабинет, он уже сидит за рабочим столом. По нему видно, что он очень устал: лицо блестит жирным блеском, а глаза потухли. Я знаю, что у отца в его адвокатской фирме сейчас очень сложное дело, которое он ведет лично. А еще и маму вчера в больницу увезли. Папа сильно из-за этого перенервничал.

Я сажусь на стул напротив стола. Папа что-то ищет в ящике, а затем достает пакетик с травкой, который домработница вчера нашла в моей комнате и отдала родителям. Отец зажал его между указательным и средним пальцем.

— Вчера у нас получился очень эмоциональный вечер, и мы даже толком не поговорили. Откуда это у тебя?

Я молчу и тру переносицу.

— Или ты скажешь, что это не твое? — его правая бровь взлетает вверх.

— Мое, — честно отвечаю.

— И что ты с этим делал?

— Ничего, — я вздыхаю. — Пап, я не наркоман, клянусь тебе. Эту траву я хотел покурить, но так и не покурил. Кинул в ящик и забыл. Вспомнил только вчера, когда поднялся скандал.

Отец кладет пакетик с марихуаной на ладонь и как бы пытается его взвесить.

— Тут меньше ста грамм, — наконец изрекает. — Для марихуаны крупный размер идет от ста грамм, так что тебе повезло, твое наказание будет не таким строгим, как могло бы. — Отец подбрасывает пакетик с травой на ладони и продолжает голосом обвинителя: — Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств в значительном размере наказываются штрафом, либо обязательными работами, либо исправительными работами, либо ограничением свободы на срок до трех лет, — он делает драматичную паузу, — либо лишением свободы на тот же срок.

Ну понятно. Сейчас начнутся нравоучения отца-юриста. Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди, готовый выслушать все, что он скажет.

— Ты ранее не судим, — продолжает, — и при условии, что у тебя будет хороший адвокат, ты будешь сотрудничать со следствием и сдашь тех, кто продал тебя марихуану, сможешь отделаться условным сроком или даже штрафом. Но тем не менее на тебе будет висеть судимость. — Он произносит это таким тоном, будто выносит мне смертный приговор.

Отец небрежно бросает на стол пакетик и опускается на спинку большого кожаного кресла. По нему видно, что он сильно измотан. Распереживался вчера из-за мамы. В его черных волосах будто добавилось седины. Папа внимательно смотрит на меня несколько секунд и спрашивает:

— Миш, вот скажи мне, ты вообще как эту жизнь жить собираешься? Тебе 24 года, тебя уже четыре раза отчисляли из института, ты зарабатываешь на жизнь нелегальными ночными гонками и подпольными боями без правил, в которых людей избивают до состояния комы. А теперь еще выясняется, что ты хранишь в своей комнате наркотики.

— А что ты хочешь? — нервно отвечаю. — Чтобы я в 24 года просил у вас с мамой деньги на бензин и на сигареты?

— Я хочу, чтобы ты уже наконец-то получил образование и устроился на нормальную работу, — цедит отец. — Сколько можно уже нам с матерью нервы трепать? Ты хоть понимаешь, что из-за вот этого, — папа снова берет в руки пакетик с травкой и трясет им передо мной, — у матери нервный срыв случился! — бросает пакетик на стол, и он отлетает ко мне. — Мать в больнице из-за тебя, ты понимаешь это!?

Папа сейчас такой злой, что мне на секунду кажется: он снова заедет мне кулаком по лицу. Но вместо этого он срывает с себя галстук и отшвыривает его куда-то в сторону.

— Если честно, я не понял, почему мама вчера так эмоционально отреагировала. Ну нашли у меня в комнате травку. Я же не наркоман.

Отец качает головой и изо всех сил старается сдержать гнев.

— У матери сердце разрывается от твоих темных делишек, как ты это не понимаешь?

Я шумно вздыхаю и молчу.

— Миша, — продолжает тихо и спокойно, но я знаю, что это обманчивое впечатление. Именно когда отец говорит тихо и спокойно, его и нужно бояться больше всего. — Ты ведь знаешь, что мама недавно вывела строительную компанию на биржу.

— Да, — киваю.

— И что это значит? Давай, студент экономического факультета, расскажи мне, что становится с компанией, когда она выходит торговаться на биржу. Тебя хоть и отчисляли четыре раза, но все-таки какие-то знания ты же должен был вынести из университета.

— Ну, компания становится публичной... — начинаю неуверенно.

Отец кивает, и я облегченно выдыхаю. Не хочется сейчас облажаться перед ним.

— Правильно. Компания становится публичной. А что значит — публичная компания?

— Ну, ее акции торгуются на бирже...

Он снова кивает.

— Верно. И от чего зависит стоимость акций? Почему они могут дешеветь или дорожать?

— Много факторов на это влияет...

— Назови мне несколько.

Чувствую себя хуже, чем на экзамене. На экзамене я мог спокойно встать с места и послать препода куда подальше. А вот родного отца послать куда подальше я не могу. Придется мужественно сидеть под его строгим взглядом и отвечать на вопросы. И не дай Бог опозориться неправильным ответом.

— Например, финансовые показатели компании могут влиять на стоимость ее акций. Каждый раз, когда выходит отчетность, это влияет на цену бумаг. Если компания получила хорошую прибыль, то на этой позитивной новости акции растут. Если у компании убыток, то стоимость бумаг падает.

— Правильно. А что еще влияет?

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Ну, внешний фон вокруг компании влияет. — Бросаю нетерпеливо. — Если организация замешана в скандалах, то цена акций падает.

— Вот! — Папа поднимает вверх указательный палец. — Мы подобрались к самому интересному. Как ты считаешь, что будет со стоимостью бумаг, если выяснится, что сын главы публичной компании организует подпольные бои без правил, — отец загибает пальцы, начиная перечислять мои грехи. — Проводит нелегальные гонки, дает взятки ментам, а теперь еще и хранит у себя дома наркотики? Как ты думаешь, если тебя схватят за задницу и начнут судить, а судебное разбирательство будет открытым, как это отразится на цене акций маминой компании, на развитие которой она положила всю свою жизнь!?

Последние слова отец уже буквально выплевывает сквозь зубы. Я опускаю взгляд в пол и не имею ни малейшей идеи, что ему ответить.

— Пап, — тихо начинаю, все еще рассматривая темно-коричневый паркет его кабинета. — Я все понимаю. Я обещаю, что в этот раз окончу институт. Я пойду 1 сентября на занятия и, клянусь тебе, доучусь до конца. Получу этот гребанный диплом экономиста и найду какую-нибудь работу по специальности.

— Когда тебя в предыдущие три раза отчисляли, ты то же самое говорил.

Блин, да, я действительно каждый раз обещаю родителям, что доучусь, и каждый раз забиваю на универ.

— В этот раз точно доучусь.

— Миш, а ты вообще кем видишь себя через пять лет?

Я наконец-то поднимаю на него взгляд.

— Собой. Через пять лет я вижу себя собой.

— Это на нелегальных гонках и боях без правил?

Я вздыхаю.

— Пап, я завяжу с этим.

Отец недоверчиво хмыкает.

— Миша, тебе уже 24 года, а у тебя нет ни единого плана на дальнейшую жизнь. Ты вообще на что рассчитываешь? На наследство?

— Нет, на него я точно не рассчитываю, — поспешно отвечаю.

И это правда. У родителей многомиллионное состояние, и, наверное, когда-нибудь оно будет делиться между всеми детьми, но я об этом даже не думаю.

— Я просто ума не приложу, что с тобой делать. Ира вот интересуется политикой. Леша, скорее всего, пойдет по маминым стопам и получит в управление строительную компанию. Свою юридическую фирму я со временем передам Лизе. А ты что?

Слова о том, что отец собрался отдавать Лизе свою компанию, меня сильно задевают. Я быстро вскидываю на папу взгляд, чувствуя, как сердце неприятно саднит.

— Почему ты решил отдать Лизе свою фирму?

— Потому что она вполне успешно учится на юридическом факультете и работает на каникулах у меня. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что она сможет управлять адвокатской фирмой. В магистратуру я отправлю ее учиться за границу, чтобы она хорошо узнала европейское и международное право. После она вернется в Москву и будет работать у меня. Со временем я передам ей дела полностью.

Я с силой сжимаю под столом кулаки.

— Но почему именно Лизе? Почему не Ире или не Леше?

— Потому что Леша поедет учиться в Гарвард, а потом мама отдаст ему строительную компанию. Ира не интересуется моей фирмой.

— А Лиза когда-то ею интересовалась? — слова вырываются вперемешку с болью и обидой. — Ты поэтому настаивал на том, чтобы Лиза шла учиться на юрфак? Ты заранее спланировал, что отдашь ей свою фирму?

— Лиза долго не могла решить, куда ей поступать. — Невозмутимо отвечает. — Я предложил юридический факультет, потому что уже тогда понимал, что ты раздолбай, Ира безразлична к моему делу, а Леша очень интересуется строительством. Я жизнь положил на то, чтобы сделать свою юридическую компанию международного уровня, и да, я думаю о наследнике, которому она достанется. Это будет Лиза.

Слова отца забили гвозди в крышку моего гроба.

— Все понятно, — на автомате отвечаю и поднимаюсь с места, чтобы поскорее уйти из отцовского кабинета.

— Миша, подожди, — окликает меня у двери.

Я нетерпеливо оборачиваюсь.

— Нашей семье публичные скандалы строго противопоказаны. — Прожигает меня взглядом. — Если все твои темные делишки всплывут, то мамина работа будет насмарку. А она пашет каждый день по 14 часов. Не спит и не ест. Компания — это дело всей ее жизни.

— Я знаю, пап, — перебиваю его и хочу как можно быстрее исчезнуть.

— Никаких. Публичных. Скандалов. — Чеканит каждое слово.

— Хорошо. Я брошу свои «темные делишки», как ты говоришь, и пойду 1 сентября в институт. Извини, что не вписываюсь в вашу идеальную семью. — Мне невыносимо больно произносить последнее предложение, но это правда.

Отец тут же открывает рот мне возразить, но я быстро выхожу за дверь.

Глава 6. Бизнесмен

Я быстро направляюсь в свою комнату. Падаю на кровать и закрываю лицо ладонями. Тело начинает трясти мелкой дрожью.

На самом деле мне глубоко наплевать на родительский бизнес. Я не интересуюсь ни маминой строительной компанией, ни отцовской адвокатской фирмой. У предков достаточно денег, недвижимости и прочих благ, так что я знаю, что наследством обделён не буду. Но мне даже и не нужно это наследство.

За 24 года своей жизни я научился хорошо делать три вещи:

Махать кулаками.

Водить автомобиль.

Считать деньги.

На свой первый айфон я заработал в 14 лет. Два пацана в школе каратэ, которую я посещал, сильно из-за чего-то спорили. Я предложил им решить конфликт с помощью честного боя. Кто победит — тот и прав. Они оба согласились, а остальные ребята решили поглазеть, как они будут драться. Немного посомневавшись, я предложил зрителям сделать ставки.

Так я получил свои первые собственные деньги.

Сначала я организовывал драки в обычных подворотнях. Всегда находились два чудака, желающие выяснить отношения на кулаках, и еще человек десять чудиков, желающих на это посмотреть и даже сделать ставку на победителя. Так, начиная с 14 лет, я начал зарабатывать.

Если в ходе боя кто-то расхотелся не на шутку, я вмешивался. Пару раз мне даже пришлось вырубать особо агрессивных. У меня всегда было железное правило: бейте друг друга, сколько хотите, но не до смерти.

На таком нехитром бизнесе к 18 годам я скопил приличную сумму и решил открыть свой собственный клуб боевых искусств.

У меня ушло на это полтора года. Мой клуб — это мое детище. Днем он работает, как школа для детей, подростков и взрослых. У меня есть секции каратэ, борьбы, бокса, тхэквондо, айкидо и другие. На любой вкус и цвет. С детьми занимаются профессиональные тренеры, их возят на соревнования. Взрослые приходят ко мне просто поддерживать форму. Даже есть девушки среди посетительниц. Для них у меня специальные курсы самообороны.

Я вложил в этот клуб всю свою душу. Очень тщательно подбирал помещение в пределах Третьего транспортного кольца, делал ремонт, нанимал персонал. Мне даже пришлось окончить специальные курсы бухгалтера, чтобы честно вести «дневной» бизнес. Нужно же выдавать клиентам чеки за оплату занятий, начислять зарплату тренерам и другому персоналу, платить налоги государству.

Поразительно, но на моем экономическом факультете меня учили чему угодно, но только не этому. У меня были такие «очень нужные» предметы как история, философия, этика и матанализ. А вот предмета, как составлять отчетность для налоговой и как перечислять в бюджет подходящий налог за моих сотрудников — не было.

Ну и нахрена мне этот диплом экономиста, если меня там не учат тому, что мне реально нужно в моем бизнесе?

Ах да, я должен получить диплом, потому что так хотят родители.

Днем мой клуб — это законопослушная организация, которая работает только «в белую» и платит все налоги. Но настоящая жизнь у меня начинается ночью...

В большом зале, который днем стоит закрытым, расположен ринг, а по бокам от него трибуны для зрителей. И я делаю то, на чем в 14 лет заработал свои первые деньги: провожу бои без правил и собираю ставки с пришедших поглазеть. И именно это и приносит мне основной доход, а не секции борьбы и бокса. Они так, для видимости.

Правило для участников боев у меня прежнее: бейте друг друга сколько хотите, но не до смерти. На случай, если кто-то из участников слишком разойдётся, у меня есть секьюрити. Вообще, на охране я не экономлю. Мне не нужны летальные исходы.

Но сильные избиения все равно случаются. Пару раз доходило до комы. Но я и тут себя подстраховал: перед каждым боем участники подписывают документы, что не имеют претензий к организатору мероприятия — то есть, ко мне. Вся ответственность за их увечья только на них самих.

Поначалу я и сам дрался. Просто потому что люблю это и чтобы не быть сапожником без сапог. Но со временем бросил. Мать каждый раз хваталась за сердце, когда видела у меня разбитое лицо, а Лиза радовалась. А я слишком сильно ненавижу Сероглазую бестию, чтобы доставлять ей такое удовольствие.

Да, я действительно бросил драться из-за Лизы...

Доходы с клуба позвонили купить себе дорогой спортивный автомобиль. Сначала я просто гонял на нем по Москве в своё удовольствие, а за каждое превышение скорости платил ментам.

Был на одном перекрёстке один гаишник, который постоянно меня останавливал и угрожал лишением прав. В итоге я уже столько денег ему отстегнул, что мы с ним неожиданно подружились. Я даже сам не заметил, как это произошло. Просто в какой-то момент после очередной взятки я поймал себя на том, что мы с ним стоим и трепимся о жизни. Он мне рассказывает, что у него двое детей, а я ему говорю, что у меня свой клуб боевых искусств.

— Я бы к тебе своего сына привёл, — задумчиво почесал затылок.

— Приводи, — протянул фирменную визитку клуба.

И он действительно привёл ко мне семилетнего пацана, которого я определил на борьбу. Так мое общение с гаишником стало еще теснее.

Мент продолжал водить ко мне своего сына и брать с меня взятки на дороге. А потом однажды подкинул мне заманчивую идею.

— На твоей машине бы в гонках участвовать, а не на московских светофорах торчать. — Оглядел придиричиво мою спортивную «Феррари», когда я в очередной раз ему отстегнул за превышение скорости.

— Я бы с удовольствием. — Хохотнул. — Вот только где?

— Да в Подмосковье полно полузаброшенных дорог! Да и в целом за отдельную плату для тебя и в населенном пункте трассу перекроют. Главное — договориться с нужными людьми. — И подмигнул мне.

Я сомневался от силы три секунду прежде, чем задал ему вопрос:

— А сведёшь меня с этими нужными людьми?

Так у меня появилось несколько собственных гоночных маршрутов. Принцип такой же, как и на ринге: кто-то соревнуется за звание лучшего, а кто-то делает на них ставки. Правда, тут все-таки сложнее, чем с клубом. В последнем все происходит за закрытыми дверями, а тут у всех на глазах. Приходится платить не только ментам, но и подмосковным чиновникам.

Таким образом, я просто объединил две свои самые большие страсти — драки и машины — и сделал собственный бизнес, который приносит мне достаточно денег, чтобы полностью не зависеть от родителей и даже оплачивать обучение в моем беспонтовом универе, из которого меня то и дело отчисляют.

Вот зачем мне учеба на экономическом факультете? Она только отнимает у меня время от нормальных дел! Тем более что в универе не учат тому, что мне реально необходимо. А знание истории и философии мне правильно заплатить налоги не поможет.

Мне не нужно высшее образование, чтобы зарабатывать хорошие деньги. И мне не нужен родительский бизнес, потому что у меня есть свой. Мне вот вообще до фонаря мамина компания и папина фирма. Я ничего не понимаю в строительстве и юриспруденции и не хочу пони-

мать. Но зато я понимаю, как бить морду и водить автомобиль, и очень хорошо на этом зарабатываю.

Но слова отца о том, что он собрался отдавать Лизе свою фирму, просто вонзили мне кинжал в сердце.

Почему-то в тайне, в глубине своей души, в самых потаенных уголках своего сердца я надеялся, что Лиза — не папина дочь. В детстве я был уверен, что это просто какая-то посторонняя девочка, о которой папа заботится из жалости. Лиза не похожа на отца внешне — у нее серые глаза и светлые волосы, как у ее матери. Отец же кареглазый брюнет.

Именно поэтому все свое детство я был уверен, что отец удочерил Лизу. Ну мало ли, всякое в жизни бывает. Усыновляет же кто-то чужих детей. До 14 лет я упорно дразнил Лизу «несчастной сироткой» и «бедной родственницей», а также внушал, что отец любит ее куда меньше, чем меня, Иру и Лешу. Мы-то ему родные дети в отличие от нее.

Но в 14 лет я понял, что это не так. В тот день, когда десятилетняя Лиза умудрилась разобрать отвертками мой велосипед, я ворвался в ее комнату, навалился на нее всем телом и схватил за шею. А потом впился взглядом ровно в лицо девчонки и заметил сходство с отцом. Скулы, нос и подбородок у нее, как у папы.

Это не кидается в глаза, если просто на нее смотреть. Первое, что видишь в Лизе — серые глаза и светлые волнистые волосы, как у ее матери. Но вот если приглядеться, то черты лица у нее папины.

Именно после этого случая я и оставил мелкую бесячую Лизу в покое. Просто делал вид, что она не существует. К тому же я хорошо поразмыслил и решил, что моя детская теория о Лизином удочерении — это полнейший бред. На фига отцу просто так содержать чужого ребенка и называть его своим? Зачем ему это? А значит, Лиза действительно его дочь от другой женщины.

Значит, родители действительно в ранней молодости необдуманно поженились, родили меня, потом разбежались, отец вступил в брак с Лизиной мамой, а потом развелся и снова женился на моей матери. Очень запутанная схема, но у нас действительно странная семья, учитывая, что родители вдобавок ко всему сводные брат и сестра: мамин отец женат на папиной матери.

Бразильский сериал, блин.

Однако маленький лучик надежды на то, что Лиза нам чужая, все равно всегда теплился во мне. Да, я увидел ее внешнее сходство с папой, понял, что никто ее не удочерял, но в глубине своей души, в самом ее потаенном уголке я отчаянно надеялся, что мы с ней не брат и сестра.

Но тот факт, что отец собрался отдать ей свою юридическую компанию, свое детище, которое он сам основал, потушил этот лучик надежды в моей душе. Чужому человеку отец никогда не отдаст свою фирму. Сероглазая бестия действительно мне сестра по отцу. Но я все равно никогда не приму этот факт. Я не почувствовал в ней сестру 20 лет назад, когда первый раз увидел, я не чувствую в ней сестру и сейчас.

Слышу в коридоре голос отца и смех Лизы. Затем входная дверь хлопает, что означает уход Бестии восвояси. Хмыкаю про себя. Раз не осталась на ужин и тем более на ночь, значит, действительно приходила, чтобы побесить меня. Знает, что отец на работе, мама в больнице, Ира и Леша еще в Лондоне, соответственно, я дома один.

Почему она не хочет просто игнорировать меня? Ведь как хорошо было в те четыре года, когда я прикладывал максимальные усилия, чтобы не замечать ее: такую мелкую и такую бесячую. И ей ведь тоже было хорошо, что я ее не задирал. Да, я потом сам возобновил наше жесткое противостояние, потому что увидел ее селфи с тем сопляком из Золотого ручья. Взбесился из-за этого, как никогда, и тут же помчался в поселок доходчиво объяснять парню, чтобы не смел подходить к Лизе ближе, чем на 100 метров. А потом я посмотрел на нее и вдруг понял, что Лизе уже не 10 лет.

Просто я помню, как она любила смотреть «Русалочку» и играть в куклу Барби. А тут вдруг у нее парень появился. Пока я познавал прелести половой жизни с девушками, не заметил, как выросла Лиза.

Почему я вообще о ней столько думаю? Почему я так нервно на нее реагирую?

«А мой парень сказал, что в этой юбке у меня ноги еще сексуальнее».

Эти слова всплывают в памяти и поднимают волну возмущения по всему телу. Кулаки сами сжимаются.

Быстро подскакиваю с кровати и несусь в кабинет отца.

— Пап, — врываюсь к нему. — А у Лизы парень появился?

Отец отрывается от каких-то бумаг и смотрит на меня.

— Не знаю. А что?

— Она мне сегодня обмолвилась, что у нее есть парень.

Отец пожимает плечами.

— Возможно и есть.

— А не рановато ей? — выпаливаю возмущенно.

— Лизе уже 20 лет.

— И что?

Папа сужает глаза в подозрительном прищуре.

— Чего это ты вдруг включил заботу о младшей сестре?

— А тебя не интересует личная жизнь твоей дочери? — отвечаю вопросом на вопрос, повышая голос.

— Я уверен, что если у Лизы появился парень, то это порядочный молодой человек. С другим она никогда не будет. Так что не переживай, — отец слегка смеется и возвращается к бумагам.

Закрываю дверь его кабинета и возвращаюсь в комнату.

«С другим она никогда не будет».

Отец все-таки плохо знает Лизу. Уж мне известно, как никому другому, с какими подонками она может связаться.

Сажусь на кровать. Вдруг четко ощущаю три чувства одновременно: панику, растерянность и бессилие. Смотрю в одну точку на белой стене, судорожно соображая, что делать.

Вот уже четыре года — с того самого дня, когда она плакала в подъезде — Сероглазая бестия медленно убивает меня. Режет тупым ножом. Безжалостно вонзает его мне в сердце и поворачивает рукоятку. И смеется при этом. Наслаждается. Получает удовольствие.

То будто невзначай дотронется до меня. А я потом это место хочу вырвать с мясом, потому что полыхает синим пламенем от ее прикосновения.

То наговорит мне гадостей, а затем вдруг возьмёт и улыбнется. По-доброму так. Искренне. А мне эта улыбка потом ночами снится.

То, как сегодня, выведет из себя, чтобы я ее прижал к стене и схватил за шею или за волосы. И стоит так покорно, не вырывается, не сопротивляется. Но так близко, что ее дыхание опалает кожу, а наркотический запах прожигает легкие.

Достаю из кармана телефон и захожу в ее соцсети. Миллион раз запрещал себе смотреть Лизины профили в интернете и миллион раз нарушал этот запрет. Вот и сейчас, как одержимый маньяк, открываю ее страницу в ВК и пытаюсь найти следы парня. Но у нее все те же старые фотографии, а семейного положения нет.

Глаза непроизвольно падают на одну из фоток двухлетней давности. Лиза стоит в обнимку со своим псевдо-двоюродным братом Ярославом. Это снимок с ее 18-летия.

Лиза обеими руками обнимает его за пояс, а он по-хозяйски закинул руку ей на плечо. Сероглазая бестия в коротком красном платье и на шпильках льнет к этому придурку всем телом, а он и рад.

Может, она с ним?

Да не, вряд ли. Он же племянник ее отчима.

Отшвыриваю телефон в сторону. Этот Ярослав никогда мне не нравился. Раньше я встречался с ним ровно один раз в год — на Лизин день рождения. Но последние несколько лет я перестал посещать ее праздники, поэтому давно не видел этого парня. Просто Лиза уже сама отбирает гостей на свой день рождения, и меня в списке приглашенных, естественно, никогда нет.

Так вот этот Ярослав постоянно вокруг нее вился. Лиза смеялась его шуткам, а меня это всегда бесило. Парень всего на год младше меня, и однажды я подкараулил его, чтобы объяснить, что чем больше Лиза с ним веселится, тем больнее я буду ему делать. И ей.

Я каратист, поэтому рассчитывал расквитаться с ним быстро. Но не тут-то было. Сученыш дал мне нехилый отпор. Затем я попробовал договориться с ним по-хорошему, однако он ни в какую.

Да я даже деньги ему предлагал!

Я был готов отдать ему, что угодно, лишь бы он перестал ошиваться вокруг Лизы. Лишь бы не видеть их фотографии в соцсетях. Лишь бы не слышать, как она смеется его шуткам. Но сученыш послал меня на три буквы и показал, что тоже умеет махать кулаками.

Лиза — моя самая большая загадка.

Будь проклят тот день, когда я ее первый раз увидел! 20 лет мне все навязывают ее как сестру, а я уже просто устал этому сопротивляться. С огромным удовольствием я бы делал вид, что ее не существует, но ведь она сама требует от меня внимания! Сама первая ко мне лезет! Вот как сегодня.

Зачем ей эта война?

И почему два года назад она так горько плакала у моей больничной койки, когда я попал в сильную аварию и лежал с переломами? Она ведь меня ненавидит и должна была радоваться, что я чуть не погиб.

Наверное, она тогда плакала из-за чувства вины. Все-таки какой бы стервой Лиза ни была, а совесть у нее есть. Понимала, что это из-за нее я тогда согласился принять участие в гонке и чуть не разбился насмерть.

Когда-нибудь эта девушка совершенно точно загонит меня в могилу. В прямом смысле. Один раз ей уже почти удалось это.

Падаю головой на подушку и закрываю глаза, перемещаясь на два лета назад. В день, когда я чудом остался жив, а Лиза, думая, что я все еще сплю после наркоза, сжимала в руках мою ладонь, захлебывалась слезами и читала молитву, чтобы я не умирал.

Глава 7. Змей

2 года назад

— Сколько лет, сколько зим! — Змей медленно хлопает в ладоши, когда я слезаю с мотоцикла и направляюсь к нему. Мы жмём руки. — Я уже забыл, как ты выглядишь, Сэми.

Сэми — это моя кличка в узких кругах. От фамилии Самойлов. Как-то так повелось еще с детства.

— Мне сказали, что ты очень хочешь со мной поговорить, — я усмехаюсь и убираю руки в карманы джинс.

Никита Змеев — он же Змей — всегда был моим главным соперником. Мы не конфликтовали в открытую, наше противостояние всегда было как бы между строк. У нас вроде как хорошие приятельские отношения, но если вдруг ему кирпич на голову упадёт, я не расстроюсь. Так же и он не будет сожалеть, если меня однажды переедет фура.

Змей небрежным движением руки откидывает назад длинную блондинистую челку.

— Что-то давно мы с тобой не катались, Сэми, — Змей закуривает.

— Ну так в последний раз ты отстал от меня больше, чем на две минуты. Я так понял, тебе это не понравилось.

— Хочу реванша.

Хмыкаю. Еще бы он не хотел реванша! Он лет так с 13 мечтает о реваншах со мной.

— Я больше не катаюсь. Ты наверняка слышал. — Категорично заявляю.

— Да брось, всего одна гонка. Как в старые добрые времена.

— Зачем мне это?

— Если выиграешь, отдам тебе Солнечногорск.

Я на секунду задумываюсь. Полгода назад Змей увёл у меня из-под носа лакомый кусочек трассы — участок возле подмосковного Солнечногорска. Не сказать, что я очень сильно из-за этого расстроился, но если бы трасса досталась мне, я бы не отказался.

— Солнечногорск — это хорошо, но я и без него могу обойтись. — Говорю, немного поразмыслив над его предложением.

Змей глубоко затягивается.

— Что с тобой, Сэми? Тебя не узнать в последнее время. Перестал драться, перестал гонять...

— У меня есть люди, которые дерутся и гоняют без меня. Моя работа теперь рубить на них бабки. Так что ты зря меня искал. — Я отбрасываю в сторону окурков. — В следующий раз захочешь со мной поговорить, позвони мне сам.

Я разворачиваюсь обратно к своему мотоциклу, как Змей меня окликает.

— Подожди, — нехотя поворачиваю к нему голову. — Последняя просьба к тебе, Сэми. Можешь дать совета? Чисто по-дружески.

— Какой еще совет?

— Да я тут с девушкой познакомился. Свидания, цветы и все такое... В общем, месяц это все длится, как думаешь, уже пора тащить ее в постель? Ей 18 лет, и она вроде как девственница. — Я недоуменно на него смотрю, а Змей делает секундную паузу. — Ее зовут Лиза. — И разводит губы в противной ухмылке.

Меня окатывает ледяной волной то ли страха, то ли паники. Так сходу и понять не могу. Я пристально смотрю на невозмутимого Змея, вальяжно облокотившегося на свой мотоцикл и прикуривающего вторую сигарету.

Мой первый порыв — заехать ногой по его наглой роже, но каким-то невероятным усилием воли я себя сдерживаю. Нельзя. Я обязательно урою эту тварь, но не сейчас.

— Давай так, Сэми, — начинает серьезным голосом. — Устраиваем честный заезд. Только ты и я. Если ты выиграешь, я отдам тебе Солнечногорск и попрощаюсь с твоей прекрасной сестренкой. Если я выиграю, ты отдаёшь мне Жуковский. И я-таки трахну красотку Лизу. — И подмигивает мне.

— Ты преувеличиваешь ее значимость для меня, — говорю хладнокровно, стараясь не выдать своих настоящих чувств. — Она мне сестра только по отцу. И, кстати, знаешь, кто наш отец?

— Какой-то крутой адвокат. Но она совершеннолетняя и со мной по собственному желанию. Поверь, мне не придется ни к чему ее принуждать. Она сама с огромным удовольствием запрыгнет в мою постель.

Змей противно улыбается, а у меня кисти рук сводит судорогой — так сильно я хочу заехать ему по морде.

— Ну так что, Сэми? По рукам? — Нетерпеливо повторяет.

Я мгновение прожигаю его взглядом. У меня нет времени обстоятельно подумать, поэтому я иду ва-банк.

— Я уже давно не катаюсь. Не вижу причин это менять.

Запрыгиваю на мотоцикл, надеваю шлем и быстро газую. Я гоню, что есть сил. Лиза поступила на юридический факультет и перед началом учебного года стажировалась в папиной фирме. Я мчусь туда: лавирую между машинами, не торможу на красный и не пропускаю пешеходов.

Доехав до «Москва-Сити», я бросаю мотоцикл на тротуаре и несусь в одну из башен. Поднимаюсь на нужный этаж, захожу в опен-спейс и ищу Бестию. Она стоит у принтера и достаёт бумаги из печати.

Со скоростью света подлетаю к ней.

— Ты что делаешь!?! — громко возмущается, когда я тяну ее за руку в переговорку. Закрываю дверь на замок и опускаю жалюзи.

Растерянная Лиза стоит, прижавшись к столу. Подхожу к ней вплотную и нависаю сверху.

— Ты хоть понимаешь, с кем ты связалась? — цежу сквозь зубы.

— Ты о чем?

— Никита Змеев. Ты знаешь, кто он на самом деле? Потрудились бы справки навести, под кого ложиться собралась. — Выплываю со всей злостью, какой только могу. Убить ее мало.

Глаза Лизы тут же загораются азартом. Она скрещивает на груди руки и смотрит с вызовом.

— Ну и кто же он? — поясничает.

— Он мой главный конкурент. Змей использует тебя, чтобы насолить мне. А ты, дура, повелась на цветы и свидания. Думаешь, ты ему нужна? Он за счет тебя хочет досадить мне.

Лиза тихо смеется. Склоняет набок голову и закусывает губу.

— А почему ты думаешь, что это он меня использует, а не наоборот?

Сероглазая бестия всем своим видом насмехается надо мной. Я вглядываюсь в ее лицо, и меня ту же озаряет.

— То есть, ты с ним специально начала отношения, зная, что мы конфликтуем!?! Назло мне!?!?

— Ну что ты, братик, — тянет сахарным голоском, делая акцент на последнем слове. А меня от этого «братик» аж передергивает. — Как я могу быть с кем-то назло тебе? У нас с Никитой случилась любовь с первого взгляда. Ну а то, что ты с ним соперничаешь с детства — так откуда я это знала? Я же никогда не входила в твой круг доверия.

Делаю к Лизе еще шаг, она инстинктивно подаётся назад. Я дышу так быстро, будто на несколько минут нырял с головой, а сейчас всплыл на поверхность.

— Скажи, что я стерва и дрянь. — Облизывает губы. — Давно ты меня так не называл. Я соскучилась.

— Я запрещаю тебе быть с ним. — Предупреждаю зловещим шепотом, опускаясь на стол руками по бокам от ее тела.

Бестия вскидывает бровь.

— И каким же образом ты можешь мне это запретить? — бросает с вызовом.

Наклоняюсь к Лизе еще ближе, вынуждая почти лечь на стол.

— Хочешь проверить?

— Хочу.

Я смотрю ровно ей в глаза, и в них нет ни капли страха.

Медленно опускаю веки, изо всех сил пытаюсь сдержать ярость. Но перед глазами так некстати рисуется картинка, как Змей прикасается к Лизе.

Меня накрывает.

Хватаю стерву резким движением и прижимаю к себе. Наматываю на правую ладонь ее длинные волнистые волосы, левой сжимаю талию.

— Ты чего добиваешься? — цежу на ухо.

Лиза молчит, ее дыхание участилось. Я настолько плотно прижимаю девушку к себе, что грудью чувствую, как быстро бьется ее сердце.

— Ты два месяца со мной не разговаривал, — тихо отвечает. — Ты не пришёл на мой выпускной в школе.

Чего???

— Что мне делать на твоём выпускном? — Я слегка оттягиваю ее голову назад и недоуменно смотрю ровно в лицо. Сейчас она серьёзна, насмешку, как рукой сняло.

На Лизин школьный выпускной я действительно не пошел. Ну а для чего я там? Потом спросил у Иры, как прошло вручение аттестатов, и посмотрел фотки в соцсетях.

Но приходиться мне зачем было?

— Я ждала, что ты придёшь.

Я смотрю на нее во все глаза, не зная, как реагировать. На хрена Лиза меня ждала? Она же ненавидит меня так же сильно, как я ее. Со Змеем связалась специально, чтобы насолить мне.

— Отпусти, — говорит тихо, но твёрдо.

Я продолжаю одной рукой прижимать ее к себе за талию, а второй держать за волосы.

— Я требую, чтобы ты немедленно прекратила любое общение с ним. — Говорю строго.

— Он мне нравится. И вообще, какое тебе дело?

— Мне большое дело, потому что ты конкретно берега попутала. Ты настолько сильно меня ненавидишь, что решила начать встречаться с моим врагом номер один!? — повышаю голос.

— Я же сказала, у нас с Никитой была любовь с первого взгляда, — Сероглазая бестия снова стала собой и включила стерву.

— Его любовь с первого взгляда заключается в желании переспать с тобой и забыть.

Лиза усмехается.

— Я не возражаю. А теперь отпусти.

Я продолжаю ее удерживать. Лиза сама сбрасывает со своей талии мою руку, вторую убирает от волос. Подходит к зеркалу, которое висит на стене, и быстро себя оглядывает. А затем удаляется из переговоров, оставляя меня одного.

Я стою в полном шоке и реально не знаю, что мне делать. При мысли о том, что Лиза со Змеем, во-первых, добровольно, а во-вторых, назло мне, внутри все клокочет от гнева.

Может, попробовать повлиять на Лизу через отца?

Срываюсь с места и несусь в его кабинет. Несмотря на крики протестующей секретарши, открываю дверь из красного дерева чуть ли не с ноги и врываюсь внутрь. Голоса в помещении тут же замолкают и пять пар глаз устремляются в мою сторону.

— Миша, ты что себе позволяешь! — кричит отец. — У меня важное совещание! Немедленно выйди.

— Папа, это вопрос жизни и смерти! — ору.

Присутствующие мужики и тетки в деловых костюмах переглядываются между собой и недоуменно смотрят на отца. Он сверлит меня глазами, а затем тихо обращается к этим людям:

— Я вас позову.

Они подсказывают со стульев, быстро собирают со стола бумаги и спешат на выход. Когда за ними закрывается дверь, я тут же обращаюсь к злему, как черт, отцу.

— Пап, у Лизы появился парень! Я его знаю, он настоящий подонок! Меня она слушать отказывается, повлияй на нее. Она немедленно должна расстаться с этим уродом!

Кажется, отец ожидал услышать от меня, что угодно, кроме этого. Злость на его лице сменяется недоумением. Папа быстро моргает, а затем тянется к стакану с водой.

— Ты сорвал мне важное совещание, потому что тебе не понравился Лизин парень, я правильно понимаю? — спокойно говорит отец, ставя стакан на место. Но, конечно, я знаю, что его спокойный тон не предвещает ничего хорошего.

— Пап, я с ним знаком! Это самый настоящий отморозок! Лизе опасно находиться рядом с ним. Ты должен запретить ей с ним встречаться!

Спокойствие отца выводит меня из себя еще сильнее. Ему что, нет дела до родной дочери???

А может, она ему и не дочь?

Отец молча на меня смотрит, откинувшись на спинку кресла, а мой мозг уже не остановить, я слишком заиклился на только что пришедшей в голову мысли.

В детстве я всегда был уверен, что Лиза — не папина дочь. Я считал, что это какая-то бедная несчастная девочка, которой отец помогает из соображений благотворительности. С возрастом я отмел эту мысль подальше. Для чего отцу удочерять чужого ребенка и помогать ему? А вот сейчас, глядя на то, как он спокойно реагирует на информацию о том, что его дочь связалась с отморозком, моя детская теория о том, что Лиза ему никто, уже не кажется мне детской теорией.

— Слабо себе представляю, чтобы Лиза могла встречаться не пойми с кем. — Спокойно говорит отец. — Если у нее появился парень, то, я уверен, это достойный молодой человек.

— Нет! — кричу. — Пап, я знаю, о чем говорю!

Отец качает головой и тянется к мобильнику во внутреннем кармане пиджака. Прикладывает его к уху и ждет.

— Лиза, зайди ко мне сейчас.

Через две минуты в дверь раздается тихий стук и, не дожидаясь приглашения, Бестия проходит в кабинет. Натывается глазами на меня и недовольно хмурится.

— Лиза, Миша говорит, что у тебя появился парень. Ты не рассказывала. Что из себя представляет твой молодой человек?

Бестия вспыхивает, как спичка. Секунду прожигает меня взглядом и явно борется с желанием сказать все, что обо мне думает. Глубоко вдыхает и уже в следующую секунду берет себя в руки.

— Да, пап, у меня появился парень. — Спокойно говорит и смотрит на отца. — Его зовут Никита, ему 22 года, в этом году он окончил Бауманку по специальности «Теплодинамика». Мы с ним только месяц, как начали встречаться, поэтому я пока не говорила. Но в принципе, без проблем могу познакомить тебя с ним, если хочешь. — И глазками блым-блым.

— Я бы не отказался с ним познакомиться. Твой брат говорит, что знает его. По словам Миши, он подонок и отморозок.

— Это еще мягко сказано. — Вставляю свои пять копеек.

— Кто? Никита? Подонок и отморозок? — изумляется и поворачивает голову ко мне. — Миш, а может, ты не будешь судить всех людей по себе?

— А ты интересовалась, чем твой парень зарабатывает на жизнь? — налетаю на нее.

— Да, он занимается автомобилями и у него своя школа боевых искусств. Все легально, все законно. А с тобой Никита действительно знаком. Он мне рассказал, что недавно на твоём подпольном, — она делает акцент на этом слове, — бое избили человека до полусмерти. Он сейчас лежит в коме. — Лиза поворачивается к отцу. — Пап, почему ты не контролируешь Мишин бизнес? Он у него нелегальный. А если бы этого парня убили? Мишу бы посадили в тюрьму за организацию убийства. Представляешь, какая тень упала бы на тебя и на фирму?

Отец округляет глаза и встает со своего места.

— Миша, это правда?

Черт, я смотрю на папу и не знаю, что ему ответить. Да, это правда. Но просто так случайно получилось. Ситуация вышла из-под контроля, я уже наказал всех виновных.

— Миша, я жду ответа. — Требовательно на меня смотрит.

— Там просто произошла экстраординарная ситуация... — мямлю в своё оправдание. — Такого больше не будет, обещаю.

Отец багровеет на глазах. До ушей доносится, как Сероглазая бестия хмыкнула. Тихо, но я расслышал.

— Пап, у меня все под контролем! Просто я отсутствовал, когда был тот бой, ребята разошлись не на шутку. Но никто не умер!

— Миша, — тихо начинает отец и медленно направляется ко мне. — Ты хочешь нас всех под монастырь подвести? Ты понимаешь, что будет, если твою подпольную лавочку менты накроют? Ты хоть понимаешь, что тебя за решетку посадят?

— Пап, у меня все дерутся по собственному желанию! Я никого не принуждаю! Перед каждым боем участники подписывают документы о том, что не имеют претензий к организатору мероприятия, то есть, ко мне. И ментам я отстегиваю.

— Значит так, — отец ослабляет галстук, — в самое ближайшее время я к тебе наведаюсь и все проверю. И не дай бог я найду у тебя что-то противозаконное.

— Хорошо, без проблем. — Тут же соглашаюсь и решаю капитулировать. — Ладно, я пошел. — Поворачиваюсь к двери и успеваю заметить довольное выражение лица Бестии.

Какая же она все-таки стерва.

Спустившись к своему мотоциклу, я судорожно закуриваю сигарету. Следом за ней вторую. А потом и третью.

Надо что-то делать. Надо вырвать Лизу из рук Змея. Громко смеюсь сам с собой, привлекая недоуменные взгляды прохожих.

А Бестия действительно ударила в самое больное место. На выпускной ее я, видите ли, не пришёл. И мстит теперь, связавшись со Змеем.

Черт, я сейчас убью кого-нибудь...

Нужно срочно успокоиться. Он ведь не знает, что она его использует. Змей ведь думает, что тем самым имеет рычаг давления на меня.

И ведь действительно имеет!

Запрыгиваю на мотоцикл и еду в клуб Змея, который так и называется — «Змей». Снова начинаю непроизвольно смеяться, вспоминая, как Лиза характеризовала Никиту отцу. Бауманку он окончил. Теплодинамист хренов. А то, что он в своём клубе наркоту толкает, об этом Лиза, конечно, говорить не стала.

Припарковавшись у серого невзрачного здания без вывески за пределами Третьего транспортного кольца, я пытаюсь успокоиться и собрать мысли в кучу. Нужно четко продумать, что и как я буду говорить Змею. И ни в коем случае нельзя выдать своё уязвимое положение.

Выкурив две сигареты, я захожу внутрь. В темном коридоре пахнет сыростью. Я иду прямо на свет и попадаю в просторный зал с рингом и шестами для стриптизерш по бокам. Посетителей сейчас нет, клуб начнет работать ближе к полуночи. Змей сидит за одним из дальних столиков.

— Сэми! — Замечает меня. — Не думал встретить тебя так скоро. Какими судьбами?

— Хорошо обдумал твоё предложение и вернулся обсудить, — отодвигаю стул и сажусь напротив него, сжимая под столом кулаки.

— Внимательно слушаю.

Я мгновение просто смотрю на Змея. Сколько лет я его знаю? 15? 17? А может, и того больше? С самого первого дня, как отец отвёл меня на каратэ.

Поначалу мы с ним дружили, пока лет в 12 я не получил от него первый нож в спину. Это были какие-то соревнования для детей, и там перед выступлением Змей подсыпал мне в бутылку воды снотворное. К тому моменту, как мне надо было выходить драться, я чуть ли не вырубался. Естественно, я проиграл.

Тренера и папу, который никогда не пропускал ни одного моего соревнования, мое состояние удивило, и они тут же повезли меня в больницу сдавать анализы. В крови нашли снотворное. Мне не составило труда вычислить, кто это сделал. Перед выступлением я просил Никиту поддержать мой рюкзак, пока отходил поговорить по телефону с мамой. Она была в командировке и звонила пожелать мне удачи.

Мне было очень сложно поверить, что Ник оказался способен на такое. Я ведь считал его лучшим другом! Ну а потом он перестал скрывать своё реальное отношение ко мне. Так началась наша холодная война. Я выигрывал соревнования за соревнования, оставляя Змея на вторых ролях. Он бесился.

А потом я стал рубить деньги на боях и гонках. Завистливый Змей, просиживающий задницу в своей Бауманке, тут же подался следом за мной. Сделал клуб, аналогичный моему, но с более темными делишками, а потом пошел договариваться с ментами о трассах.

Несколько раз мы с ним дрались и гоняли. Я каждый раз выигрывал. Но этого сученыша не покидает мечта о реванше. И знает ведь, что сам я давно перестал выступать и на ринге, и на трассе.

Но сейчас вопрос касается Лизы. И хоть я и ненавижу ее всей своей душой, Змей ответит мне за то, что посмел использовать ее против меня.

Я пытаюсь собрать мысли в кучу и начать с ним конструктивный диалог, но почему-то не получается. Смотрю на его лицо и борюсь с желанием превратить его в фарш прямо здесь и сейчас.

— Слушаю тебя, — повторяет.

— Что ты от меня хочешь?

Змей откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

— Я хочу Жуковский и Раменское.

Тварь. Это мои лучшие маршруты.

— Забирай. — Спокойно говорю.

Он удивленно вскидывает бровь.

— В обмен на что?

— В обмен на то, что ты забудешь о существовании Лизы.

Ник начинает тихо смеяться.

— Ну нет, Сэми, мне так не интересно. Я хочу гонку с тобой, честную сделку. Если ты выиграешь, отдам тебе Солнечногорск и еще какую-нибудь трассу, а также порву с твоей

сестрой. Если я выиграю, то отдашь мне Жуковский и Раменское. Ну и Лиза сама решит, хочет она со мной быть или нет. — Он придвигается ближе ко мне и шепчет. — Но поверь, что она очень хочет.

— Я больше не катаюсь, и тебе прекрасно об этом известно. — Качаю головой. — Могу отдать тебе еще несколько маршрутов. Любых. Выбирай сам.

Змей снова смеется. Я, должно быть, сейчас слишком жалко выгляжу. По сути пришел к своему врагу номер один умолять его о том, чтобы он оставил Лизу.

Сам не могу поверить, что делаю это.

— Нет, Миш. Я хочу гонку. — Заявляет бескомпромиссно.

Несколько секунд я просто сверлю его взглядом.

— Хорошо, — встаю со стула. — Жду от тебя день, время и трассу.

— Мои люди с тобой свяжутся, — поднимается следом и протягивает мне ладонь.

Я смотрю на его ладонь и уже просто не контролирую, что говорю:

— Если с ее головы упадет хоть один волос, я похороню тебя заживо, Ник. Ты пожалеешь, что на свет родился.

— Ты мне угрожаешь? — тут же напрягается и убирает руку, которую я так и не пожал.

— Предупреждаю. — Пристально смотрю ему в глаза. — Тебе не стоило выбирать Лизу в качестве рычага давления на меня.

Он ухмыляется.

— Признаться честно, Миш, я не знал, что она твоя сестра, когда познакомился с ней. Я помню другую твою сестру, которая сильно младше и темненькая. Она всегда приходила с твоими родителями на наши соревнования. А Лизу я никогда раньше не видел. — Никита задумчиво чешет затылок и убирает руки в карманы. — Она первая завязала со мной знакомство и она была инициатором наших отношений. Ну а когда я узнал, что у вас с ней один отец, был очень удивлен. Ты никогда раньше не упоминал, что у тебя есть еще одна сестра.

— Как вы познакомились?

— Она пришла ко мне в клуб устраиваться официанткой. — Чувствую, как от этих слов мои глаза расширяются. — Я проводил у нее собеседование. Работать у меня она в итоге отказалась, но общение наше продолжилось. — Змей разводит губы в противной ухмылке. — Лиза — горячая штучка. Так что, скажу откровенно, на трассе я буду с тобой бороться не только за гоночные маршруты.

Я молча рассматриваю самодовольного Змея. После его рассказа ситуация стала понятнее. Последние несколько месяцев я игнорировал Лизу, не разговаривал с ней и не велся на ее провокации. Она требовала моего внимания и бесилась, что я ей его не даю. А потом решила сделать мне контрольный в голову: охмутила моего врага номер один. Знала, что это я уже не смогу проигнорировать.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но тут же резко останавливаюсь, кое-что вспомнив.

— Слушай, Ник, — поворачиваю к нему голову. — А у тебя ведь тоже есть сестра, верно? Я сейчас вспомнил. Такая светленькая девочка, приходила поболеть за тебя на соревнования, где ты всегда мне проигрывал.

Змей тут же меняется в лице и чуть ли не покрывается пятнами.

— А вот моя сестра еще несовершеннолетняя. — Цедит сквозь зубы. — Так что не советую тебе к ней соваться.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

Я радостно киваю.

— Отлично. Возраст согласия начинается с шестнадцати. Так что, Ник, независимо от того, кто из нас выиграет гонку, советую тебе забыть о существовании Лизы. Иначе я буду вынужден познакомиться с твоей сестренкой. — Подмигиваю ему и теперь ухожу.

Глава 8. Гонка

2 года назад

— Слушай, Миш, какая-то мутная тема. — Арсений морщится. — Не нравится мне это.

Сеня — мой заместитель и моя правая рука в клубе. И, наверное, единственный человек в работе, которому я могу более-менее доверять. Не так, как себе, конечно, но все-таки могу.

Мы сидим в моем кабинете. Арсений лениво развалился на кожаном диване, закинув руки за голову. Я сижу в кресле за компьютерным столом.

— Змей отдаст мне Солнечногорск, — выдвигаю аргумент в пользу гонки.

Не признаваться же приятелю, что я согласился на это из-за недосестры. Он и не знает о ее существовании. Змей верно подметил: я никогда никому не упоминал о Лизе. Бестия — та часть моей жизни, которая скрыта от посторонних глаз.

— Да в жопу этот Солнечногорск! — настаивает Арсений. — Змей что-то задумал.

— Что он может задумать? Он мечтает о реванше, вот и все.

— Я не верю. — Качает головой. — Змей далеко не дурак. Он знает, что с вероятностью 99% он тебе проиграет. Да у тебя элементарно машина лучше, чем у него! Для него гонка — это намеренно отдать тебе Солнечногорск. А у Змея не так хорошо идут дела, чтобы он разбрасывался маршрутами.

Доля правды в словах Сени есть. Я почти на 100% уверен, что уделаю Ника на трассе. Таким образом, он добровольно отдает мне свою лучший маршрут. А он не так уж и легко ему достался, чтобы осознанно всучить его в мои руки.

Хватаюсь руками за край стола, пока не белеют костяшки. Чертова Лиза. Она — мое наказание. Вот только за какие грехи?

Конечно, я могу не принимать участие в гонке, а просто подкараулить Змея и переломать ему кости. Но, к сожалению, у этой твари много компромата на меня. Он переманил к себе моего бухгалтера. Я плачу ментам процент со своих ночных боев, но реальную прибыль, естественно, занижаю. Змею теперь об этом известно. И ему не составит никакого труда шепнуть ментам о том, что я скрываю от них часть своего подпольного дохода и занижаю тем самым их долю.

— Я поеду, — заявляю твердо.

Сеня пристально на меня смотрит.

— Не верю, что ты делаешь это ради Солнечногорска, — говорит, помедлив. — Как он на тебя надавил?

Я встаю из-за стола и подхожу к окну. Опускаюсь руками на подоконник и задумчиво смотрю на улицу. Августовское солнце нещадно палит по прохожим.

— Эта тварь надавила на мое самое слабое место, — признаюсь, скорее, себе, чем другу.

До ушей доносится, как Сеня хмыкнул. Но лишних вопросов не задает. За это я его и ценю: не люблю, когда лезут в душу.

Я выхожу из клуба, сажусь на мотоцикл и еду в Золотой ручей. Нужно подготовить машину. Последний раз я принимал участие в гонке полтора года назад. С тех пор мой спорткар стоит в гараже у бабушки с дедушкой.

Свою первую спортивную машину — «Феррари» — я давно сменил. «Феррари» — это красивый бренд, но для профессиональных гонок есть куда более подходящие автомобили.

Сейчас у меня «Форд Шелби Мустанг»: 662 лошадиные силы, до 100 километров в час разгоняется меньше, чем за четыре секунды. Максимальная скорость — 330 километров в час. Американская сборка. Этот автомобиль мне доставили по заказу прямиком из Штатов, как только он сошел с конвейера.

Сеня прав: у Змея даже автомобиль хуже и дешевле, чем у меня. Вроде у его тачки 300 с чем-то лошадей.

Неужели Ник действительно что-то задумал?

Но с другой стороны, что Никита может задумать против меня на дороге? Чисто теоретически он мог бы как-то навредить моей машине. Например, отрубить тормоза. Но у него даже не будет возможности приблизиться к моему авто. Перед гонкой я ее проверю, обкатаю на своих маршрутах. Когда приеду на назначенную Змеем трассу, я от своей машины не отойду ни на шаг. Ну и в конце концов, со мной будет Сеня, который проследит со стороны, чтобы к моему «Форду» никто не подходил, если мне вдруг нужно будет куда-то отойти.

Ладно, все будет нормально.

Следующие несколько дней я привожу в порядок машину. Качаю колеса, замеряю давление в шинах, пробую разное топливо и проверяю, как авто ведет себя с каждым из них. Давно я не ездил на «Мустанге». Так и заржаветь может. Летом я всегда на мотоцикле, а для зимы у меня обычная «Хонда». Спорткар не для московских светофоров.

Достаю из старого шкафа тут же в гараже свой гоночный комбинезон, специальные берцы и перчатки с открытыми пальцами. Последний раз я надевал форму года полтора назад. Примеряю одежду. В порядке. Это радует, потому что в короткие сроки новый комбинезон и обувь я не достану, а в гонках лучше участвовать в специальном снаряжении, которое защищает от огня, на случай если автомобиль загорится.

Змей называет мне трассу ровно за 12 часов до заезда. Это его маршрут возле Апрелевки.

— Дерьмовая трасса, — хмурится Сеня. — Там очень плохая дорога, местами есть гравий и ямы. Ты своему «Мустангу» дно раздерешь.

— Не раздеру, — отвечаю резко, хотя сам понимаю, что приятель прав.

— Тебе не кажется странным, что Змей не устраивает заезд в Солнечногорске, где нормальный асфальт?

Кажется.

— Сень, я поеду, — заявляю бескомпромиссно.

— Не на твоей машине по такой дороге, Миш. — Настаивает друг. — Возьми тогда мою.

— Нет, я поеду на своей.

Друг падает на диван.

— Ты самоубийца.

— Мой «Мустанг» еще и не такое видел, — отшучиваюсь.

— Нет, ТАКОЕ, как трасса возле Апрелевки, твой «Мустанг» еще не видел, — спорит Сеня.

Он прав. У меня крутой автомобиль, но не для таких дорог, как там. Я не смогу достаточно разогнаться, а камни и гравий существенно подпортят дно машины. Но я привык к своему «Форду», а подстраиваться под автомобиль Сени нет времени. До заезда 12 часов.

Мы с другом приезжаем на место гонки за полчаса, но Змей и его команда уже там.

— Сэми! — радостно кричит и машет рукой, чтобы мы подошли.

— Ты иди, я в машине останусь. — Тихо говорит Сеня, оглядывая пространство вокруг. — Тут слишком много непонятных людей.

— Да брось, не будут они портить мою машину у меня под носом. — Отстегиваю ремень.

— Я не доверяю Змею. Они могут нас отвлечь, а в это время к машине кто-нибудь подойдет.

Вот именно поэтому Арсений — моя правая рука во всех делах. Этот простой на первый взгляд парень с копной рыжих волос на самом деле очень предусмотрителен. Там, где я могу расслабиться и забить, он десять раз перепроверит.

Познакомились мы с ним, можно сказать, случайно. Сеня работал автомехаником в одном из гаражей недалеко от моего дома. Я прикатил ему свою предыдущую «Феррари» на диагностику. Так мы подружились.

Со временем я понял, что парень хорошо разбирается не только в автомобилях, но и в цифрах. А в клубе мне нужен был человек, которому я мог доверить ведение «серой» кассы ночных боев. Сеня оправдал все мои ожидания. Он отлично справлялся в мое отсутствие и ни разу не попытался меня обмануть.

Я выхожу из автомобиля и направляюсь к Никите, который сидит на капоте своей машины и вертит в руках шлем. У него тоже «Форд», но значительно уступает моему. Впрочем, по этой дерьмовой трассе с гравием и ямами само на его каракатице и ездить.

Наученный опытом Змей уже не протягивает мне для приветствия руку. Свои же я держу в карманах комбинезона.

— Надо же, ты все-таки приехал, — Ник ухмыляется. — Если честно, я до последнего был уверен, что ты сольешься.

— Я разве похож на человека, который сначала обещает, а потом сливается?

— Не похож. Но уж я-то знаю, как ты любишь свою машину, — он кивает головой в сторону «Мустанга». — А тут трасса оставляет желать лучшего.

— То есть, ты специально выбрал этот маршрут с гравием и ямами, чтобы подпортить мой автомобиль?

— Я специально выбрал этот маршрут с гравием и ямами, чтобы проверить, насколько тебе дорога Лиза. — Он смотрит мне ровно в глаза. — И судя по всему, она для тебя важнее «Мустанга». Это неожиданно. Я думал, что важнее «Мустанга» для тебя может быть только твой клуб.

Я на мгновение теряюсь, не зная, что ему ответить. В этот момент Змей смотрит куда-то поверх моего плеча и расплывается в улыбке. Я оборачиваюсь и вижу приближающуюся к нам Бестию.

Что она тут делает!?

— Привет, детка, — Змей притягивает ее к себе за талию и целует в губы. — А мы тут с твоим братишкой решили немного покататься.

Я смотрю на эту картину, потеряв дар речи. Лиза обнимает Никиту и льнет к нему всем телом. Затем поворачивает голову ко мне.

— Привет, Миш! — Улыбается как ни в чем не бывало. — Удачи на заезде.

— Что ты тут делаешь? — выдавливаю сквозь зубы.

Она пожимает плечами.

— Я приехала поболеть за своего парня, — прижимается к нему еще плотнее. — Ты ведь не обижаешься, что я желаю победы Никите, а не тебе?

Волна возмущения прокатывается по всему телу. И я даже так сходу и не могу сказать, чем я возмущен больше: тем, что Лиза здесь, тем, что она обжимается со Змеем у меня на глазах, или тем, что она хочет, чтобы победил он, а не я.

— Отойдем на пару слов, — я хватаю ее за локоть и силой выдергиваю из рук Змея, пытаюсь оттащить в сторону.

— Эй, поосторожнее с моей девушкой, — Змей тут же спрыгивает с капота.

— Это не твое дело, — грозно говорю ему и продолжаю тащить Лизу. Впрочем, она особо не сопротивляется.

Когда мы отходим метров на 20, я хватаю ее за плечи и встряхиваю.

— Какая же ты дура! — выплевываю в лицо. Я не знаю, что еще тут сказать.

Лиза стоит покорно и смотрит мне прямо в глаза. Она абсолютно невозмутима.

— Чего ты добиваешься, а? — спрашиваю.

Бестия продолжает молчать и смотреть ровно на меня. Но через пару десятков секунд она все-таки отводит взгляд в сторону, повернув голову слегка в бок.

— Однажды ты загонишь меня в могилу, — тихо говорю.

— Ты сам себя загоняешь, — так же тихо отвечает. — А папа и Кристина этому способствуют.

— При чем тут мои родители? — удивляюсь ее словам.

Лиза возвращает взгляд ко мне.

— Миша, открой глаза, — шепчет. — Как ты можешь не замечать такую очевидную вещь?

— Какую? — Что-то я вообще не врубаюсь, о чем она сейчас.

Бестия пробирается своими невозможными серыми глазами мне прямо в душу. Это просто пытка какая-то. Резко выпускаю ее из рук и отворачиваюсь.

— Так какую такую очевидную вещь я не замечаю? — задаю вопрос, все еще смотря в сторону.

Лиза молчит. Скрестила на груди руки и ковыряет носком балеток землю.

— Я жду ответа, — все-таки поворачиваюсь к ней.

Лиза скидывает на меня взгляд и открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает его.

Я вопросительно выгибаю бровь.

— Что тебе нужно перестать заниматься всей этой ерундой и нормально доучиться в институте! — вдруг выпаливает. — Не понимаю, почему папа и Кристина спускают тебе это с рук!

И она резко разворачивается и направляется к Змею. Он тут же притягивает ее к себе и впивается ей в губы поцелуем.

Нет в этом мире более омерзительного зрелища, чем поцелуй Лизы и Никиты.

Я хочу это развидеть.

Иду к своей машине и залезаю на переднее сиденье. Сеня тут же впивается в меня взглядом с немимым вопросом.

— Что? — раздраженно спрашиваю.

— Только не говори мне, что ты согласился на это из-за телки. — И он слегка кивает головой в сторону Лизы, которая все еще продолжает целоваться с Ником.

Я опускаю руки на руль и смотрю прямо перед собой, но боковым зрением все равно замечаю, как Бестия прижимается к Никите всем телом, а он лапает ее за задницу. Опускаю веки, чтобы не видеть этого.

Как там звали младшую сестру Змея? Вроде Маша. Или Даша. Не помню точно. Но я совершенно точно встречу с ней в самое ближайшее время.

Чувствую, как на позвоночнике выступает пот. Пальцы, что держат руль, слегка потряхивает.

Я буду делать с этой Машей-Дашей все, что захочу, когда она окажется в моей постели.

— Твою мать, Миш... — Арсений продолжает негодовать. — Так подставляться из-за телки! Что в ней такого, чего нет в других?

— Заткнись, — зло рычу.

— Кто она вообще такая? Ты никогда не приводил ее в клуб. Хотя каких только телок ни повидали диван и стол в твоём кабинете, — приятель слегка смеется.

Я не отвечаю. Через несколько секунд Сеня говорит:

— Можешь открывать глаза, они перестали сосаться. — Я резко распахиваю веки и только сейчас понимаю, что сидел с крепко зажмуренными глазами. Друг смотрит на наручные часы. — Осталось пятнадцать минут. Тебе нужно успокоиться.

Я тянусь на заднее сиденье и достаю из рюкзака бутылку воды с лимоном. Вряд ли она поможет мне привести нервы в порядок, но я все равно делаю несколько глотков.

Когда остается семь минут, я подъезжаю ровно к линии старта. Змей останавливается рядом. Толпа зрителей рассредотачивается по бокам и уже начинает галдеть. Конечно, сюда все пришли поболеть за Змея.

Сеня забирает с заднего сиденья лишние вещи, чтобы они не отвлекали меня во время заезда, и, открывая дверь, напоследок говорит:

— Миш, ни одна баба не стоит того, чтобы идти из-за нее на сделку с дьяволом. — Друг быстро вылезает, не дожидаясь от меня ответа.

А мне и ответить нечего, потому что он прав.

— Осталось пять минут! — Громко объявляет девушка, после отмашки которой мы стартуем. — Напоминаю, что участники заезда делают три круга по пять километров. Кто после третьего круга пересечет финишную линию первым, тот и победил.

Я чувствую, как Змей прожигает взглядом мой профиль, но сам в его сторону не смотрю. Замечаю, что к нему подходит Лиза, он опускает стекло, она что-то ему говорит, потом они снова целуются и Бестия уходит.

Я надеваю шлем, пристегиваюсь ремнем, разминаю пальцы в перчатках. Лево́й ногой выжимаю до упора сцепление, включаю первую передачу, а затем постепенно ослабляю давление на педаль, заставляя двигатель раскачиваться. Две тысячи оборотов, три тысячи... «Мустанг» уже ревет. Да, малыш, я соскучился по тебе.

По венам разливается адреналин. Давно забытое чувство. Черт, мне действительно не хватало этого. Азарт захватывает меня с головой, сердцебиение учащается. Я словно ощущаю второе дыхание.

Девушка дает отмашку.

Резко жму педаль газа, отпускаю сцепление и срываюсь с точки.

Шины режут так, что запах жженой резины доносится до меня сквозь закрытые окна и шлем на голове. Мы со Змеем идем ровно. Я быстро переключаю передачи, ускоряя автомобиль. На шестой, к сожалению, по этой дороге не поедешь, поэтому оставляю пятую. Конечно, мой «Мустанг» намного мощнее, чем корыто Ника, поэтому уже через 30 секунд Змей остается висеть на хвосте. Иначе и быть не могло.

Я замечаю, что метров через 100 асфальтированная дорога заканчивается и начинается противный гравий со склонами вниз по бокам. Слегку жму тормоз, сбрасывая скорость до 130 километров, и перехожу на четвертую передачу. Камни колотят по дну, дверям и окнам автомобиля, как из пулемета. У меня от этого сердце кровью обливается. Я действительно слишком люблю свой «Мустанг», чтобы так над ним издеваться.

Столб пыли, поднявшийся под моими колесами, мешает обзору как в лобовое стекло, так и в зеркало заднего вида. Я знаю, что поворот еще не скоро, поэтому иду на риск и жму газ сильнее. Когда я выезжаю с гравия на асфальт, наконец-то могу посмотреть в зеркало. Змей едет далеко позади.

Но уже в следующую секунду он, по всей видимости, выжимает педаль газа на полную. Я же не могу ускориться, потому что скоро поворот. Начинаю замедлять автомобиль, но Змей буквально тычется мне в бампер. Подонок. Специально сидит на хвосте, мешая сбросить скорость. Хочет, чтобы меня занесло на повороте.

Дорога узкая, двухполосная. Я беру правее, съезжая с нее на обочину, и тем самым пропускаю Ника вперед. Он явно не ожидал этого и на повороте оказывается впереди меня. А я же наконец-то достаточно сбрасываю скорость, чтобы сделать маневр без заноса, и возвращаюсь со склона обочины на асфальт.

Снова гравий, снова столб пыли и снова я ни черта не вижу перед собой. Камни всюду долбают по «Мустангу», но я все равно перехожу с третьей на четвертую передачу, рискуя

покалечить автомобиль. Уже плевать на тачку. Мне нужно догнать Змея, который к этой дороге, естественно, готов лучше меня.

Наконец-то асфальт, хоть и с ямами. Стараюсь объезжать их, как могу, и постепенно догоняю Змея. Резко беру левее, намереваясь его обогнать, но Ник будто предчувствовал это и тоже берет влево. Я подаюсь вправо, и он тоже вправо. Не пускает меня.

Мы боремся так какое-то время, пока не приближаемся к следующему повороту. Я снова решаю пропустить его вперед. Но как только мы сворачиваем, я резко бью педаль газа и наконец-то обхожу Змея. Выкуси, тварь!

Ускоряюсь еще и еще, оставляя Ника далеко позади. Настолько далеко, что без проблем получается замедлиться перед третьим поворотом, а потом и перед четвертым. К линии финиша я подъезжаю с большим отрывом и под крики зрителей пересекаю черту. Первый круг пройден. Осталось еще два таких же.

В зеркало вижу, что Змей телепается далеко в хвосте. Отстает, наверное, минуты на полторы. Но скоро проклятый гравий, а значит, я вынужден замедлиться. Заранее начинаю сбрасывать скорость и выезжаю ровно на середину дороги, чтобы Нику было сложнее меня объехать.

И я уже готов к ближайшему повороту. Почти готов. Потому что все-таки недостаточно замедлил машину, и меня слегка заносит. Не сильно, но Змею все же хватает сократить наш разрыв.

В туче пыли от гравия я чувствую легкий толчок в бампер. Поцелуй Змея, мать его. Все-таки догнал. Я знаю, что скоро асфальт, поэтому решаю резко дать газу уже сейчас.

И это моя роковая ошибка.

«Мустанг» едет 160 километров в час на четвертой передаче. Неожиданно машина резко проседает и тянется в правую сторону. Это происходит настолько быстро, что я не успеваю сообразить, в чем дело. Начинаю резко выкручивать руль влево, параллельно давя на тормоз, и машину заносит. «Мустанг» сильно ведет вправо и крутится, съезжая на обочину. А она, черт возьми, со склоном.

Меня подбрасывает, машина переворачивается, от резкого соприкосновения крыши авто с землей салон моментально наполняется подушками безопасности, но они тут же сдуваются, а автомобиль продолжает переворачиваться и катиться вниз, как консервная банка.

Меня крепко держит ремень безопасности, но резкая боль все равно пронзает все тело. Она настолько сильная, что лучше умереть, чем чувствовать ее. Будто сломались все кости разом. «Мустанг» наконец-то останавливается, но в перевернутом виде. Меня держит ремень, который я пытаюсь отстегнуть, чтобы поскорее выбраться из автомобиля, пока он не загорелся, но, кажется, кнопку заклинило. Онемевшими пальцами я стараюсь нажать на нее, но ничего не выходит: не хватает силы в руках.

Я пытаюсь пошевелиться в кресле, но боль — просто невыносимая адская боль — не дает мне это сделать. Любое движение тела, хоть на миллиметр, прокатывается болевой волной с головы до пят. В итоге мне просто вышибает сознание.

Глава 9. Ребус

2 года назад

Пи. Пи. Пи.

Противный звук режет уши. С огромным мучением разлепляю веки, но перед глазами все плывет. Пытаюсь пошевелиться, но ничего не получается. Я совсем не чувствую ног, а руки будто ватные. Еле-еле удастся пошевелить головой. Осмотревшись вокруг, я понимаю, что нахожусь в больнице.

В помутневшем сознании медленно восстанавливаются минувшие события. Гонка со Змеем, а потом машину резко ведет вправо. Я пытаюсь вывернуть руль влево, автомобиль от этого заносит, он начинает крутиться, а потом переворачивается и скатывается со склона. Адская невыносимая боль во всем теле, а потом провал. И вот я открываю глаза в палате.

Ну что же, хотя бы жив.

Я слышу, как открывается и закрывается дверь, а потом ко мне приближаются шаги.

— Очнулся? — улыбается мужик в белом халате. — Жить будешь!

Я смотрю на него.

— Я не чувствую ног, — тихо говорю.

Улыбка с его лица медленно сходит.

— Ничего, — откашливается. — Пара операций и все будет в порядке. Ты в лучшей больнице и у лучших врачей. А сейчас отдыхай.

Мужик разворачивается, чтобы уйти.

— Так а почему я их не чувствую? — останавливаю его вопросом.

— Ты только после наркоза. Отдыхай, — и он все-таки уходит, оставляя меня слушать плачущие звуки аппаратов, к которым я подключен.

Нет ни сил, ни желания о чем-то сейчас думать. Я послушно опускаю веки и уже почти проваливаюсь в сон, как вдруг дверь палаты снова открывается и закрывается. Наверное, какая-нибудь медсестра, думаю сквозь сон.

Тихие шаги приближаются, и в нос бьет запах айвы. Так может пахнуть только один человек.

Вот только этой дуры мне тут не хватало.

Я уже намереваюсь открыть глаза и сказать Лизе, чтобы она убиралась отсюда, как вдруг слышу тихий всхлип, а потом прикосновение ее руки к своей. Она сжимает мою ладонь и снова всхлипывает.

Наверное, я в ту секунду не открыл глаза только из-за шока.

По звукам понимаю, что Лиза садится на стул возле койки, при этом продолжая держать мою ладонь. Чувствую легкое прикосновение ее волос к своей руке, которое тут же расходится разрядом тока по всему телу. А затем Лиза опускается на нее лбом и начинает рыдать навзрыд.

Это настолько неожиданно, что я все-таки распахиваю глаза и аккуратно поворачиваю к ней голову. Ее плечи трясутся, из горла вырываются сдавленные всхлипы, а горячие слезы текут по моей ладони.

Еще никогда я не чувствовал себя таким растерянным. Теперь мне уже как-то неудобно ее прогонять. В итоге я решаю притвориться спящим и дожждаться, когда она сама уйдет.

Лиза уходит только через несколько часов, когда ее просит об этом медсестра, объявив, что приемные часы закончились. Все это время она сжимает мою ладонь и плачет. Периодически еще читает молитву. Это для меня вообще открытие. Неверующая в бога Лиза, оказывается, знает наизусть какую-то молитву.

Но чем дольше она рыдает, тем больше я задаюсь вопросом, почему. Я совершенно не тот человек, травму или смерть которого Лиза будет оплакивать. Вряд ли, конечно, она желает мне

смерти, но если вдруг меня не станет, то моя кончина будет для Лизы сродни смерти какого-нибудь плохознакомого дальнего родственника. Ну да, жалко, что умер, но что поделать. Пусть земля ему будет пухом. А теперь мне пора на встречу с друзьями, у нас впереди веселая ночь.

Какого черта она тогда согнулась в три погибели и рыдает, да еще и молитву читает?

И пока моя рука утопает в ее слезах, я вспоминаю детство и нас с Лизой. Как я ее только ни обижал, какие гадости я ей только ни говорил... Намеренно возвращал в ней комплексы. Внушал ей, что она некрасивая и толстая, хотя на самом деле это не так. Хотел, чтобы она меня боялась и выросла забитой и затюканной. Но она выросла стервой, которая теперь мне за все мстит.

Однако один комплекс мне все же удалось в ней взрастить. Комплекс лишнего и никому ненужного ребенка. Однажды в Золотом ручье я зашел в ее комнату и решил поискать в ней что-нибудь интересное. Не знаю, зачем. Просто так.

Я открывал и закрывал ящики, наткнулся стопку каких-то тетрадей и решил их посмотреть. Одна из тетрадей оказалась ее дневником. Без малейшего зазрения совести я поудобнее устроился на Лизиной кровати и принялся читать ее дневник.

Признаться честно, я ожидал увидеть там откровения о мальчиках. Каким же было мое удивление, когда тетрадь оказалась исписана ее страданиями по поводу того, что Лизина мать и наш отец не вместе. Оказывается, Бестия сильно переживала из-за того, что в ее классе в школе все дети были из полных семей, и только одна она — нет. Целые страницы в ее дневнике были посвящены тому, как она ненавидит мою маму и своего отчима, а также всех своих братьев и сестру. Мол, если бы не они все, то папа был бы с ее матерью, и Лиза жила бы вместе с любимыми родителями.

Сказать, что я был в шоке — это ничего не сказать. Лиза, которая всегда улыбается моей маме, которая дружит с Ирой, которая играет с Лешей и которая отлично ладит со своим отчимом, а также любит своего брата по материнской линии, оказывается, мечтает, чтобы их всех не было.

А еще в ее дневнике было много о том, что она чувствует себя лишней в нашей семье. И это как раз то, что я всегда ей внушал — что ей среди нас не место, что она какая-то несчастная сиротка, о которой отец заботится из жалости. И — алилуйя — мне удалось поселить в ее голове эту мысль. Десятки страниц тетради были исписаны тем, насколько чужой она чувствует себя в нашей семье.

На этом я захлопнул дневник и продолжил делать то, что доставляло мне огромное удовольствие — издеваться над Лизой, внушать ей, что она эдакая сиротка, которой папа помогает из жалости, и что ей в нашей семье не место.

А теперь Лиза выросла, и я пожинаю плоды.

И когда медсестра заставляет ее уйти, я еще долго лежу и пытаюсь понять, почему она так сильно плакала. Я не могу вспомнить ни одного раза, когда сделал бы для Лизы что-то хорошее. Что-то, что могло бы заставить ее сильно переживать за мою жизнь.

Она больше не приходит меня навестить, хотя я провожу в больнице несколько месяцев. У меня перелом спины. Но несколько операций ставят меня на ноги в прямом смысле этого слова.

Иногда я ловлю себя на мысли, что жду ее. Просто меня так поразил тот факт, что она плакала из-за того, что я чуть не погиб, что я теперь только об этом и думаю. Каждый раз, когда открывается дверь палаты, я поворачиваю голову в надежде, что это Лиза. И каждый раз это не она.

Потом в какой-то момент мне даже становится обидно. Да, наши отношения всегда были плохими, я сильно издевался над ней в детстве, но ради приличия она могла бы хоть раз появиться! Я вообще-то могу навсегда остаться инвалидом!

А потом я вспоминаю, что Лиза лежала в больнице три раза: с воспалением легких, с аппендицитом и с переломом ноги. Я не навестил ее ни разу. Так что глупо с моей стороны ждать, что она придет ко мне с апельсинами и будет спрашивать, как я себя чувствую.

От Сени я узнаю, что острый камень на гравийной дороге пробил мне правое переднее колесо. Именно поэтому автомобиль стало тянуть в правую сторону. Нельзя обвинить Змея в покушении на убийство, но он определенно рассчитывал на то, что мой «Мустанг» не выдержит гравий. Сам он, кстати, перед гонкой поставил себе другие колеса — которые приспособлены для такой дороги.

Через полгода, когда я уже наконец-то могу не только ходить, но и бегать, и тренироваться, и драться, я все-таки подкарауливаю Змея. Даже после такой тяжелой травмы я намного сильнее, чем он. Ломаю ему челюсть и несколько ребер.

А потом, конечно же, я иду знакомиться с прекрасной Машей-Дашей, которой как раз исполнилось 18. Девушка отнюдь не против моих настойчивых прикосновений к интимным местам, но в последний момент я понимаю, что все-таки не могу.

Она блондинка. У меня были девушки с абсолютно разными цветами волос: брюнетки, шатенки, русые, рыжие, красные, розовые и даже зеленые. Но светловолосых я обхожу стороной. В моей постели не было ни одной блондинки. И я оставляю сестру Змея. Тем более что, как я узнал от Иры, Лиза с ним рассталась сразу после аварии.

Мои взаимоотношения с Бестией никак не меняются. Я продолжаю ее игнорировать, а она продолжает выводить меня из себя. Я не понимаю, зачем ей это нужно, но она явно испытывает удовольствие.

Иногда я смотрю на Лизу и вспоминаю, как она держала мою руку и плакала. Я не рассказываю ей, что не спал тогда и все слышал. Но тот случай надолго зависает в моей голове сложным ребусом, который я пытаюсь отгадать, но никак не получается.

Глава 10. Лучший друг

Наши дни

До 1 сентября остается не так много времени, а в этот раз я твердо намерен окончить институт, поэтому перед началом учебного года я решаю сделать все важные дела, которые давно откладывал. Управление клубом и гонками параллельно с универом никто не отменял, так что вряд ли меня будет хватать на что-то еще помимо беспонтовой учебы и любимого дела.

В связи с этим вечером следующего дня я еду увидеться со своим лучшим другом. Илья Токарев — известный московский ресторатор — держит в столице несколько сетей ресторанов, кофеен и бургерных, а недавно еще открыл свой первый ночной клуб. Так как это новое заведение, Илья проводит в нем большую часть времени.

Клуб носит такое же название, как и рестораны Ильи — первые три буквы его фамилии: «Ток». Ну и внутри все отделано в виде молний и электрических разрядов. Клуб двухэтажный. На первом этаже бар и столики, где можно спокойно пообщаться, а вот на втором уже танцпол и ложи для любителей ночной жизни.

Илья старше меня почти на 25 лет и изначально был другом родителей. Ну как изначально. Он и сейчас продолжает дружить с предками, но я тоже общаюсь с ним очень плотно. Настолько плотно, что могу назвать его своим единственным лучшим другом.

Иногда мама просит Илью повлиять на меня в плане рода моей деятельности, и Илья начинает шарманку о том, что мне нужно заняться чем-то серьезным, а не вот этим всем, чем я занимаюсь. Но я быстро выкупаю, что он это говорит по просьбе матери, и пресекаю такие разговоры.

А еще Илья меня крестил, когда я родился. И это лучший крестный отец, которого только можно себе представить. На мое совершеннолетие Илья подарил мне мотоцикл. Мать тогда схватилась за сердце, а вот я пришел в дичайший восторг, когда увидел черную «Ямаху», перевязанную красным бантом, и плакат «Гроза всех московских улиц».

Я переступаю порог заведения и сразу попадаю в большое темное помещение, подсвечиваемое софитами. Людей еще нет, на полную мощь клуб начнет работать ближе к полуночи. Я сразу нахожу глазами Илью. Он сидит за барной стойкой и смотрит в телефон.

— Привет! — хлопаю его по плечу.

— Миша! — друг отрывается от телефона и спешит пожать мне ладонь. — Как дела?

Я залезаю на барный стул напротив него.

— Нормально. Ты как?

— Погружаюсь в прелести владения ночным клубом. — Хмыкает. — Прикинь, на прошлых выходных уборщица обнаружила в кабинке туалета шприцы. До этого она находила пустые пластиковые пакетики с остатками белого порошка. И вот что мне делать? Ставить камеры в кабинках? — Возмущается. Затем поворачивается к бармену. — Серег, нам два «Гиннеса».

Парень тут же принимается наливать пиво в высокие стаканы.

— Ну, наверное, надо, чтобы фейсконтроль получше на входе досматривал. — Говорю.

— Да, но охранники же не будут раздевать посетителей до трусов. — Друг трет уставшее лицо. — Лучше бы я еще один ресторан открыл, чем ночной клуб.

Я смеюсь.

— Да брось. Я думаю, это в каждом клубе происходит.

— Ну знаешь, мне бы не хотелось, чтобы сюда заявила делегация из ментов и устроила облаву. Да еще и меня в чем-нибудь обвинила.

В этот момент бармен ставит перед нами два стакана. Мы с Ильей ударяемся стеклом за встречу и делаем по глотку.

— Как мама? — вдруг спрашивает.

Ну конечно, Илье известно, что мама слегла в больницу. Да еще и по моей вине.

— Все хорошо, — спешу его заверить. — Завтра уже выпишут. Ничего серьезного, просто перенервничала.

— А ты зачем так ее пугаешь?

Я тяжело вздыхаю и возвожу глаза к потолку.

— Илья, я не наркоман! — повторяю в тысячный раз. Честное слово, мне теперь все время придется доказывать, что я не верблюд?

— Я знаю, что ты не наркоман. — Согласно кивает головой.

— И вообще, я 1 сентября иду в институт и теперь точно его окончу. Уже сейчас приглашаю тебя на свой выпускной. Даже надену эти дебильную шапочку и мантию, как в «Гарри Поттере».

Илья смеется в голос, а я тянусь сделать еще несколько глотков «Гиннеса».

— Ну, как по мне, так институт тебе нигде не нужен.

От этого заявления я чуть ли не давлюсь пивом.

— Да ладно!? — спрашиваю с сарказмом, откашлявшись. — Что это ты так заговорил?

— Да я всегда так считал. Это просто твоя мама просила меня повлиять на тебя в плане учебы. Ну я по ее просьбе и говорил, что обязательно надо получить высшее образование.

— А на самом деле ты так не думаешь?

Ток пожимает плечами.

— Не знаю, я вот окончил Гарвард. Получил лучшее бизнес-образование в мире. Мне оно нигде не пригодилось.

— Ну как это, — спорю. — Ты успешный бизнесмен.

— Но не благодаря Гарварду. Там меня не учили тонкостям ресторанного дела в России. А строительной компанией отца я не занимаюсь.

— Что планируешь делать с ней, когда перейдет к тебе по наследству?

— Продам.

— Не плохо, — киваю головой, мысленно подсчитывая, сколько Илья заработает. Строительная компания его отца на втором месте после маминой. — Станешь олигархом в квадрате.

Друг безразлично машет рукой и делает несколько глотков «Гиннеса».

— Не в деньгах счастье.

— А в чем?

— В семье и детях, — говорит поучительным тоном.

Ответ Тока заставляет меня громко засмеяться. У Ильи и его жены Ксюши один сын, которого тоже зовут Илья. Это у Токаревых традиция такая — старшего мальчика всегда называть Ильей. Как по мне, так дурацкая традиция.

— Мое счастье — в моем клубе и гонках, — заявляю бескомпромиссно.

— Зачем тебе вся эта нелегальная тема? Попадешься ведь однажды и всю семью подставишь.

Я прищуриваю глаза и внимательно смотрю на друга.

— Тебя снова родители подослали провести со мной воспитательную беседу?

— Нет, — качает головой. — Я сам так считаю. Вот для чего тебе эти гонки? Ты сам на одной такой чуть не погиб. А твои подпольные бои без правил? Что если там кого-нибудь убьют?

— Я слежу за тем, чтобы никого не убили, — быстро его заверяю.

— Но ты же не можешь следить лично за каждым боем.

— У меня есть секьюрити, — спорю.

Илюха неодобрительно качает головой.

— Завязывай с этим, Миш. Слишком опасный у тебя бизнес. Почему ты не можешь вести только спортивные секции, которые у тебя днем?

— Потому что дневных спортивных секций не хватает, чтобы получать хорошую прибыль! — возмущенно повышаю голос. — Все, что я зарабатываю за дневные занятия от посетителей, уходит на аренду клуба, зарплаты сотрудников, налоги государству и коммунальные платежи. Мне ничего не остается. Мои деньги только те, что я зарабатываю по ночам на боях. Ну и гонки тоже приносят мне заработок.

Я снова тянусь к пиву.

— Значит, твой бизнес нерентабелен, и тебе нужно что-то с этим делать.

— Например?

— Закрывать его и открывать новый.

— Какой? — я уже раздражаюсь. — Я ни в чем не разбираюсь, кроме драк и автомобилей.

Илья допивает «Гиннес» и знаком просит бармена повторить.

— Слушай, Миш, тебе 24 года! Весь мир открыт перед тобой. Тебе не обязательно жить в Москве, ходить в ненавистный институт, только потому что родители хотят, чтобы у тебя было высшее образование, и заниматься подпольными делами, потому что легальные не приносят достаточной прибыли.

— И что ты мне предлагаешь?

— Поезжай куда-нибудь пожить! В любую страну мира. Диплом Гарварда хоть нигде мне не пригодился, но 8 лет, которые я провел в Америке, были лучшими в моей жизни.

Я улыбаюсь словам друга. Моя мама тоже училась в Гарварде вместе с Илей. Чтобы завершить там образование, ей даже пришлось оставить меня новорожденного с бабушкой и дедушкой.

— Предлагаешь мне стать русским мигрантом в Америке или в Европе? — подшучиваю и тоже прошу бармена обновить «Гиннес».

— Ну почему сразу мигрантом? — защищает свою точку зрения. — Экспатом.

— Экспат — это высококвалифицированный специалист, который поехал работать в другую страну по приглашению. А у меня даже высшего образования для этого нет, — развожу руками. — Видишь, все дороги ведут в мой беспонтовый институт.

Илья пьет пиво и смотрит на меня поверх стакана прищуренными глазами.

— Слушай, — ставит «Гиннес» на деревянную стойку и продолжает внимательно на меня смотреть. О чем-то усердно думает. — У меня есть идея.

— Какая?

— Я хочу открыть ресторан в Лондоне, и, наверное, мне для этого будет нужен партнер, которому я смогу доверять. Человек, который хорошо говорит по-английски, сможет постоянно там находиться и следить за делами.

— При чем тут я? — мне не очень нравится то, к чему Илья клонит.

Он устремляет в мою сторону указательный палец.

— Ты такой человек.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, Ток. Я ничего не понимаю в ресторанах.

— Я тоже не понимал, когда открывал свой первый ресторан. А сейчас посмотри, сколько их у меня.

— Ну не, — я морщусь. — Мне нравится жить в Москве и мне нравится мое дело.

— Все равно подумай. По-английски ты отлично говоришь. Я из Москвы в Лондон не смогу постоянно летать. Ты будешь находиться там на месте и за всем следить. Прибыль поделим пополам.

— Хочешь испортить с другом отношения — начни с ним совместный бизнес, — цитирую ему известную поговорку.

— Ерунда это все!

— Илья, ну на каких правах я поеду в Лондон вести там бизнес? Туристическая виза не дает таких полномочий.

— Я сделаю тебе рабочую визу.

— Как?

— Во-первых, у меня есть вид на жительство в Великобритании. — Ток многозначительно на меня смотрит.

Илья, как и полагается любому уважающему себя русскому олигарху, обзавелся недвижимостью в Лондоне. Они с Ксюшей купили там лет пять или семь назад дом. Не знаю, зачем он им. За все это время они ездили в Англию максимум три раза.

— Во-вторых, — друг продолжает, — если я открою в Лондоне ресторан, то стану там работодателем. А значит, я смогу сделать тебе рабочую визу.

— Нет, Илья. Дурацкая идея.

В этот момент входная дверь в клуб открывается, и в помещение заходит Ксюша. Видит нас и машет рукой.

— Привет! — подходит к нам с широкой улыбкой. Я привстаю, чтобы поцеловать ее в щеку. — Как дела? — она взлохмачивает мои слегка отросшие волосы.

— Нормально! Вот решил вас повидать перед началом учебы. — Ксюша делает скептическое выражение лица. — В этом раз я точно окончу универ! — обещаю.

— Ну-ну. — Не верит мне.

Илья пододвигает для жены третий стул. Хрупкая Ксюша забирается на него и просит у бармена кофе. Затем находит руку мужа и переплетает с ним пальцы. Я смотрю на это и улыбаюсь. Такие они забавные иногда.

Им обоим уже под 50, но выглядят значительно моложе. Ксюше я бы и 40 не дал. Эта хрупкая на вид женщина на самом деле тот еще терминатор в юбке.

У Ксюхи есть, мягко говоря, странноватое хобби: она любит ходить в тир. Пару раз я ездил с ней и Ильей. Так вот Ксюша завязывает глаза большой черной повязкой, берет в руки пистолет и стреляет по мишеням. Она попадает ровно в яблочко.

С завязанными глазами!!!

А еще Ксюша профессионально владеет боевыми искусствами. Иногда она приезжает размяться ко мне в клуб. Так вот Ксюша положила на лопатки всех моих тренеров. Однажды мы устроили с ней спарринг вдвоем. Чего греха таить, Ксюша знатно мне наваляла.

— Как дела у Илюши? — спрашиваю Ксюху про сына.

— Хорошо, готовимся к 1 сентября.

— В какой он класс пойдет?

— В седьмой.

В этот момент у Ильи звонит телефон. Он берет его с барной стойки и смотрит на экран. Его губ касается мягкая улыбка.

— Да, Лиза, — говорит в трубку.

А у меня на это имя уже срабатывают все рефлексy.

— Да, конечно, — Ток продолжает разговор. — На сколько человек? — Слушает ответ собеседника. — Без проблем, все будет в лучшем виде. Давай, пока.

Отбивает звонок и подзывает проходящую мимо девушку в белой рубашке. Она приближается, и я читаю на ее бейджике слово «администратор».

— Таня, забронируй на следующую пятницу первую вип-ложу возле танцпола. Будут восемь человек. Нужно индивидуальное обслуживание. Прикрепи к этой ложе лучшего официанта.

— Хорошо, Илья Ильич, — девушка быстро кивает. — Все сделаем. — И удаляется.

— Кто звонил? — аккуратно интересуюсь у друга.

— Сестра твоя. В следующую пятницу придет с друзьями. Попросила столик. Ответ Ильи мне категорически не нравится.

— С чего это вдруг? — кажется, мой голос звучит уж слишком возмущенно. Пожимает плечами.

— Не знаю. Просто сказала, что хочет отдохнуть с друзьями.

— Понятно, — отвечаю задумчиво.

Вообще, у меня уже были планы на следующую пятницу. Но теперь, видимо, придется их изменить.

Глава 11. Игрок номер 17

ЛИЗА

Я выхожу из станции метро Филевский парк и иду прямо по широкой Минской улице. Сворачиваю влево на Большую Филевскую, перехожу дорогу на светофоре и направляюсь вдоль парка. Дохожу до входа и бреду знакомыми тропинками до необходимого мне стадиона.

За столько лет я выучила эту дорогу наизусть и могу пройти ее с закрытыми глазами. Чем ближе стадион, тем быстрее начинает биться мое сердце от предвкушения долгожданной встречи. В итоге я не выдерживаю и ускоряю шаг. Хочу побыстрее увидеть его.

Прохожу в открытую дверь, киваю знакомому охраннику, иду такими родными сердцу коридорами и наконец выхожу к местам для зрителей. Они практически пустые, потому что сейчас лишь тренировка основного состава команды с запасным. Опускаюсь на желтое пластмассовое сиденье в первом ряду и с замиранием сердца смотрю на игру. Я успела к окончанию.

Питчер* подает мяч, игрок под номером 17 со всей силы отбивает его битой, бросает ее на землю и, пока круглый кожаный шарик со свистом пересекает поле, бежит к первой базе*. Парни, стоящие на первой, второй и третьей базах, устремляются вперед в то время, как соперники пытаются поймать улетевший мяч.

На игроке под номером 17 серые брюки, уже измазанные грязью, красная футболка с названием команды и красный шлем. Черные буцы с шипами глубоко проваливаются в зеленую траву с каждым передвижением ног Семнадцатого.

Я знаю о бейсболе абсолютно все и обожаю сама в него играть. И у меня вызывает сильное недоумение, почему эта такая интересная игра непопулярна в России.

Семнадцатый останавливается у первой базы. Питчер подает мяч уже другому игроку, он отбивает его битой и мчится вперед. Теперь Семнадцатый должен освободить ему первую базу и добежать до второй.

Гордость и восхищение — вот, что я испытываю, когда смотрю на игрока под номер 17.

Жадно ловлю глазами каждое его движение. Как он внимательно следит за летящим по полю мячом. Как он быстро бежит от базы к базе. Как возвращается к «дому»* и снова берет в руки бейсбольную биту. Становится в стойку и готовится отбивать.

Я знаю, что, смотря сейчас на питчера, Семнадцатый прищуривает глаза. Знаю, что мысленно он уже рассчитал силу своего удара и траекторию, по которой полетит мяч. И в момент, когда он бьет битой, у меня замирает сердце.

— Ну же, давай, — тихо говорю себе под нос, сжимая кулаки и наблюдая за тем, как Семнадцатый устремляется к первой базе.

Он успел! Облегченный выдох вырывается из недр груди. Я всегда так сильно за него переживаю, что в пору пить валерьянку.

Игрок под номером 17 очень высокий и крепкий в плечах. Под шлемом не видно волос, но они темно-русые. Нос у него со слегка заметной горбинкой, потому что однажды в детстве бейсбольный мяч прилетел ему по лицу. А еще у Семнадцатого зеленые глаза.

Говорят, чисто зеленая радужка есть только у 2% людей на земле и обычно встречается у жителей Исландии. И вот игрок под номером 17 — один из этих редких 2%. Но к Исландии он не имеет никакого отношения.

Когда Семнадцатый учил меня играть с бейсбол, он говорил, что это физика и геометрия в одном флаконе. Нужно заранее просчитать, под каким углом и с какой силой отбивать мяч, при этом учитывая на каких точках поля стоят соперники, а также заранее предположить, сколько секунд будет лететь мячик и хватит ли этого времени, чтобы добежать до первой базы.

Для меня — абсолютного гуманитария — это было очень сложно, но Семнадцатый терпеливо меня научил. В итоге я могу выйти на поле хоть прямо сейчас и сыграть на равных с этими парнями.

Через 15 минут тренер объявляет об окончании тренировки, и все игроки спешат в сторону раздевалки. Семнадцатый снимает шлем и вертит головой по сторонам. Находит меня взглядом, машет рукой и расплывается в широкой доброй улыбке. Я машу ему в ответ и остаюсь ждать, когда он ко мне выйдет.

Я в задумчивости смотрю на пустое зеленое поле, которое за всю жизнь уже стало мне таким родным, и вспоминаю, как пришла сюда первый раз в 8 лет с мамой и отчимом, чтобы посмотреть на детскую игру Семнадцатого. И помню, как гордилась им, когда его команда победила. Прошло 12 лет, а я до сих пор горжусь им, как и тогда в первый раз.

— Привет! — на пластмассовое кресло рядом со мной плюхается какой-то парень.

Его появление настолько неожиданно, что я вскрикиваю.

— Эй, чего такая пугливая? — и улыбается мне во все тридцать два. А следом за ним на другое кресло опускается еще один парень. Им обоим лет по 17-18, наверное.

— Привет, — выдавливаю из себя.

Ребята заинтересованно меня разглядывают, и мне становится слегка неуютно в моих коротких джинсовых шортах.

— Ты подружка Яра? — спрашивает с улыбкой тот, что подсел вторым, и еще раз проходит по мне наглыми глазами с головы до ног.

— Типа того... — отвечаю расплывчато и стараюсь улыбнуться ему в ответ.

— Мы давно тебя приметили, — говорит первый. — Ты всегда приходишь, только когда тренируется Яр. В другие дни тебя не бывает.

— Ну да, в другие дни мне нечего тут делать.

— У Яра отличный вкус на девчонок, — без малейшего смущения произносит второй. — Не будь ты его подружкой, я бы пригласил тебя на свидание.

Я громко смеюсь.

— Лет-то тебе сколько, мальчик?

— Через месяц 17! — говорит с гордостью.

— Я для тебя слишком стара.

— Возраст — это просто цифра в паспорте, которая ничего не значит, — спорит со знанием дела.

— Свалили отсюда, — раздается из-за спины такой родной голос с железными нотками.

Я оборачиваюсь и вижу Ярослава. Его мокрые после душа волосы взлохмачены, на щеке виднеются капли воды. Он торопился ко мне и плохо вытерся полотенцем. Белая футболка-поло обтягивает сильную грудь и сильные руки, на плече висит небольшая спортивная сумка с формой. На нем темно-синие шорты до колен и белоснежные кроссовки. Меня всегда удивляло умение Яра аккуратно носить белую обувь. Я вот так не умею.

— Мы просто подошли познакомиться! — оправдывается тот, что говорил мне про свидание.

— Мы знаем, что это твоя подружка и ни на что не претендуем, — оправдывается первый.

— Свалили, я сказал, — грозно повторяет Яр, и эти двое спешат капитулировать.

— Еще увидимся! — кричит мне один из ребят, скрываясь за дверью.

— Как ты строг! — я поднимаюсь с улыбкой и крепко обнимаю Ярослава.

— Глаз да глаз за тобой нужен, — он сжимает меня в своих руках и целует в макушку.

Я беру его ладонь, и мы направляемся на выход из стадиона. Попадаем в парк и медленно бредем по нему, выбирая, куда присесть. Августовское солнце сильно палит, но скорее всего это последние теплые денечки в Москве перед осенью, поэтому я с радостью подставляю лицо

обжигающим лучам. Жмурю глаза под темными очками и улыбаюсь. Сегодня просто отличный день.

— Я, кстати, забронировала столик на пятницу. — Поворачиваю голову к Ярославу. — Это ночной клуб папиного друга.

— Хорошо.

Яр тянет меня к большому дереву, под которым расстилается тень. Он сбрасывает с плеча спортивную сумку, садится на землю и опускается спиной на ствол. Я опускаюсь рядом и без малейшего стеснения укладываю голову у него на коленях. Закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать. Этот момент слишком идеален, чтобы портить его переживаниями о предстоящем учебном году или о чем-то еще.

Пальцы Яра блуждают у меня в волосах, где-то вдали раздается детский смех и шум фонтана, а легкий ветер приятно касается кожи, и в какой-то момент я чувствую, как проваливаюсь в сон.

Но прикосновение Ярослава к моему лицу тут же приводит меня в чувство. Он нежно ведет ладонью по щеке, поглаживает скулу большим пальцем, затем мягко проходится по шее до ключиц.

— Лиза, я люблю тебя, — тихо говорит.

Питчер — тот, кто подает мяч, чтобы игрок с битой его отбил

База — квадратная штука в земле, до которой должен успеть добежать игрок, отбивший мяч, прежде чем соперники его поймают.

Дом — точка, на которой стоит игрок с битой и отбивает мяч, брошенный питчером.

Глава 12. Розыгрыш

ЛИЗА

Это признание заставляет меня резко распахнуть глаза и уставиться в лицо Ярослава. Я, наверное, перестала дышать. Открываю рот, чтобы что-то ответить, но слова застревают в гортани, и в итоге я, как рыба, просто размыкаю и смыкаю губы.

Несколько бесконечно долгих секунд Яр серьезно на меня смотрит в ожидании ответа, а потом взрывается громким смехом.

В смешанных чувствах я быстро сажусь на земле и в недоумении пялюсь на ржущего, как конь, Ярослава.

— Лиза, видела бы ты свое лицо! — выдавливая сквозь смех.

И чем дольше он смеется, тем быстрее до меня доходит, что Ярослав меня только что разыграл.

— Яр, ты придурок! — ору и накидываюсь на него с кулаками. Но это только смешит его еще больше. — Не смешно, идиот!!! — продолжаю колотить его, куда попадет.

Проходящие мимо люди странно на нас косятся. В итоге он наконец-то успокаивается и вытирает слегка выступившие от смеха слезы.

— Ты debil! — гневно выплевывая, готовая снова на него накинуться.

— Просто я подумал, что мы с тобой со стороны похожи на сладкую парочку. Шли, держась за руки, потом ты улеглась у меня на коленях, я перебирал твои волосы. Еще и те два придурка на стадионе подумали, что ты моя девушка. — Он снова начинает смеяться.

— Яр, не шути так больше. — Строго предупреждаю его.

— Окей-окей, — друг выставляет вперед две ладони. — Извини, я просто не мог отказать себе в удовольствии разыграть тебя.

Я фыркаю и отворачиваюсь от него. Придурок. Просто придурок. Прибила бы за такую шутку.

— Ладно, рассказывай, что там у тебя за парень. — Друг быстро переводит тему.

— Да так, однокурсник, — пожимаю плечами. — Дима зовут.

— Давно вы вместе?

— Месяц.

— Пф, так это вообще, считай, ничего.

— Ну да... Он будет в клубе в пятницу. — Поворачиваю голову к другу. — Познакомлю вас.

— Окей. Надеюсь, с ним ты дойдешь до конца. — Яр пару раз делает бровями вверх-вниз и снова слегка смеется.

Стукаю его кулаком в плечо, а затем смотрю в задумчивости перед собой. Поджимаю колени к груди и кладу на них подбородок. Настроение резко ухудшилось.

— Яр, что бы ты сделал на моем месте? — мой голос звучит с тоской.

— Что я бы сделал, если бы был в 20 лет девственником? Постарался бы как можно скорее избавиться от этого тяжелого бремени.

— Яр, я серьезно, — стреляю в него взглядом.

— Я тоже. — Друг поудобнее устраивается под деревом, вытягивая вперед ноги. — Лиза, у тебя отбоя нет от парней. В чем твоя проблема?

— Они все не те, кто мне нужен... — тихо бубню себе под нос.

Но Яр все-таки расслышал.

— А кто тебе нужен?

Его вопрос заставляет мое сердце биться чаще. Перед глазами встает лицо единственного по-настоящему нужного мне парня, с которым я никогда не смогу быть вместе. Тут же

наворачиваются слезы, и я быстро опускаю с макушки солнечные очки. В груди моментально начинает нарастать знакомое и уже привычное за столько лет чувство — боль.

— Лиза, — зовет друг, но я не отвечаю и не поворачиваюсь к нему. Все так же продолжаю смотреть прямо перед собой, упорно сдерживая слезы.

Тогда Яр сам ко мне придвигается и обнимает одной рукой за плечи, привлекает к себе и гладит второй ладонью по голове. Я чувствую, как дрожат губы от рвущегося наружу всхлипа.

— Расскажи ему, — тихо говорит мне в макушку.

— Я не могу... — слеза все-таки срывается с ресницы и течет по правой щеке. От этого голос садится.

Яр тяжело вздыхает.

— Так не может больше продолжаться. Ты или должна ему все рассказать, или должна отпустить его и жить дальше своей жизнью.

— Я не могу ни то, ни другое.

— Ты должна выбрать что-то одно. Или ты ему рассказываешь, или ты отпускаешь его. Лиза, — друг поднимает на себя мое лицо и снимает с меня очки. — У тебя из-за него жизни нет. Ты молодая и красивая девушка, но ни у одного парня изначально нет шансов. Хватит уже! — строго говорит. — Ты должна жить дальше своей жизнью.

Я понимаю, что Ярослав прав, что я должна жить своей жизнью, но...

Что значит — жить своей жизнью?

Просто смотреть со стороны, как он однажды будет счастлив с девушкой? Прийти на его свадьбу в качестве сестры? Играть с его детьми и называть их племянниками?

А на самом деле любить его. Бесконечно сильно. Наблюдать за ним, пока он не видит. Прикасаться будто невзначай, потому что иначе ломка начинается. Вдыхать его запах, когда он рядом, и задерживать дыхание.

Знать правду и не иметь возможности сказать ему.

Потому что эта правда его убьет...

Вот что меня ждет на протяжении всей моей жизни.

В тот день два года назад, когда произошла авария, я четко поняла одно: если Миша умрет, я умру вместе с ним. Я не хочу жить в мире, где нет его — мальчишки, который обижал меня в детстве, который всегда кричал, что ненавидит меня, но на самом деле, даже сам того не осознавая, защищал и берег. Ведь он согласился на ту гонку и сел в машину из-за меня.

У меня до сих пор стоит в ушах звук от его переворачивающегося автомобиля. Находясь у линии финиша, мы не видели, чья именно это машина: Миши или Никиты. Я бежала, что есть силы, и молилась, чтобы это был не «Мустанг». А когда увидела перевернутым именно его, мое сердце рухнуло вниз.

А дальше, как в замедленной съемке. Парни, быстро добежавшие до автомобиля, открыли дверь и вытащили Мишу. Он не двигался. Его успели оттащить от машины быстрее, чем она загорелась, кто-то тут же стал звонить в скорую, а я просто упала на колени рядом с его бездыханным телом, трясущимися руками сняла с него шлем и стала щупать пульс.

И именно в эту самую секунду, прикладывая два пальца к Мишиной шее, я поняла, что люблю его. Больше жизни, больше всего на свете. И что если пульса не будет, то не будет больше и меня.

С того дня моя жизнь больше похожа на жалкое существование. У меня и до этого не было особых радостей, но тут просто все смешалось в одно серое месиво. Утро - универ - дом - сериал - кровать. И так каждый день. Иногда встречи с друзьями, иногда бейсбол с Яром, иногда ужины с папой или с мамой. Но каждый вечер я возвращаюсь в свою квартиру, в которой живу одна, падаю на диван в гостиной и просто смотрю на белый потолок, чувствуя, как внутри разрастается огромная черная дыра.

Любовь — это боль.

Бесконечно долгая, тупая, ноющая боль, которая изнашивает сердце и душу. Особенно когда точно знаешь, что у твоей любви нет будущего. Когда предмет твоей любви не видит тебя в упор, и тебе приходится обращать на себя его внимание силой. Не важно, какое это внимание: позитивное или негативное. Важно, чтобы оно в принципе было.

Конечно, я мечтаю, чтобы однажды Миша говорил со мной спокойно. Не хватал меня за руки и шею, не тянул за волосы, не орал, не говорил, что ненавидит. Но общаться со мной нормально он не хочет, поэтому мне приходится довольствоваться тем, что есть. И уж лучше так, чем вообще никак, чем он упорно будет делать вид, что меня не существует.

Футболка Ярослава на плече уже промокла от моих слез. Друг утешает меня мягкими поглаживаниями по спине и снова и снова повторяет, что я должна жить дальше.

— Лиза, хватит, — слегка трясет меня. — Дай шанс этому Диме. Или не Диме, а кому-то еще. Но хватит хоронить себя заживо.

Я согласно киваю головой, прекрасно понимая, что Яр прав. Папа и Кристина не собираются рассказывать Мише правду, я тоже не могу это сделать, поэтому единственное, что мне остается — пытаться жить дальше.

Может, уехать куда-нибудь далеко-далеко?

С силой сжимаю в кулак траву на земле. Но разве я смогу уехать и долго его не видеть? Те несколько месяцев, что он лежал в больнице, были сущей пыткой. Я не могла навестить его, потому что знала: ему это не нужно. Мне оставалось только ждать, когда его выпишут, и я смогу приехать в гости к папе, чтобы увидеть Мишу. Столкнуться с его ледяным безразличием, как-нибудь спровоцировать, услышать гневную тираду ненависти в свой адрес и обрадоваться даже ей.

Моя жизнь похожа на один сплошной серый день сурка. И нет из него выхода.

Ярослав поднимается на ноги и тянет меня вверх за руку. Послушно встаю и вытираю мокрые от слез щеки. Друг берет мою ладонь и ведет в сторону ближайшего кафе под навесом. Я заказываю американо, чтобы немного взбодриться, и клубничный пломбир, чтобы хоть чуть-чуть поднять себе настроение. Яр берет холодное пиво.

— У тебя сейчас есть девушка? — спрашиваю, отправляя в рот мороженое.

— У меня всегда есть девушка, — делает глоток из стакана.

Я качаю головой.

— Я имею в виду такая девушка, по отношению к которой у тебя серьезные намерения.

— Я всегда серьезен в своем намерении заняться сексом.

— Яр! — повышаю возмущенно голос.

— Что? — смеется.

— Я серьезно с тобой говорю. Ты хоть когда-нибудь вообще влюблялся? — задаю вопрос, на который прекрасно знаю ответ. Нет. Ярослав никогда ни в кого не был влюблен по-настоящему.

— Каждый день! Видишь вон ту девушку с офигенными ногами? — показывает глазами вбок. Я поворачиваю голову и тут же натыкаюсь взглядом на блондинку с ногами от ушей. Она держит в руках пушистого шпица и говорит по телефону. — Я уже в нее влюбился.

Возвожу глаза к небу.

— И на сколько хватит твоей любви? — язвлю.

Яр оценивающе рассматривает блондинку, как товар на распродаже.

— Думаю, раза на два. Может, на три.

— Пф, — фыркаю и ухожу в свое мороженое. Запиваю его горячим кофе.

— Понимаешь, Лиза, — начинает поучительным тоном. — Пока я не обременен серьезными отношениями, весь мир для меня, как шведский стол. Я могу постоянно есть разную еду: хочу — стейк, хочу — вегетарианский салат. А иногда можно и то, и другое одновременно, — и подмигивает.

У меня аж ложка из пальцев выпадает и со звоном бьется о стеклянную креманку с мороженым. Я, конечно, не осведомлена о всех подробностях интимной жизни Ярослава, но не удивлюсь, если он однажды кувыркался с двумя девушками одновременно. Или даже не однажды.

— Бред, — заявляю категорично. — Даже слышать не хочу.

— Ты у Миши своего спроси. Он тебе подтвердит, что я прав.

Яр говорит это невзначай, просто к слову пришлось, а вот у меня внутри все вспыхивает. Даже думать, даже представлять его не хочу с другими девушками, хотя, безусловно, они у него есть. Но лучше пускай их у Миши будет много, чем он будет встречаться только с одной.

У него еще такой не было. Постоянной. Которую бы знали папа и Кристина. Которая была бы вхожа в семью. У Миши отношение к женскому полу такое же, как у Ярослава — как к шведскому столу. Что хочу, то и ем, на чем-то одном не заикливаюсь.

Но если однажды это изменится...

Господи, нет, я даже думать об этом боюсь.

— С тобой все в порядке? — участливо спрашивает друг. — Ты побледнела.

— Все нормально, — быстро киваю в знак подтверждения.

— Ты пока посиди, а я сейчас, — на этих словах Яр встает с места и направляется в сторону блондинки с ногами.

Я провожаю взглядом его удаляющийся силуэт и так даже сходу не могу понять, что сейчас больше чувствую: возмущение или обиду. Наверное, и то и другое.

Нет, ну это нормально вообще? Мы проводим время вместе, а он меня кидает и идет клеить эту воблу.

Яр подходит к блондинке, только что убравшей телефон в сумочку, и что-то ей говорит. Девушка сначала косится на него с подозрением, но чем больше Яр вешает ей лапши на уши, тем сильнее она начинает улыбаться.

У Ярослава есть талант — умение забалтывать людей. Он может познакомиться с кем угодно и где угодно. Яр способен склеить девушку даже в очереди в туалет в «Макдональдсе», а потом в кабинке этого самого туалета вместе с ней... Кхм, цензура умалчивает.

У этого парня отлично подвешен язык, у него прекрасное чувство юмора, он за считанные минуты осваивается в непривычной обстановке и вливается в незнакомую компанию. А еще он очень харизматичен и обаятелен. Я уже молчу о его прекрасных внешних данных.

И вот уже через пять минут блондинка с огромным удовольствием смеется его рассказу. Еще через три — млеет под его взглядом. Еще через две — диктует ему свой номер.

Он обработал ее по полной за каких-то 15 минут!

Довольный друг возвращается ко мне и садится на свой стул напротив.

— Что? — удивляется моему испепеляющему взгляду.

— Иди в задницу — вот что! — гневно выпаливаю.

— Да что такого? Я просто подошел спросить у нее номер.

— Ты меня кинул!

Яр морщится и отмахивается от меня.

— Не говори ерунды.

— Мы не виделись полтора месяца! — продолжаю возмущаться. — Я сегодня не пошла на работу к папе, чтобы провести день с тобой, а в итоге ты меня кидаешь ради какой-то воблы с тощими ногами!

— Лиза, я отошел всего на 15 минут! — тоже повышает голос. — Считаю, что я ходил в туалет.

— Да ты все время так делаешь! — продолжаю ругаться. — С тобой куда ни пойдешь — ты везде баб клеишь!

— Знаешь, тебе бы тоже не помешало склеить парня. — резко отвечает. — Может, стала бы чуть мягче и терпимее к людям. — И он демонстративно уходит в телефон, явно, чтобы напечатать сообщение вбле с ногами.

А у меня от возмущения аж дыхание перехватывает.

— Знаешь, ты прав. — Отвечаю, помедлив. — Не понимаю, что я вообще тут с тобой делаю, когда у меня есть парень.

И я резко встаю и направляюсь на выход из парка. Яр не идет меня догонять.

По дороге к метро я достаю из сумочки телефон с разбитым экраном (спасибо Мише!) и пишу Диме:

«Что сейчас делаешь?»

«Ничего, вернулся в Москву с дачи»

«Увидимся?»

«С удовольствием. Когда?»

«Я свободна уже сейчас»

«Мне нужно помочь кое в чем отцу. Могу заехать за тобой часа через два»

«Ок»

Убираю смартфон обратно и спускаюсь в подземку. Я уже знаю, что буду делать дальше.

Глава 13. Жить дальше

ЛИЗА

Дима проявлял ко мне знаки внимания с первого курса. Не могу сказать, что он как-то сильно меня добивался, но всегда давал понять, что я ему нравлюсь и он не против чего-то большего, чем обеды в университетской столовой и тусовки в общей компании. Месяц назад мы с однокурсниками пошли в бар и зависли там до глубокой ночи. После нескольких аперолей я не стала возражать против руки Димы на моей талии. А после пары шотов текилы я сама поцеловала его у барной стойки. С тех пор мы вроде как встречаемся.

Мне 20 лет, и у меня еще не было отношений дольше полутора месяцев. Как правило, уже недели через три парни становятся настойчивее, и их руки без малейшего стеснения забираются мне под платье. А я в этот момент вся сжимаюсь от страха.

Умом я понимаю, что бояться мне нечего, и *все люди делают это*. Но... Меня будто что-то останавливает. Смотрю в лицо парня и понимаю: я не хочу его. Не хочу его губ, не хочу его рук, не хочу его тела. В конце концов, секс должен быть приятен, а мне вряд ли будет приятно.

Поэтому в такие моменты я всегда вру, что у меня прямо сейчас месячные, и вот когда они закончатся, тогда мы обязательно это сделаем. А после я перестаю отвечать на звонки и сообщения.

Но сегодня все будет по-другому. Сегодня я точно решила, что буду жить дальше. И обязательно построю нормальные отношения с парнем.

Черт возьми, я должна жить дальше.

Я захожу домой и тут же направляюсь в ванную. Кошка кидается мне под ноги, но сейчас мне не до нее.

— Жуля, уйди! — ругаюсь на пушистый комок, путающийся у меня в ногах.

В 18 лет я съехала от мамы с отчимом в квартиру, в которой мы жили с родительницей до того, как она вышла замуж и мы переехали к ее мужу. Они до сих пор немного обижаются на меня за это. Отчим периодически присылает мне фотографии своих кулинарных шедевров в виде жареной курицы с хрустящей корочкой и подписывает: «Пока ты ужинаешь йогуртом, у нас вот такая вкуснятина».

Про йогурт — это он меня подкалывает. В детстве Миша дразнил меня толстой, и я ему верила, поэтому в какой-то момент стала питаться только йогуртами. У меня был один стаканчик на завтрак, один на обед и один на ужин. Заморив себя голодом, я стала терять сознание прямо на улице. После этого мама и Артем начали силой запихивать в меня нормальную еду.

Облокачиваюсь рукой на белый кафель и зажимаю глаза.

Почему из всех парней мне нужен именно *ОН*?

К черту его.

Скидываю одежду на пол и залезаю в ванну. Тщательно трусь мочалкой и брею ноги. Хотя я брила их сегодня утром, но на всякий случай делаю это еще раз. Заматываюсь в полотенце и иду в свою комнату. Сначала смазываю тело увлажняющим лосьоном, затем беру тальк и аккуратно наношу пудру на руки, туловище, спину, ноги. Тальк пахнет чем-то пряным и цветочным. Кожа после него становится нежной и шелковистой.

Выдвигаю первый ящик комода и смотрю на ворох нижнего белья. Останавливаю выбор на белоснежном кружевном комплекте из лифчика и стрингов. Затем достаю из шкафа новый легкий сарафан цвета топленого молока чуть выше колен. Когда я завершаю макияж, Дима пишет, что стоит у подъезда.

Я никогда не говорю парням, что живу одна, потому что в этом случае они тут же начнут навязываться ко мне домой. Как-то так всегда получалось, что у меня не было молодого человека со своей жилплощадью. Они все жили или с родителями, или в студенческой общаге.

Ну а сказать мужчине, что я живу одна в собственной квартире, — это значит добровольно выпустить его на свои квадратные метры, а я к такому не готова.

Но сегодня я сделаю исключение.

Обуваю красивые босоножки на каблуках и спускаюсь к Диминой машине. Забираюсь на переднее сиденье и тут же тянусь за поцелуем.

— Соскучился по тебе, — шепчет мне в губы. Крепко прижимает к себе и глубоко целует. Я отвечаю ему, мы переплетаем языки, Дима запускает ладонь мне в волосы, а я набираюсь смелости и просовываю руку ему под футболку. Веду пальчиками по торсу, слегка царапая отросшими ноготками.

Дима отпускает мои губы и идет поцелуями вниз по шее. Я запрокидываю голову и смотрю на бежевую обивку автомобиля. Его рука уже под моим платьем, губы на ключицах. Вот он этот момент, во время которого я все время сжимаюсь от страха и убегаю.

Зажмуриваю глаза, заставляя себя повиноваться рукам и губам Димы.

Секунда, две, три, четыре, пять.

Терпи, Лиза, терпи. Все люди делают это.

ОН делает это с другими девушками.

Набираю полные легкие воздуха и выпаливаю:

— Давай поднимемся ко мне? — голос звучит с такой уверенностью, что это удивляет даже меня.

Я должна жить дальше.

Дима отрывается от моей шеи и смотрит мне в лицо поплывшим взглядом. Резко приходит в себя и, быстро от меня отстраняется.

— Блин, Лиз, прости. Надеюсь, прохожие на нас не сильно пялились.

— Не пялились. Давай ко мне? У меня сейчас дома никого.

О том, что я постоянно живу одна, на всякий случай решаю не говорить.

Дима внимательно на меня смотрит. Он, наверное, самый порядочный из всех парней, что у меня были. Дима знает, что я девственница, поэтому не давит. В отличие от всех тех, кто был до него. И вообще, он очень даже симпатичный. Высокий шатен с голубыми глазами.

— Ты уверена? — аккуратно спрашивает.

— Как никогда.

Я должна жить дальше.

Не дожидаясь от него ответа, я выхожу из машины и направляюсь к подъезду. В этот момент в сумочке звонит телефон. Достая гаджет с разбитым экраном, вижу незнакомый номер и отбиваю звонок. Даже не хочу знать, кто это.

В лифте я прижимаюсь к Диме всем телом и тянусь за поцелуем. На этаже нам приходится разорвать губы, чтобы я открыла дверь. Когда достаю ключи, телефон снова звонит. Опять тот же незнакомый номер, и я сбрасываю вызов.

Мы проходим в квартиру, я закрываю за нами дверь, снимаю босоножки и сразу тяну Диму на диван в гостиной. Сначала мы невинно целуемся. Затем парень аккуратно укладывает меня и ложится сверху. Он не засовывает тут же руку мне под платье, а просто целует.

Я охотно отвечаю на ласку его губ, прижимаю к себе за сильную спину.

Я должна жить дальше.

Мы целуемся долго. То нежно, то страстно, то снова нежно. Дима слегка покусывает мои губы, аккуратно щекочет меня в районе ребер, и я слегка смеюсь.

— Ты так давно мне нравишься, — шепчет на ухо и прикусывает мочку. — С первого курса, Лиз.

Его слова мне приятны. Диме каким-то образом удалось меня расслабить, так что я не сжимаюсь в комок, как обычно. Ну или просто работает самовнушение, что *я сделаю это сегодня*.

Я должна жить дальше.

— Ты мне тоже очень нравишься, — шепчу в ответ.

Ну а что еще ответить на его признание?

Дима аккуратно целует мою шею, грудную клетку, затем спускает лямки сарафана.

— Ты очень красивая, — тихо говорит. — Самая красивая у нас на курсе. И у тебя такие стройные ноги. — В подтверждение своих слов Дима проводит ладонью по моей гладко выбритой икре.

А ОН мне в детстве говорил, что я толстая и некрасивая.

Гнев, боль, обида на *Него* тут же вспыхивают в груди яркой вспышкой. А потом перед глазами встает картина, как я в 14 лет видела его с девушкой. Притащил в дом отца какую-то шлюшку и занимался с ней сексом, пока я рыдала в соседней комнате.

Ненавижу.

— Дима, я хочу тебя, — говорю тихо, но уверенно.

Приподнимаюсь и снимаю с парня футболку. Он нависает надо мной на локтях, и этого небольшого расстояния между нашими телами хватает, чтобы я рассмотрела его крепкий торс и прошлась вниз-вверх ладонями.

Мы снова целуемся, а затем мне как-то удается перевернуть Диму на спину и забраться на него сверху. Это так... необычно. Мне раньше никогда не приходилось сидеть верхом на парне.

Я должна жить дальше.

В этот момент в сумочке снова начинает звонить телефон. Дима непроизвольно дергается, но я возвращаю его лицо к себе, давая понять, чтобы не отвлекался. Быстро стягиваю с себя сарафан и кидаю его на пол. Дима рассматривает мое тело в кружевном белье и гладит руками.

— Какая же ты красивая... — повторяет.

— Я не толстая? — этот вопрос вырывается механически, и я тут же прикусываю язык.

Дима слегка смеется.

— Дурочка, у тебя обалденная фигура. Знаешь, сколько парней у нас на курсе пускают на тебя слюни?

Знаю. Я знаю, что многим нравлюсь в универе. Мне было сложно в это поверить, ведь Мише удалось внушить мне, что я некрасивая. С началом студенческой жизни мужское внимание значительно подняло мне самооценку, но я все равно иногда смотрю на себя в зеркало и выискиваю изъяны, которые могли бы подтвердить мне Мишины слова.

Я опускаюсь к Диминому лицу и глубоко целую. Его руки блуждают по моим ногам, ягодицам, я поглаживаю его торс. Телефон в сумке разрывается, но мне наплевать.

Я должна жить дальше.

А затем я тянусь к его ремню и расстегиваю. Дима снимает с себя джинсы и бросает мне за спину. Между нами последняя преграда в виде его боксеров и моих стрингов. Я смотрю парню ровно в глаза и цепляю пальцем тугую резинку его трусов.

И именно в этот момент раздается сильный стук в дверь.

Мы с Димой испуганно вздрагиваем и переглядываемся. Затем телефон в сумочке снова оживает. Я перевожу взгляд с нее, на Диму, потом снова на нее. Мощные удары во входную дверь повторяются.

— Лиза, я слышу твой телефон и знаю, что ты дома! — доносится из подъезда *ЕГО* голос. — Открой дверь, иначе я ее выбью.

— Кто это? — хрипло спрашивает Дима.

Я практически голая сижу верхом на парне в трусах, а за дверью стоит *ОН*. Спина моментально покрывается липким потом, сердце колотится где-то в районе глотки. Я растерянно смотрю на входную дверь и боюсь пошевелиться.

— Лиза, я считаю до трех, — кричит Миша через закрытую дверь. И я узнаю эту интонацию его голоса. Он зол. Очень зол.

Осознание того, что Миша своим неожиданным приходом обломал мне то, к чему я еле-еле морально подготовилась, ослепляет меня яростью. Впиваюсь ногтями в обивку дивана, пытаюсь сдержать это чувство.

ОН никогда не даст мне жить дальше.

Никогда.

— Один, — Миша начал считать.

Мною сейчас двигает будто невидимая сила. Я медленно встаю с Димы и прямо так в стрингах и лифчике иду открывать дверь.

Глава 14. Заказ на дом

Только я подъезжаю к своему клубу, как в кармане джинс звонит телефон. Пока я паркую мотоцикл и снимаю шлем, трель мобильного замолкает. Достая его и смотрю на пропущенный: какой-то незнакомый номер. Фиг с ним.

Хочу уже убрать гаджет обратно в карман, как он снова начинает орать.

— Аллю, — беру трубку.

— Здравствуйте, это Михаил? — спрашивает мужской голос с кавказским акцентом.

— Да.

— Это курьер из интернет-магазина. Вы делали заказ мобильного телефона с доставкой...

— Ну? — нетерпеливо перебиваю его.

Вчера я купил Лизе новый телефон взамен того, что разбил о стену, и оформил доставку курьером к ней домой.

— Елизавета, которая должна получить покупку, не берет трубку. А я сейчас стою возле ее дома. Если я вернусь обратно на склад, вам придется переоформлять доставку.

Да ё-моё. От Бестии реально одни проблемы.

Как-то так случайно вышло, что мой клуб находится недалеко от ее дома: в минутах 10-15 езды.

— Вы можете немного подождать? — говорю курьеру. — Я сейчас к вам подъеду и заберу заказ.

— Только совсем недолго. Мне нужно ехать по следующему адресу.

— Я буду через 15 минут.

— Хорошо.

Снова натягиваю шлем, запрыгиваю на мотоцикл и еду к Лизиному дому. Это удивительно, но я знаю наизусть ее адрес. А еще ее номер телефона. Не понимаю, для чего мне эта информация, я никогда не звоню Лизе и никогда к ней не приезжаю. Но почему-то эти данные плотно сидят в моем мозгу. Я даже сам не понял, как они туда закрались.

Паркую мотоцикл и иду к подъезду, на лавочке у которого сидит курьер.

— Здравствуйте еще раз. Я Михаил. — Подхожу к нему.

— Держите свой заказ. — Протягивает мне смартфон. — И распишитесь. — Дает бумагу с ручкой.

Я ставлю подпись, и курьер уходит. Стою пару минут в задумчивости у Лизиногo подъезда и верчу в руках коробку с гаджетом. Я зачем-то заказал ей айфон последней модели, хотя телефон, который я разбил, был гораздо проще и дешевле. Просто неожиданно понял, что у Лизы никогда не было айфона. Вечно она ходит с какими-то дешевыми андроидами.

Как была в детстве бедной родственницей и несчастной сироткой, так ею и осталась.

Достаяю из кармана свой телефон и звоню ей. Гудки идут, но никто не отвечает. Убираю смартфон обратно и смотрю в задумчивости на вход в подъезд. Затем оглядываю двор.

Я помню его. Это тот самый двор, в который мы приехали с родителями на машине, когда отец первый раз показал мне Лизу и сказал, что она моя сестра. И это тот самый подъезд, в который он за ней заходил.

Потом я был тут еще один раз, когда мне было лет 8. Родителям надо было уехать куда-то по делам, а меня оставить было не с кем, поэтому отец не придумал ничего лучше, чем отвезти меня к Лизиной матери, чтобы она за мной присмотрела.

Я провел тут целый день. Мелкая бесячая Лиза заставляла меня смотреть с ней «Русалочку», аргументируя это тем, что я нахожусь у нее дома и должен делать, что она говорит. Но Лизина мать отвела меня в другую комнату и включила мне «Человека-Паука».

Что-то заставляет меня зайти в подъезд. Черт, я даже откуда-то знаю наизусть код домофона. Набираю цифры, дверь пикает и открывается. Я узнаю этот подъезд, побеленный в светло-зеленую краску. Хотя сколько лет прошло? Шестнадцать? Мне тогда было 8, сейчас 24.

Вызываю лифт. Маленькая железная кабинка тут же открывается. Жму 7 этаж. Помню все, как будто это было вчера. Выхожу на знакомой лестничной площадке. Передо мной три двери. Мне нужна левая, сделанная под красное дерево. Медленно приближаюсь к ней и останавливаюсь. Просто смотрю.

У меня какое-то чертово дежавю. Почему я все это помню?

Вот отец заводит меня и знакомит с тетей Олей, Лизиной матерью. Я сразу отмечаю, что мелкая Бестия очень на нее похожа, а на отца нет. Лишний раз убеждаюсь, что никакая она папе не дочка, а какая-то непонятная девочка, о которой он зачем-то заботится.

Тетя Оля провожает меня мыть руки, потом заводит на кухню. Лиза явно довольна тем, что я на ее территории и должен делать то, что она говорит. Ее мать кладет передо мной блин с творогом и наливает чай, а потом отводит нас в комнату Бестии и включает дебильную «Русалочку».

И в этот момент я понимаю, что мне интересно узнать, как живет Лиза. У нас дома у нее нет своей комнаты, а в Золотом ручье она мало вещей хранит. Здесь же все завалено ее одеждой, игрушками, книжками. Пока Лиза не отрываясь следит за мультиком, я с огромным любопытством рассматриваю ее комнату.

У нее светло-розовые обои, кровать принцессы с балдахином, много плюшевых медведей, единорогов и кукол. Я узнаю половину из них: каждый раз, когда папа водил меня в детский магазин, помимо моих машинок, самолетов и железных дорог, он обязательно покупал еще какую-нибудь девчачью игрушку, а я удивлялся, зачем. Мне розовые единороги не нужны, а Ирочка тогда еще не родилась. Значит, он покупал их для Лизы.

За что он так ее любит? Она же нам чужая, думал восьмилетний я.

Быстро трясую головой, прогоняя так некстати всплывшее воспоминание. Снова достаю из кармана телефон и зачем-то звоню Лизе. И каково же мое удивление, когда через входную дверь квартиры, я слышу рингтон ее смартфона.

Значит, Бестия дома!

Я звоню и звоню, слушаю через дверь мелодию, а она не отвечает! Меня охватывает злость. Что происходит вообще? Какого хрена она не берет трубку?

Несколько раз сильно стучу в дверь.

— Лиза, я слышу твой телефон и знаю, что ты дома! — кричу. — Открой дверь, иначе я ее выбью.

В ответ мне тишина. Я злюсь еще больше. Что за спектакль она устроила? Почему нельзя взять трубку?

— Лиза, я считаю до трех, — громко предупреждаю. За дверью в соседнюю квартиру раздается лай собаки.

— Один, — начинаю отсчет.

А потом в голову приходит неожиданная мысль: а что если с Лизой что-то случилось??

Вдруг она лежит без сознания? Или вообще мертвая?

Меня обдаёт такой волной ледяного ужаса, что, кажется, останавливается сердце. Быстро моргаю, пытаюсь отогнать панику, но это не помогает. В жилах будто кровь стынет.

Я отхожу на несколько шагов и готовлюсь с разбега выбить дверь ногой, как вдруг замок щелкает и в проходе показывается разъяренная Лиза. Смотрю в ее перекошенное от злости лицо и облегченно выдыхаю: цела, невредима, жива.

Я настолько рад тому, что с ней все в порядке, что даже не сразу замечаю, как она выглядит. Но когда мой взгляд проходится по ее нижнему белью, я на секунду теряю дар речи. Просто стою и пялюсь, как от злости часто вздымается ее грудь в этом белом кружевном лифчике.

— Лиза, кто там? — раздаётся из квартиры мужской голос.

Входная дверь открывается еще шире и рядом с Лизой становится незнакомый парень в джинсах и с голым торсом. Он застегивает ремень прямо на ходу.

Мгновение я растерянно перевожу взгляд с нее на него и с него на нее. А когда до меня доходит, почему Лиза не брала трубку, кулаки сжимаются сами собой.

— А ты кто такой? — обращается ко мне довольно наглым тоном этот парень. — И почему ты ломишься домой к моей девушке?

Мне с трудом удается контролировать ярость. Я чувствую, как дергаются желваки у меня на щеках. Ноги не слушают приказ мозга стоять на месте и сами делают шаг по направлению к этому типу.

— Дим, я разберусь, — Бестия явно чувствует, что запахло жареным, и решает вмешаться. Бросает на меня беглый взгляд и тянет этого придурка за руку назад в квартиру.

— Нет, Лиза, это я разберусь, а ты иди оденься, — он оттаскивает ее себе за спину, чтобы скрыть от моих глаз. — Я еще раз спрашиваю, ты кто такой? — наезжает на меня.

Фоном я слышу быстрые шаги Лизы куда-то вглубь квартиры. Оставшись с этим придурком наедине, я медленно подхожу к нему вплотную, заставляя попятиться назад. Переступаю через порог и кладу коробку с телефоном на высокую тумбу с зеркалом. Чтобы не мешалась в руках.

— Я Лизина проблема номер один, которая всегда идет к ней прицепом. — Тихо говорю, продолжая на него наступать. — Имея дело с Лизой, всегда имеешь дело со мной.

— Чего??? Слушай, чувак, тебе лучше уйти и никогда тут не появляться. — Он показывает мне глазами на дверь за моей спиной. Придурок перестал отступать назад и сейчас я стою к нему вплотную. — И тебе лучше не ошиваться возле моей девушки.

Его слова вызывают у меня смех. Он выходит тихим, злым.

— Ты даже не представляешь, как много всего связывает твою девушку со мной. — Говорю почти шепотом, а дальше моя рука меня не слушает.

Бью его один раз прицельно в челюсть. Парень отлетает к стене и, ударившись о нее, падает на пол. На звук в прихожую вылетает Лиза, одетая в мятую футболку наизнанку и шорты. Бросает быстрый взгляд на своего недопарня, решившего, что он может со мной разобратся, а потом подлетает ко мне.

— Ты кем себя, черт возьми, возомнил!? — орет и толкает меня ладонями в грудь, но я не двигаюсь с места. — Кто дал тебе право ломиться ко мне домой!? Пошел вон!!!

Она продолжает колотить меня в грудь, а я продолжаю просто стоять. Боковым зрением замечая, что ее парень лежит, не двигаясь. Видимо, я его вырубил. Но скоро он очухается.

Ярость, скопившаяся в кулаках, так и осталась невыплеснутой, несмотря на то, что я заехал этому придурку по морде. Мне сейчас нужно намного больше, чем просто один раз кого-то ударить.

Лиза уже бьется в совсем неадекватной истерике и проклиняет меня на чем свет стоит, поэтому я грубо хватаю ее за плечи и встряхиваю. Она замолкает на полуслове и смотрит ровно в мое лицо. В ее глазах нет слез, но она вся красная и разъяренная.

— Я ненавижу тебя, — цедит мне сквозь сжатые зубы.

— Я тебя тоже, — честно отвечаю и сдавливаю ее плечи еще сильнее.

Откуда-то появляется сумасшедшее желание сделать Лизе больно. Физически, морально — не важно, как. Я хочу причинить ей боль, чтобы она почувствовала ровно то, что ощущаю сейчас я.

Как дурак. Я весь вчерашний вечер выбирал ей новый телефон, как дурак. К нему шла записка с извинениями. Впервые за 24 года своей жизни я решил сам добровольно извиниться перед Лизой. В детстве, когда я ее обижал, просить прощения меня заставляли родители, и я

делал это «на отвали». Но вчера я решил сам искренне извиниться за то, что разбил ее смартфон.

Вот только вместо того, чтобы получить заказ, она кувыркалась с каким-то придурком, который даже за себя постоять не может. И так сильно была им увлечена, что даже не потрудилась взять разрывающуюся от звонков трубку.

Сжимаю ее плечи с еще большей силой, но она только выше задирает подбородок. Бросает мне вызов. Хочет показать, что не боится меня. Я давлю уже так сильно, что, наверное, могу сломать ей руки.

— Мне не больно, — хрипло говорит и улыбается.

Я резко отпускаю ее и отступаю на шаг. На ее предплечьях моментально проявляются красные следы от моих ладоней. Наверняка потом будут синяки. Пускай. Я хочу, чтобы они были. Но мне нужно срочно убираться отсюда, пока я не покалечил их обоих.

— Твой новый телефон, — указываю ей головой на коробку с гаджетом и выхожу из квартиры, громко хлопнув дверью.

Меня трясет. У мотоцикла я выкуриваю несколько сигарет подряд, но они не помогают. Еду в клуб и напрямую направляюсь к свободному рингу. Мне срочно нужно выпустить пар, иначе я убью кого-нибудь.

Сходу набрасываюсь на грушу, обрушивая на нее удар за ударом как руками, так и ногами. Чем больше я ее бью, тем сильнее завожусь. В какой-то момент мне начинает не хватать воздуха, и я сгибаюсь пополам. Я не надел перчатки, поэтому костяшки на руках сбиты до крови.

— Да ты сегодня в ударе! — на ринг забирается Сеня.

— Не подходи ко мне, иначе я накинусь на тебя, — предупреждаю со сбитым дыханием. Когда я в ярости, людям действительно лучше держаться от меня подальше.

Сеня смеется.

— Окей-окей, — останавливается в нескольких метрах от меня. — Ты просил перенести бой, назначенный на пятницу. Я договорился с выступающими, хотя было не просто.

Ах да, еще же пятница. Лиза идет в ночной клуб Ильи.

Снова перед глазами встает Бестия в нижнем белье. Трусы и лифчик — это все равно, что купальник. Когда я последний раз видел Лизу в купальнике? Не помню. Она уже давно не ездит с нашей семьей на море.

— Попей водички, — Сеня бросает мне бутылку. Ловлю ее в воздухе, открываю и жадно припадаю к горлышку.

Жидкость помогает немного успокоиться. Я выпрямляюсь и уже дышу спокойно.

— Еще несколько ребят изъявили желание покататься в Раменском.

— Организуй.

Арсений кивает.

— Уже. Но, кажется, там меняются менты. Нужно будет договариваться с новыми.

Час от часу не легче. Я только и успеваю, что договариваться с полицейскими. Почему-то они постоянно меняются. И чем дальше, тем менее они договороспособны. Вроде им стали прижимать хвосты и брать деньги с таких, как я, стало сложнее.

— Узнай, кто теперь будет, я попробую на них выйти.

— Окей. — Сеня уходит, и я тоже слезаю с ринга и направляюсь в свой кабинет. Там я достаю из шкафа чистые вещи и иду в душ, который у меня же в кабинете и находится.

Я хорошо выпустил пар, а прохладная вода окончательно собрала мои мозги в кучу, но вот в груди все равно неприятно щемит. У Лизы есть какой-то фантастический талант выводить меня из себя и действовать мне на нервы. Ни один человек в мире больше так не может. Бестия — мой персональный раздражитель.

Черт, у меня теперь эта картина Лизы в белье рядом с ее недопарнем еще долго будет стоять перед глазами.

Да чтобы я еще когда-то что-то для нее сделал!

Чтобы я еще хоть раз что-то ей купил!

Чтобы я еще хоть раз перед ней за что-то извинился!

Намеренно буду отравлять ее жизнь, а она будет умолять меня о пощаде. Вот только я не пощажу.

Стерва, сука и дрянь — вот кто она. Всегда такой была и всегда такой будет.

Выключаю воду, вытираюсь полотенцем, одеваюсь в новую одежду и еду домой. Сегодня вечером мама возвращается из больницы, а завтра Ира с Лешей прилетают из Лондона.

Как только я переступаю порог квартиры, тут же слышу голос отца:

— Миша, это ты? — кричит откуда-то со стороны кухни.

— Да. — Громко отвечаю и снимаю кроссовки.

Ну а кто еще это может быть, если мама в больнице, а Ира с Лешей в Лондоне? Хотя, может, он ждет свою дочурку.

Мою в ванной руки и иду на кухню. Отец в фартуке режет мясо. Я на секунду зависаю, глядя на эту картину. В нашей семье папа у плиты — это такая же редкость, как солнечное затмение.

— Что ты делаешь? — ошарашенно спрашиваю.

— Готовлю ужин к маминому возвращению. Хочу запечь мясо по-французски и картофель с розмарином в духовке. Присоединишься? — и он указывает мне головой на неочищенный картофель в прозрачном пакете возле раковины.

Я не могу сдержать смеха.

— Что смешного? — хмурится.

— Пап, ты у плиты? Серьезно?

— Ой, вот не надо! — отмахивается от меня. — Я часто готовлю.

— Ага, так же часто, как я пишу курсовые.

Папа смеется и возвращается к мясу. Я подхожу к крючкам на стене, снимаю фартук и надеваю на себя. Беру нож и принимаюсь чистить картошку. Сейчас между мной и отцом уже нет напряжения. Он верит, что я на самом деле не курил ту траву, которую домработница нашла в моей комнате, и меня это радует.

Меньше всего на свете мне теперь хочется доставлять родителям проблемы. Я достаточно головной боли принес им в детстве, пора уже почти в 25 лет стать примерным сыном. Они ведь не молодеют. Не хочу, чтобы их здоровье ухудшалось из-за моих выходов.

Когда я попал в аварию, они не вылезали из моей больницы. Врачи не давали стопроцентной гарантии, что я снова буду ходить, и надо было видеть лица родителей. Мама была бледная, как смерть, и чуть ли не падала в обморок. Отец старался держаться, но я видел, как тяжело ему это дается. Он рвал и метал, пытаясь найти виноватых. Мой ответ, что виноват я сам, его не устраивал. В итоге папа все-таки добился увольнения каких-то ментов и подмосковных чиновников, крышевавших Змея, что почти поставило крест на гоночном бизнесе Никиты.

Мы с отцом вместе готовим ужин, разговаривая о разном. Он интересуется моими успехами в клубе, я спрашиваю про его важное дело, которое он ведет лично. Два олигарха, занимавшиеся раньше совместным бизнесом, теперь не могут его поделить. Счет идет на миллиарды рублей. Отец представляет в суде интересы одного из предпринимателей.

Нам с папой всегда было легко и комфортно друг с другом. В четыре года он отвел меня на каратэ и не пропустил ни одного моего выступления на соревнованиях, а все мои медали и кубки ставил на специальную полку в своем кабинете. В четырнадцать лет он учил меня водить машину. В восемнадцать он подарил мне ту самую «Хонду», на которой я езжу зимой сейчас. Сам я себе покупал только гоночные тачки, но мое самое первое авто — подарок родителей

на совершеннолетие. Я тогда обзавелся сразу двумя железными конями, потому что Илья на совершеннолетие вручил мне мотоцикл.

Мы оставляем мясо и картофель в духовке в режиме подогрева и едем в больницу за мамой. Вечер с родителями совершенно точно скрасит этот гадкий день, который мне испоганила Бестия.

— А может, съездим куда-нибудь всей семьей на несколько дней перед началом учебного года? — папа поворачивает ко мне голову, пока мы стоим на светофоре. — А то Ира с Лешей все лето в Лондоне были, мы всей семьей никуда не ездили.

А под «всей семьей» он подразумевает и Лизу тоже, интересно?

— Я, ты, мама, Ира и Леша? — решаю аккуратно уточнить. — Или кто-то еще?

— Мы впятером.

Удивительно, чего это он не тянет свою дочурку с нами. Впрочем, Лиза уже очень давно не ездит никуда с нашей семьей. Тем лучше для меня. Не имею ни малейшего желания ее видеть.

— Я с удовольствием. Главное, чтобы мама смогла выкроить несколько дней.

— Сможет, — резко говорит отец. — А не сможет — мы ее заставим. Хватит ей уже работать по 14 часов в день без выходных и отпуска.

Я согласно киваю. В последнее время нам все реже и реже удастся проводить время всей семьей. Папа с мамой много работают, Ира с Лешей постоянно у репетиторов и на различных секциях, у меня клуб.

Именно поэтому я и продолжаю в 24 года жить с родителями, хотя у меня есть возможность снять или даже купить себе квартиру. Просто я очень люблю свою семью и ценю каждую минуту, проведенную с ней.

Глава 15. Семья

Вечером следующего дня в Москву возвращаются Ира с Лешей. По этому случаю я пораньше ухожу из клуба и еду домой. Когда захожу в квартиру, родителей уже нет: они уехали в аэропорт их встречать. А я уже в предвкушении. Чего греха таить, я жуть как соскучился по своим мелким.

Два месяца назад Ира с Лешей уехали в языковой лагерь в Лондоне. В свое время я тоже наездился в эти лагеря для школьников. Поездки на летних каникулах в Великобританию, — наверное, мои самые яркие воспоминания из подросткового периода. Во-первых, за пару месяцев без родительских глаз можно было склеить кучу девчонок и познать с ними все прелести «взрослой» жизни. А учить английский в постели с немками, испанками и итальянками оказалось намного эффективнее, чем за партой в школе.

Во-вторых, там надзор за детьми со стороны учителей и вожатых хоть и есть, но все же не очень строгий. В конечном счете, каждый предоставлен сам себе. А это значит, что можно забивать на дневные занятия английского и просто кататься на поезде по стране в компании новых друзей.

Через полтора часа входная дверь открывается, и в квартиру тут же врываются возбужденные голоса мелких. У меня от этих знакомых и таких родных интонаций аж сердце подпрыгивает. Я тороплюсь в прихожую их встречать.

— Миша!!! — визжит сестра и набрасывается на меня. Я крепко-крепко ее обнимаю и кружу в воздухе.

Когда я ставлю Иру на землю, со спины на меня запрыгивает брат.

— Да ты потяжелел в два раза! — смеюсь я и скидываю с себя Лешку. Поворачиваюсь к нему и крепко обнимаю.

— Ты был прав насчет девчонок в этом лагере, — тихо говорит мне на ухо и смеется.

Я отхожу от брата на шаг и удивленно на него смотрю. Замечаю, что Леша за эти пару месяцев сильно вытянулся и раздался в плечах. Сейчас он почти одного роста со мной.

Я приподнимаю вверх правую бровь, на что брат мне просто подмигивает.

— Мишка, я так соскучилась, — Ирочка снова меня обнимает, чем отвлекает от немого диалога с Лешей.

Пока родители затаскивают в квартиру их чемоданы, я еще раз обнимаю Лешу с Ирой. Как же я люблю своих мелких!

— Без вас было тухло, — мычу им в макушки. — Завтра же сходим куда-нибудь втроем.

Ира младше меня на семь лет, Леша — на десять. Я помню маму, когда она была беременна ими, помню, как они родились, и мы с папой забирали их с мамой из роддома. Помню их крики по ночам, которые не давали спать, помню их памперсы-пеленки-распашонки. Помню, как держал их младенцами в руках и кормил из бутылочки. Помню, как Ира однажды выплюнула соску, и она прилетела мне прямо в глаз. Помню, как Лешка года в три начал тянуть в рот все подряд и съел фиалку, которую бабушка выращивала в горшке... В общем, я долго могу вспоминать их в детстве.

— Соскучились? — папа с широкой улыбкой подходит к нашим обнимашкам и взлохмачивает волосы Ире и Леше.

— Да.

— Сильно.

Брат с сестрой отпускают меня и обнимают отца. Он, смеясь, пытается оторвать их обоих от земли, но не тут-то было.

— Какие вы оба тяжелые стали! — удивляется папа.

— Кроме бургеров и картошки фри, наверное, ничего там не ели? — мама приближается к нам и целует Лешу с Ирой. — Давайте мойте руки и за стол.

По случаю возвращения брата и сестры родители заказали еду из ресторана. Пока родители ее разогревают, мы с Ирой и Лешей заваливаемся на диван в гостиной.

— Ну что, мелочь, рассказывайте, как отдохнули без родительского надзора? — Я обнимаю их обоих и притягиваю к себе.

— Миш, прикинь, эта неудачница, — Леша кивает головой на Иру. — Даже не замутила ни с кем за два месяца!

— Ой, зато ты такого намутил! — тут же вспыхивает сестра.

— Ну-ну, не ругайтесь.

— Миша, — Ира обращается ко мне. — Ты представляешь, Леша начал встречаться с двумя девушками одновременно! А когда они обе узнали друг о друге, то подрались! Из-за Лешки подрались, прикинь!?

Я в удивлении поворачиваю голову к брату и смотрю на него, не мигая. Вот это новости! Кажется, мелкий в любовных похождениях скоро переплюнет меня. По крайней мере, ради меня девушки еще не дрались.

— Ой, да это две дуры были. — Брезгливо морщится. — Одна из Испании, вторая из Австрии. Они мне обе не очень нравились.

— А Сесиль? — Сестра как-то хитренько улыбается.

Брат тут же становится серьезнее.

— Что еще за Сесиль? — толкаю его в бок.

— Сесиль мне понравилась, да, — мечтательно отвечает. — Но она приехала на вторую половину августа, так что мы с ней только неделю помутили.

— Откуда она?

— Из Франции.

— Нашего Лешу тянет на француженок, — ехидно замечает Ира.

Брат тут же вспыхивает. Конечно, мы все трое понимаем, кого на самом деле сейчас имела в виду Ира. Я решаю подыграть сестре.

— Леша, зачем тебе какая-то Сесиль, когда у тебя прямо под носом есть француженка? — подкалываю его.

— Ты о ком? — делает вид, будто не понимает.

— Ну как это о ком. О Наташке Кузнецовой. Она же Натали Готье, — второе имя я произношу на французский лад.

Мы с Ирой внимательно наблюдаем за реакцией Лешки. Брат делает, как можно более безразличное лицо. Пожимает плечами.

— Она просто моя одноклассница, — изрекает.

Ира громко смеется.

— Ну-ну, — скептически хмыкаю.

— И вообще, она француженка только наполовину! — злится. — Ну и она из тех девушек, которым нужны цветы, свидания, плюшевые медведи и вот это все, а я к таким подвигам не готов. Зачем мне это? Вокруг полно девушек, которые хотят со мной быть и без этого.

— Я недавно видел Наташу в Золотом ручье с каким-то парнем. Было похоже, что у них свидание. — Вру. Не видел я ее, но говорю это брату специально, чтобы посмотреть, как он отреагирует.

Лешины и без того большие голубые глаза от изумления становятся еще больше.

— Наташа? На свидании? Быть такого не может!

— Почему это?

— Потому что каждый парень, который хочет куда-то пригласить Наташу, сначала должен пройти фейс-контроль у ее отца. И я сильно сомневаюсь, что кому-то под силу его пройти.

— Тебе под силу, — сейчас я говорю Леше чистую правду.

Брат отрицательно мотает головой.

— Нет.

— Да брось, дядя Егор очень хорошо к тебе относится.

— Ага, но ровно до тех пор, пока я не начал подбивать клинья к его единственной дочурке. Не удивлюсь, если у него и ружье есть, чтобы отгонять от Наташи назойливых поклонников. Короче, с Кузнецовой связываться — себе дороже. — Машет рукой. — Другое дело — Сесиль. Не ломалась, не выделялась, уже на втором свидании...

— Леша, избавь нас от подробностей! — возмущается Ира.

В этот момент родители начинают заносить в гостиную тарелки с едой, и мы трое замолкаем, а потом и вовсе перемещаемся за стол.

Наташа Кузнецова, о которой мы говорили, это дочка папиного друга, дяди Егора. Мать у нее француженка, а потому девушка очень хорошо говорит на этом языке. Да и в целом, наверное, французского в ней больше, чем русского, хоть она родилась и выросла в Москве.

Наташа учится с Лешей в одном классе, а значит, ей тоже 14 лет. Но выглядит она постарше. Вообще, у этой девчонки модельная внешность: ноги от ушей, отличная фигура, светлые волосы по пояс... Фотомодель, не иначе. Не удивительно, что Лешка тайно на нее облизывается. Впрочем, там, по-моему, половина их школы на нее облизывается. Но брат прав: путь к сердцу Наташи лежит через фейс-контроль у ее отца.

За ужином весь разговор крутится о поездке мелких в Великобританию и их впечатлениях.

— Мам, а может, я лучше в Лондон поеду учиться, а не в Гарвард? — спрашивает у родительницы брат. — Мне там очень понравилось.

Мама ему слегка улыбается.

— Нет, сынок, ты поедешь в Гарвард, — отвечает очень мягко, но сразу становится понятно, что спорить бесполезно.

Однако Леша все-таки предпринимает попытку.

— Но Лондон ближе, чем Америка! Я смогу чаще приезжать домой.

— Мы будем навещать тебя в Бостоне.

— Мне не понравилось в Америке, — корчит лицо.

— Ты туда едешь не навсегда.

Брат закатывает глаза.

— Ну окей, Гарвард так Гарвард. — Пожимает плечами. — Мне в общем-то не принципиально, просто Лондон ближе, чем Бостон, вот и все. Я бы смог чаще приезжать домой, а так мне без разницы, где учиться. Хоть в России.

— Нет! — мама категорично заявляет. — В России ты точно учиться не будешь. Тут нет ни одной нормальной бизнес-школы.

— А я в России буду, — встревает Ира.

— Ты уже определилась, куда хочешь поступать? — спрашивает папа. — Может, все-таки на юридический? — в его голосе звучит надежда.

— Ну нееет, — смеется сестра. — Ты меня не затащишь в свою фирму. У меня нет желания спасать преступников от тюрьмы. Адвокаты ведь защищают и насильников, и убийц... Нет! — категорично заявляет Ира. — Я подумала, что хочу стать первой женщиной-президентом России, поэтому пойду учиться на факультет политологии.

Родители давятся едой, у меня из рук выпадает вилка, Леша начинает ржать. Ира обводит нас всех глазами.

— Вы что, не верите, что я могу стать президентом!? — обиженно восклицает.

— Верим, дочь, верим, — отвечает сиплым голосом отец, едва откашлявшись. — Хорошая профессия. Полезная.

— Вы проголосуете за меня?

— Обязательно!

— А я нет, — смеется Лешка. — Баба — президент страны? Ее же решения будут зависеть от ПМС!

— Заткнись, идиот! — Ира бьет его кулаком в плечо.

— Леша, это еще что такое! — тут же налетает на него мама. Но брат только сильнее смеется.

Я обвожу глазами стол. Смотрю на родителей, цепляюсь за то, как мама берет отца под руку, а он слегка поворачивает к ней голову и нежно улыбается. Перевожу взгляд на продолжающего смеяться над Ирой Лешу. Затем на сестру, которая на него злится и наверняка под столом пихает ногой.

Мелкие такие забавные, хоть уже и выросли. И когда они успели? Кажется, что только вчера мы с папой ездили забирать маму из роддома, а сегодня они оба уже здоровые лбы. Ира идет в 11 класс, Леша в 8. И они так похожи между собой. У обоих красивые голубые глаза от мамы. Только у Леши волосы совсем черные, как у отца, а у Иры они светлее, цвета молочного шоколада, как у матери. А в остальном они почти, как близнецы, хоть у них разница три года.

В такие моменты я понимаю, как же сильно я их всех люблю. У меня совершенно точно самая лучшая семья на свете.

Глава 16. Клуб

Родителям удастся взять на работе отгулы на ближайшие понедельник и вторник, поэтому в субботу рано утром мы собираемся всей семьей загород. С возвращением мелких дома становится значительно веселее, поэтому по будням я стараюсь не задерживаться на работе и уже часов в шесть вечера ухожу.

Мне не дает покоя приближающаяся пятница. Я помню, что Лиза собралась в клуб Ильи, я ради этого даже перенес пятничный бой, но чем ближе этот день, тем сильнее я понимаю, что не испытываю ни малейшего желания видеть Бестию. Вот для чего мне туда ехать? Контролировать, сколько она выпьет? Мне-то что?

В пятницу я окончательно решаю забить на ночной клуб. Мы с семьей выезжаем рано утром в субботу, так что лучше я нормально посплю. Целый день я занимаюсь делами, проверяю документацию, договариваюсь о новом бое, а в шесть часов уезжаю, чтобы сходить с мелкими в кино. Мы смотрим довольно неплохой триллер, потом сидим в бургерной, болтаем обо всем на свете и много смеемся. Дома мы проводим время с родителями, готовимся к поездке, собираем последние вещи и часов в 12 ночи расходимся по своим спальням, чтобы готовиться ко сну.

И вот вроде бы все буднично и спокойно, а я все равно интуитивно дергаюсь, то и дело смотря на часы. Ровно полночь: в ночном клубе начинается все самое интересное. Наплевать. Выключаю свет, ложусь в кровать и закрываю глаза. Потом открываю и смотрю в потолок, но вижу лишь темноту комнаты.

Не выдерживаю и тянусь за заряжающимся на тумбочке телефоном. Открываю Лизин Инстаграм: новых фотографий нет. Секунду сомневаюсь и все-таки жму на ее аватарку, чтобы посмотреть сторис. Тоже ничего нет.

Нахожу у нее Ярослава. Илья сказал, что Лиза планирует прийти с друзьями, а раз так, значит, этот горе-бейсболист тоже обязательно будет. Жму иконку с его фото, чтобы увидеть сторис. И по фиг, что он узнает, что я смотрел.

А у Ярослава уже есть несколько видео из клуба Ильи. Лиза на них не присутствует, но я уверен, что она все-таки с ним. Иначе быть не может. Эти двое, как не разлей вода. Он снимает танцующую толпу, на которой никого не рассмотреть, за кадром звучат женские голоса, но Лизиного среди них нет.

Закрываю Инстаграм, возвращаю телефон на место и опускаю веки, пытаюсь уснуть. Но почему-то не засыпаю. Ворочаюсь с одного бока на другой, считаю овец, открываю и закрываю окно, потому что мне то душно, то холодно... В итоге через час я отбрасываю одеяло в сторону и, сцепив от злости челюсть, сажусь на кровати.

В груди неприятно ноет. Я никогда не понимал значения выражения «Душа болит», но сейчас осознаю: оно идеально подходит под то, что я в данный момент чувствую. И чем сильнее становится это ноющее ощущение в груди, тем больше я себя ненавижу. За то, что не могу уснуть, за то, что почему-то думаю о Лизе, за то, что меня беспокоит, что она поперлась куда-то там ночью...

Какое мне вообще до всего этого дело?

Но здравый смысл куда-то исчез, и вот я уже встаю, включаю в комнате свет и одеваюсь. Бесшумно ухожу из квартиры, снимаю с сигнализации машину и еду в клуб Ильи. По дороге я мысленно крою себя последними словами за то, что сейчас делаю. Несколько раз порываюсь развернуть автомобиль и вернуться домой, но почему-то все-таки не делаю этого. И вот я уже паркуюсь у ночного клуба и захожу внутрь.

Ночью я тут еще не был. В уши моментально бьет оглушающая музыка, а глаза слепят лучи софитов. Я поднимаюсь на второй этаж по металлической винтовой лестнице, на которой

пьяным девушкам на шпильках не составит труда сломать ноги, и оказываюсь в эпицентре пьяной вакханалии.

Толпа совсем не трезвых людей прыгает и дергается из стороны в сторону, столики по бокам от танцпола оккупированы парочками, которым явно не терпится овладеть друг другом прямо здесь и сейчас. Я пробиваюсь сквозь пьяное сборище к бару и забираюсь на высокий стул. Ищу глазами ложе номер один.

Первый, кого я вижу, — Ярослав. Он расположился на мягком диване, а на коленях у него восседает блондинка, которую он, не стесняясь, лапает за самые интересные места. Эта картина непрочно вызывает у меня усмешку.

Для меня всегда была удивительна их с Лизой дружба. Может, потому что я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной. Все мои так называемые подруги рано или поздно оказывались у меня в постели, а они с Лизой как-то умудряются держаться. Впрочем, кто знает, может, у них секс по дружбе. Нормальное явление, в принципе.

Я отрываюсь от Ярослава и скольжу по людям в их ложе дальше, пока не нахожу Лизу. Она сидит в коротком черном платье на диване, смотрит перед собой в одну точку и медленно потягивает коктейль из трубочки. Она ни с кем не разговаривает, не шевелится в такт музыке, а просто сидит с траурным лицом и смотрит перед собой.

Внимательно пройдясь глазами по каждому человеку в их ложе, я убеждаюсь, что Лизингого недопарня нет. Видимо, я нанес ему травму, несовместимую с походом в ночной клуб. Снова возвращаюсь к Лизе.

Она, очевидно, не в настроении веселиться. Зачем тогда пришла? Вот к ней подсаживается какой-то парень, говорит что-то на ухо, она ему коротко отвечает и отворачивается. Он закидывает свою огромную ручищу на спинку диванчика, как бы обнимая Лизу. Кажется, она этого даже не замечает. Парень предпринимает еще попытки с ней пообщаться, но в итоге понимает, что это бесполезно и уходит.

Проходит десять минут, а ситуация не меняется. Лиза все так же уставилась в одну точку и медленно потягивает коктейль. Наконец-то ставит стакан на столик и тянет руку за новым.

Что я тут делаю? Пришел смотреть, как пьет Лиза?

Я уже почти убедил себя, что надо уходить, как вдруг Лиза поднимается с места и направляется к выходу из ложи. Пошатываясь, проходит мимо целующегося с блондинкой Ярослава, даже не удостоивая их взглядом, спускается по небольшим ступенькам и направляется на танцпол. У бара, где я сижу, довольно темно, поэтому меня она не видит.

Лиза пробирается через толпу людей, останавливается в центре и начинает танцевать. Просто двигается в такт быстрой дискотечной музыке, периодически поднимает руки, машет из стороны в сторону светлыми волосами. В целом, ничего особенного. Насколько я знаю, Лиза никогда не занималась танцами профессионально.

Вот к ней сзади пристраивается какой-то парень, кладет руки ей на талию, и она не возражает. Хмыкаю. Для нее это норма — состоять в отношениях с одним парнем и позволять себя лапать другому? Или она с тем уже рассталась? Лиза поворачивается к этому типу лицом и кладет руки ему на плечи, он придвигает ее ближе к себе.

Часы на телефоне показывают половину третьего ночи, и я уже изрядно хочу спать. Бросаю последний взгляд на обжимающуюся непонятно с кем Лизу, спрыгиваю со стула и направляюсь на выход. Какое мне вообще до Бестии дело? Пускай делает, что хочет: встречается с одним и у него за спиной обжимается с другим, прыгает из постели одного парня в постель к другому... Мне на это наплевать.

У винтовой лестницы на первый этаж я все-таки останавливаюсь и оборачиваюсь. Лиза уже с ним целуется. На всякий случай я несколько раз моргаю, мало ли, вдруг привиделось. Но нет, не привиделось.

И в этот самый момент я чувствую к ней просто невероятное отвращение. У нее вообще нет ни малейшего понятия о морали? Для нее нормально сначала кувыркаться с одним парнем, а уже через несколько дней целоваться с другим? Интересно, она поэтому в 18 лет стала жить одна? Чтобы водить в свою квартиру парней? И сколько их у нее уже было?

Шлюха.

Разворачиваюсь и бегу вниз по лестнице, но вдруг резко замираю от нехоты пришедшей мысли. А что если этот пьяный тип, с которым она сейчас обжимается, что-нибудь с ней сделает? Она ведь наверняка потащит его к себе домой. А вдруг он маньяк? Не то чтобы я переживаю за жизнь Лизы, но просто если с ней что-то произойдет, то мы никуда завтра не уедем, потому что отец будет с ней носиться, как с торбой. И все, плакала наша поездка.

Ну уж нет.

Лечу обратно вверх. Кажется, пьяная толпа стала еще неадекватнее. Пробираюсь сквозь нее, расталкивая всех локтями. Лиза продолжает двигаться в объятиях нетрезвого типа. Подхожу к ней вплотную и хватаю за предплечье.

Лиза вздрагивает и резко оборачивается.

— Тебе пора домой, — говорю ей громко на ухо, стараясь перекрыть оглушающую музыку.

Пьяный тип замечает меня и пытается скинуть мою руку с Лизиной, но я жестом даю ему понять, чтобы не вмешивался. Я легко могу заехать в челюсть и ему. В клубе Ильи мне ничего за это не будет.

Лиза продолжает смотреть на меня поплывшими глазами, и я понимаю, что она очень пьяна. При мне она выпила два коктейля. А сколько было выпито до них? Судя по тому, что Лиза как будто ватная — очень много.

Я решаю с ней не церемониться, поэтому просто тяну на выход, но Бестия начинает сопротивляться. Так себе у нее это получается, учитывая, что она не очень устойчиво стоит на ногах. У лестницы вниз она начинает вырываться с новой силой, поэтому я просто закидываю ее к себе на плечо.

Я ожидаю, что Лиза начнет колотить меня кулаками по спине, но неожиданно она замирает. Сквозь джинсы я чувствую, как ее распущенные волосы бьются о мою ногу. И... это необычно — нести так Лизу.

На улице я аккуратно опускаю ее на землю и встречаюсь с ее хоть и пьяным, но разъяренным взглядом.

— Какого черта ты тут делаешь? — возмущенно спрашивает.

— Мимо проходил. Тебе пора на покой. — И я снова беру ее выше локтя, чтобы потащить к машине. Сама ведь не пойдет.

Она ожидаемо вырывает руку и отходит от меня на шаг назад.

— Я сама разберусь, куда мне пора, а куда нет.

— Боюсь, что без меня ты все-таки не разберешься. — Устало отвечаю. Я правда очень хочу спать и у меня нет сил на перепалки с ней. — Я отвезу тебя домой.

Она фыркает.

— Решил поработать моим извозчиком?

Невольно смеюсь ее словам.

— Лиз, мне некогда выяснять с тобой отношения. Ты отправляешься домой, и это не обсуждается.

Я беру ее за предплечье, намереваясь вести к автомобилю, но Лиза снова вырывается. Тогда я хватаю ее обеими руками, и тут она словно срывается с цепи, ей-богу, никогда бы не подумал, что у пьяного человека может быть столько силы.

— Отпусти меня, — брыкается, как психбольная, но я очень крепко ее держу, блокируя любые движения. — Ненавижу тебя!!! — орет. — Как же я тебя ненавижу!!!

Ее истерика набирает обороты, поэтому я просто отрываю ее от земли и несу к машине. Лиза дергается, что есть силы, а я неожиданно понимаю, что прижимаю ее к себе очень плотно. Если бы она не вырывалась, можно было бы подумать, что обнимаю.

Ускоряю шаг, чтобы быстрее ее донести и наконец-то опустить. Мое желание поскорее оторвать ее от своего тела настолько сильное, что я практически бросаю ее на землю, когда дохожу до автомобиля. Пьяной Лизе едва удастся устоять на шпильках.

— Что ты себе позволяешь!? — снова на меня набрасывается. — Ты мне вообще никто!

Произнеся эти слова, Лиза тут же осекается. Смотрит на меня вытаращенными глазами, и я замечаю, как она быстро сплывает. Лиза как будто вмиг протрезвела.

— Ты мне тоже никто, а теперь быстро села в машину, — я уже начинаю злиться. Черт возьми, я хочу спать! А вместо этого я должен бодаться с Бестией.

Снимаю авто с сигнализации, и на удивление Лиза послушно открывает дверь и залезает в салон. Да неужели! Я уже думал, что буду запихивать ее туда силой.

Обхожу машину, сажусь на водительское сиденье и тут же быстро газую. Надеюсь побыстрее отвезти Бестию и вернуться домой, но Москва не была бы Москвой, если бы тут нельзя было попасть в пробку даже в три часа ночи. Где-то впереди перекалывают асфальт и перекладывали полдороги.

Лиза отвернулась к окну, крепко вцепившись пальцами в маленькую сумочку. Ну просто поразительно, что она молчит и не пытается разгромить мою машину.

Вдруг перед глазами встает картина ее целующейся с первым встречным. Снова поворачиваю к Бестии голову и смотрю на ее неприлично короткое платье, едва прикрывающее трусы. Должно быть, когда я нес Лизу из клуба, закинув на плечо, ее задницу рассмотрели все, кому не лень.

— Ты решила жить одна, чтобы беспрепятственно водить к себе парней? — спрашиваю с сарказмом.

— Что? — она поворачивается ко мне и смотрит ошарашенным взглядом.

— Я спрашиваю, ты съехала от своей семьи, чтобы никто не мешал таскать к себе парней?

Лиза быстро трет глаза, размазывая вокруг них тушь, и в недоумении на меня смотрит.

— Да брось уже прикидываться приличной девочкой, — хмыкаю. — Сначала легла под Змея, не успев с ним толком познакомиться. Теперь встречаясь с одним парнем, целуешься у него за спиной с другим. Я видел.

— Дима бросил меня из-за тебя. Ты сломал ему челюсть.

Я смеюсь.

— Еще лучше! Не успела встать из койки одного парня, как тут же спешешь запрыгнуть в койку к другому! Причем, к первому встречному. Ты даже имени его не спросила, сразу позволила себя лапать.

Лиза удивленно хлопает ресницами. Ну просто сама невинность.

— Тебя это не касается, — сухо бросает и отворачивается.

— А отцу известно, что ты устроила в своей квартире хоровод из парней? — я не могу унять и продолжаю плевать ядом. — Знаешь, я был о тебе лучшего мнения.

— Неправда. Ты никогда не был обо мне хорошего мнения.

Я не успеваю ответить, потому что у Лизы звонит телефон. Причем, звонит мелодией ее старого гаджета. Она открывает сумочку и действительно достает разбитый смартфон.

— Алло.

В оглушающей тишине салона я слышу обеспокоенный голос Ярослава.

— Лиза, а ты где?

— Я еду домой, устала.

— Все в порядке?

— Да, не переживай.

— Ну ладно, напиши, как доедешь.

— Хорошо. — Она отключает звонок и убирает телефон обратно.

Я не могу удержаться от еще одного едкого замечания.

— У тебя вообще-то есть новый телефон.

— Ты мог бы заметить, что я не пользуюсь техникой компании Apple.

— Я заметил и именно поэтому купил тебе айфон. Неужели отец обделяет тебя в деньгах, что ты не можешь купить себе нормальный телефон? — язвлю.

— Не обделяет.

— Тогда что за принцип?

Она пожимает плечами.

— Нет никакого принципа. Просто мне не нравится эта техника.

Она поразительна. Но я все еще на взводе, все еще злюсь на нее непонятно за что. За то, что поперся в этот клуб, хотя давно мог бы спать? За то, что она скачет по парням из койки в койку? За то, что вырядилась, как шлюха в это неприлично короткое платье?

Я не знаю. Но меня просто трясет от злости. И этой злости требуется выход.

— Ты как была несчастной сироткой, так ею и осталась, — делаю ей контрольный выстрел в голову. — Ты никогда не вписывалась в нашу семью и всегда была в ней лишней.

Я произношу это и замираю. Лиза очень медленно поворачивается ко мне корпусом. Движение на дороге наконец-то началось, поэтому я смотрю прямо перед собой, но кожей чувствую боль в ее взгляде. Она должна принести мне облегчение, вот только почему-то этого не происходит. Каждая бесконечно долгая секунда звенящей тишины салона рвет мою душу в клочья.

А потом Лиза едва слышно говорит:

— Прости.

Это одно тихо сказанное слово настолько удивительно, что я поворачиваю к ней голову.

— За что?

— За то, что всегда мешала вашей семье. И за то, что тебе всегда мешала.

От ее слов внутри все обмирает. Воздух резко стал свинцовым, и я не могу нормально вздохнуть. Сжимаю руль до побелевших костяшек и хочу сдохнуть от боли в ее взгляде, которую продолжаю чувствовать кожей.

Остаток пути до Лизиного дома мы доезжаем в молчании. Я увереннее нажимаю педаль газа, чтобы побыстрее приехать. Тяжелая атмосфера в салоне давит, ломая кости. Этими ужасными словами я хотел убить ее, а убил себя.

Когда я наконец-то останавливаюсь в ее дворе, из груди вырывается облегченный выдох. Лиза тут же тянется открыть дверь, но я удерживаю ее за руку.

— Подожди.

Она поворачивает ко мне голову, наши взгляды встречаются, и я вижу в ее больших серых глазах столько грусти, что у меня внутри все разрывается.

— Извини, — говорю глухо.

Она просто смотрит на меня и молчит.

— Лиз... — произношу ее имя и тут же замолкаю, потому что не нахожу больше слов.

— Все в порядке, — говорит тихо. — Хорошей вам поездки завтра. — Она слегка приподнимает уголки губ и аккуратно освобождает свою руку из моей.

— Поехали с нами! — выпаливаю, когда она уже берется за дверную ручку.

Лиза бросает на меня беглый взгляд.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Пока, Миша. Езжай, пожалуйста, аккуратно, ночью на дорогах еще опаснее, чем днем.

Она быстро вылезает из машины и почти бежит в подъезд.

Глава 17. Не бедная родственница

— Я хочу машину на совершеннолетие! — восклицает Ира за завтраком.

Мы сидим всей семьей на веранде арендованного на четыре дня дома с видом на широкую реку. Утреннее солнце уже высоко, но лучи еще не такие ядовитые. Вокруг небольшой лес и тишина. То, что нужно для перезагрузки. Вот только у меня это не выходит.

— Сначала водить научись, — папа намазывает джем на тост.

— Миша, ты научишь меня водить? — сестра делает глаза, как у кота из «Шрека».

— У нас нет машины на механике, — лениво отвечаю.

После аварии на «Мустанге» я решил больше не покупать себе спортивное авто. А все остальные машины в нашей семье на коробке автомат.

— А зачем мне механика? — удивляется Ира. — Я автомат хочу.

— За тем, что на автомате любая мартышка ездить сможет. Если хочешь действительно научиться водить машину, то нужно делать это на механике.

— Миша прав, — говорит мама. — Учиться нужно на механике.

Сестра недовольно цокает языком и строит обиженное выражение лица.

— Иди в автошколу, в чем проблема? — вступает Леша. — Там научат.

— Мне некогда туда ходить! Я в выпускном классе!

— Ну по магазинам за шмотками у тебя же есть время ходить.

Ира с Лешей начинают традиционную перепалку, родители просят их не шуметь, а я встаю из-за стола и иду к реке. Сажусь на песок и просто смотрю на воду.

Второй день долгожданного отдыха, а радости он мне не приносит. На душе пустота и скребут кошки. Не хочется вообще ничего: ни разговаривать, ни тем более веселиться и смеяться. А Лешку, с которым я, как обычно в поездках, живу в одной комнате, постоянно тянет на шуточки и веселые истории. Мне едва удастся держать себя в руках и не сорваться на брата.

Хочется просто исчезнуть.

Папа, Ира и Леша идут купаться. Брат с разбега ныряет в воду с головой и всплывает секунд через 30 уже далеко от берега. Отец отвел мелкого на каратэ, когда ему было лет 5, но у него с этим видом боевого искусства не вышло. В 8 лет Леша сказал папе, что ему не нравится и попросил отдать его на плавание. Он занимается им до сих пор и плавает, как амфибия.

А вот Ира, наоборот, не умеет. В девять лет она упала с небольшого моста в озеро и чуть не утонула. Хорошо, что я был неподалеку и успел ее вытащить. После этого она очень долго боялась воды и вообще не купалась ни в каких водоемах. Несколько лет назад она стала заходить в воду. Сначала по колено, потом по пояс, сейчас может зайти по грудь, но все равно проводит в воде не больше десяти минут и плавать не умеет.

Но вчера она всем торжественно объявила, что хочет научиться. И вот папа ее учит, но, судя по тому, что она бегом вылезает на берег, у нее это не очень получается.

— Миша, с тобой все хорошо? — откуда ни возьмись, возле меня возникает мама.

Ее неожиданное появление заставляет меня вздрогнуть. Она садится на песок рядом со мной и смотрит с беспокойством.

— Все в порядке, — отвечаю бесцветно.

— Ты как будто сам не свой. Проблемы в клубе?

— Нет, в клубе все нормально.

— А в чем тогда дело?

Я смотрю на желтый песок у себя под ногами.

— Да ни в чем, мам.

Родительница медлит несколько секунд. Я нутром чувствую, как она хочет задать какой-то вопрос, но не решается.

— С девушкой поругался? — вдруг выпаливает.

Ее вопрос вгоняет меня в ступор. Я отрываю глаза от песка и смотрю на мать.

— С какой девушкой? — это единственное, что приходит мне на ум.

— Ну, не знаю... С какой-нибудь... — отвечает неуверенно. — У тебя же есть девушка?

— Из-за ссоры с которой можно было бы переживать, нет.

Мама с пониманием кивает.

— А я все жду, когда же ты уже приведешь в дом девушку...

Ээээ, что...?

— Мам, ты чего? — ошарашенно спрашиваю.

— А что? Тебе уже 24 года! Мог бы и познакомить нас с папой со своей девушкой!

— У меня нет девушки, с которой можно было бы вас познакомить.

Этот разговор меня поражает. Вообще, родителям никогда не было никакого дела до моей личной жизни. А тут вдруг оказывается, что мама жаждет познакомиться с некой «моей девушкой».

— Очень жаль, что у тебя нет такой девушки! Пора бы уже...

— Мам! — возмущенно повышаю голос, что заставляет Иру, одиноко сидящую в метрах двадцати, обернуться к нам. — Что за муха тебя укусила? — спрашиваю чуть тише.

Мне категорически не нравится этот разговор. Что за вмешательство в мою личную жизнь!?

— Я просто спросила, — родительница поднимает вверх ладони, сдавая свои позиции. — Я что, не могу спросить сына, встречается ли он с кем-нибудь?

— Я тебе ответил: не встречаюсь. Довольна?

— Твоим ответом? Нет, не довольна. Я бы хотела услышать другой ответ.

Я тяжело вздыхаю и, желая прекратить этот бессмысленный разговор, встаю с песка и иду к реке. У захода в воду снимаю с себя футболку, бросаю ее на землю и с разбега ныряю.

Вода с утра еще не успела прогреться и довольно прохладная, но это то, что мне сейчас нужно, чтобы остыть. Весь день я вчера раздражался по пустякам. Думал, это из-за того, что я не выспался, но сегодня я спал больше обычного, а вот раздражение никуда не ушло. Хочется перебить и переколотить все вокруг.

Как будто это поможет. Как будто это повернет время вспять.

Я до сих пор чувствую Лизин взгляд, полный боли. Он проник мне в самое сердце и разъедает его изнутри. Хочется вырвать из груди этот бессмысленный орган, качающий кровь, и вышвырнуть его подальше.

— Миш, поучи Иру немного водить машину, — говорит отец. Я и не заметил, как он ко мне подплыл.

— Мне некогда этим заниматься, — буркаю в ответ.

— Мне будет спокойнее, если она сначала с тобой позанимается, а потом пойдет в автошколу.

— У нас нет машин на механике.

— Ей она не нужна. Автомата Ире достаточно, — настаивает отец.

Я понимаю, что от меня теперь с этим не отстанут, поэтому нехотя соглашаюсь:

— Ладно.

Отец одобрительно кивает и уже собирается от меня отплыть, как я его останавливаю.

— Пап, а почему у Лизы нет машины? — этот вопрос как-то сам выскакивает.

— Она никогда не говорила, что хочет машину, — его явно удивляет, почему я это спрашиваю.

— А у нее есть права?

— Нет.

— А почему она не хочет?

Отец недоуменно на меня смотрит.

— Не знаю... Я не спрашивал, почему она не хочет. А что?

Действительно, а что?

Я не знаю, а что.

Тем временем отец продолжает на меня смотреть в ожидании ответа.

— Просто я подумал, что странно, что Лиза ездит на метро, — быстро выкручиваюсь.

— Почему странно? Все люди ездят на метро.

— Ира и Леша не ездят, в школу и к репетиторам их водитель возит. Я тоже никогда не ездил.

Отец слегка смеется.

— Лиза по-другому воспитана. Ольга не разрешала мне сильно баловать Лизу. Она считала, что нужно быть проще.

— Почему?

— Потому что Ольга сама по себе очень простая и всегда считала, что не нужно воспитывать детей в большой роскоши. И, в общем-то, я с ней согласен, но у нашей мамы другие взгляды, поэтому вы с Ирой и Лешей были воспитаны иначе.

— Лизина мать из обычной семьи? — сам не знаю, зачем спрашиваю это.

— Нет. Отец Ольги был министром здравоохранения, а ее мать замруководителя аппарата правительства. Она из семьи федеральных чиновников, но тем не менее никогда не любила роскошь. На самом деле если не знать, из какой Ольга семьи, то сам никогда не догадаешься.

Папины слова заставляют мои глаза округлиться в изумлении. Если честно, я понятия не имею, кто Лизина мать. Я видел ее раз пять в своей жизни, но мне никогда не было интересно, что эта женщина из себя представляет и уж тем более, какое у нее происхождение. А в нашей семье о папиной бывшей жене никто не говорит. Мама так вообще предпочитает делать вид, что у отца кроме нее никогда другой супруги не было. При этом с Лизой родительница нормально ладит.

— То есть, Лиза — внучка министра!?

— Ну, сейчас он уже не министр, но когда я женился на Ольге и когда родилась Лиза, он был министром, да. В общей сложности он где-то лет восемь или десять занимал эту должность.

— А чем он сейчас занимается? — не унимаюсь.

— У родителей Ольги вилла в Испании, они переехали туда на пенсию. — Отец слегка смеется. — Как и полагается всем российским чиновникам.

— Поэтому Лиза постоянно ездит отдыхать в Испанию? — продолжаю допрашивать отца.

Каждое лето Лиза проводит месяц в испанском Бенидорме. Еще иногда Бестия ездит туда на Новый год. Мне всегда было интересно, почему она отдыхает именно в Испании и нигде больше. Что ни июль — то у Лизы в Инсте фотографии из Бенидорма. Бывает, конечно, Бестия путешествует по европейским странам на поезде, но чаще она все-таки безвылазно в Испании.

А еще она любит ездить туда с придурком Ярославом.

— Да, Лиза два-три раза в год ездит в Испанию проводить бабушку с дедушкой по матери. И у нее вид на жительство в Испании.

— У Лизы!? Вид на жительство в Испании!? — задаю вопросы почти криком.

— Да, — спокойно отвечает папа, как будто это что-то само собой разумеющееся. — Она сделала в 18 лет, чтобы передвигаться по Европе без визы. Ну и так ей будет проще поехать учиться туда в магистратуру.

— Она поедет учиться в Испанию?

— Нет, в Швейцарию. Но с европейским видом на жительство это все равно проще.

— А когда она туда поедет?

— Сейчас Лиза переходит на третий курс, значит, через два года.

— Ясно... — задумчиво отвечаю.

Отец плывет в сторону берега, а я остаюсь в воде и вспоминаю, как всегда в детстве называл Лизу «бедной родственницей», потому что она носила обычные кеды и джинсы из «Зары» в то время, как нас с Ирой и Лешей мама одевала исключительно в бренды высокой итальянской моды.

Глава 18. Кошка

Первое сентября.

Я ненавижу этот день со второго класса. В первом классе я ему еще радовался, но уже через несколько дней школа мне надоела, и я спросил у родителей, сколько мне еще в нее ходить.

— Одиннадцать лет, — невозмутимо ответила мама.

«Ну все. Жизнь кончена», — обреченно подумал семилетний я.

Но со временем мне удалось поймать в школе определенный кайф. Что-нибудь сломать в кабинете, разбить окно, надавать подзатыльников какому-нибудь лошку... Правда, из-за этого родителей каждый раз вызывали к директору, и маме приходилось густо краснеть и обещать, что такое больше никогда не повторится.

Но, конечно же, это снова повторялось. Дома со мной проводили воспитательные беседы, объясняли, что нельзя так себя вести, я соглашался, кивал головой и продолжал делать по-своему.

И сейчас в первый день сентября я стою перед парадным входом в свой институт и чувствую себя полным идиотом.

Что я тут забыл?

Вот вчерашняя школотка курит у главных дверей и мнит себя взрослой.

А вот телка на лабутенах вылезает из «Теслы», предварительно смачно поцеловав красными губами своего парня лет на 30 старше.

А вот и Зинаида Павловна.

— Самойлов!? — ужасается, прижав к груди синюю папку, — опять ты!?

— Не опять, а снова, Зинаида Пална. — Улыбаюсь этой старой гримзе, которая отчисляла меня два прошлых раза. — Я посмотрел расписание, экономическую информатику мне вы будете вести. Так что рад встрече. Я тут подумал, что хочу писать у вас диплом. Вы же не против?

Кажется, от ее лица отливает кровь.

— Я пошутил, — тут же добавляю, пока ее не хватил кондратий. — Я как считал ваш предмет ненужным и бесполезным, так до сих пор и считаю. Хорошего дня, Зинаида Пална!

И я захожу в стены альма-матер, но тут же натыкаюсь на знакомое лицо.

— Миша!? — Настя округляет глаза. — Ты решил снова восстановиться?

А я залипаю на ее огромный живот.

— Ты беременна!? — восклицаю, не ответив на ее вопрос.

— Да, — смеется и гладит себя по животу. — Уже шестой месяц. Вот приходила насчет академа спрашивать.

Я силой заставляю себя поднять глаза на ее лицо. Изменилась. Каштановые волосы стали длиннее, взгляд карих глаз взрослее. Но улыбка такая же.

Настя была моей одноклассницей, когда я поступил сюда первый раз сразу после школы. Потом меня несколько раз отчисляли, я восстанавливался, но мои самые первые однокурсники шли дальше.

Видно, что Насте немного неловко. Переминается с ноги на ногу, глаза в сторону отводит.

— Я рад, что у тебя все хорошо, — киваю на живот. Она продолжает держать его правой рукой, на безымянном пальце которой я вижу обручальное кольцо.

— Спасибо, Миша.

— А ты до сих пор учишься?

— Да, второй курс аспирантуры. Хочу преподавать. Но сейчас буду уходить в академ.

— Ясно...

Возникает неловкая пауза. О чем обычно говорят бывшие, которые давно расстались, и случайно встретились?

Да черт его знает, о чем они говорят.

— Ладно, пойду на пару. — Говорю через несколько тяжелых секунд. — А то снова отчислят, — добавляю со смешком. — Последний год бакалавриата остался, хочу уже получить этот гребанный диплом.

Настя кивает с пониманием.

— Удачи, Миша, — тихо говорит.

— И тебе.

Я спешу к лестнице и быстро взбегаю по ней вверх. Снова чувствую себя мудаком.

С Настей я встречался на первом курсе. Ну как встречался. Я думал, что мы просто спим, а она думала, что у нас серьезные отношения. Месяца через три непрерывного секса Настя изъявила желание познакомиться меня со своими родителями. Ну а я к такому готов не был. Зачем мне знакомиться с ее предками? Мне не нужно их благословение для того, чтобы чпокнуть их дочку.

Ну и с этого момента начался вынос мозга. Настя стала обвинять меня, что я ее ни во что не ставлю, что она подарила мне самое ценное, что у нее было — свою девственность — а я весь такой козел и мудака...

Первое время я терпел ее истерики и обвинения: секс со вчерашней девственницей на удивление был хорош. Но потом Настя начала ревновать меня ко всем подряд. Дошло до того, что она без спроса залезла в мой телефон.

И нашла там контакт по имени «Бестия».

На ее прямой вопрос «Кто это?», я не смог ответить. Назвать Лизу сестрой или родственницей у меня язык не повернулся, потому что ни сестрой, ни родственницей я ее никогда не считал. Но в то же время она мне не подруга. И не соседка. И не одноклассница. Она мне вообще никто.

— Знакомая, — нашел я более-менее подходящее слово, чтобы объяснить, кем мне доводится Лиза.

— Тогда почему она записана у тебя как «Бестия»? — Настя гневно прищурила глаза. — Что это значит? Просто знакомых записывают по имени и фамилии!

Я пожал плечами.

— Бестия — это Бестия, — просто ответил я. — Она всегда ею была.

— Значит, ты ее давно знаешь? — Настя уперла руки в боки.

— Да.

— И сколько?

И в этот момент я задумался: действительно, а сколько?

— Я не помню себя без нее, — произнес, помедлив, и сам этому удивился.

Я действительно не помню себя без нее...

Настя стала жадно хватать ртом воздух, швырнула в меня моим телефоном, а потом сказала, чтобы я убирался из ее дома. Ну я и убрался. На следующий день она со мной уже не разговаривала, а после ближайшей зимней сессии меня отчислили.

Я захожу в большую аудиторию, поднимаюсь по ступенькам и сажусь примерно посередине амфитеатра. Помещение постепенно набивается студентами, и я с удивлением замечаю, что девушек даже больше, чем парней. Когда я поступил сюда первый раз, было наоборот.

Я в задумчивости верчу в пальцах ручку, когда чувствую, что в метре от меня кто-то садится, а уже через секунду до меня доносится запах сладких духов. Поворачиваю на него голову и встречаюсь с дерзким кошачьим взглядом.

Брюнетка с локонами по пояс заинтересованно меня разглядывает, прикусив губу. У нее кукольное лицо с правильными чертами и аппетитная грудь, обтянутая сиреневой тканью пла-

тя. Так как она сидит, я не могу понять, какой у нее рост, но почему-то мне кажется, что девушка миниатюрная.

— Ты новенький? — начинает разговор первой.

Хмыкаю.

— Ты даже не представляешь, насколько я в этом универе старенький.

Девушка в недоумении приподнимает бровь.

— Меня несколько раз отчисляли. — Поясняю. — Я восстановился.

С пониманием кивает.

— Ясно... — задумчиво тянет, продолжая меня рассматривать. — У тебя такие интересные татуировки.

Непроизвольно перевожу взгляд на свои руки, покрытые различными рисунками.

— Хочешь рассмотреть их поближе? — снова смотрю на брюнетку. Пристально. Прямо в ее кошачьи глаза, подчеркнутые черными стрелками.

Девушка, безусловно, понимает мой намек. Правый уголок ее губ тянется вверх, оголяя белоснежные зубы.

— Как тебя зовут? — спрашивает.

— Миша.

Готов поспорить, на что угодно: у нее будет какое-нибудь дурацкое имя.

— А меня Виолетта.

Так я и думал.

— Красивое имя. — Вслух, естественно, говорю не то, что думаю. — Редкое.

Она согласно кивает. Склоняет голову набок и снова меня рассматривает. Задерживает взгляд на татуировках.

Черт, я уже ее хочу. Уложил бы прямо тут на стол.

— У меня тоже есть одна татуировка, — произносит и прикусывает губу.

— И в каком месте?

Виолетта хмыкает.

В этот момент в аудиторию заходит препод, и мы с Кошкой вынуждены прервать зрительный контакт. Боковым зрением замечаю, как девушка достает из сумки тетрадь с ручкой и принимается быстро записывать за преподавателем. Она настолько увлекается процессом, что, мне кажется, забывает про меня.

Я тоже заставляю себя слушать занудного деда, расписывающего на доске трехэтажные формулы, но аппетитная грудь Виолетты привлекает мое внимание куда больше, чем скучный старик. К концу пары мои джинсы в районе паха уже чуть ли не рвутся.

Когда дед объявляет об окончании занятия, Виолетта поднимается с места, представляя моему вниманию стройные ноги на каблуках.

Я сейчас волком завою.

— Кофе? — обращаюсь к ней. Хотя мне сейчас хочется совсем не кофе.

— У нас через 10 минут следующая пара.

— А она нам нужна?

— Знаешь, я иду на красный диплом и не хотела бы упустить его на последнем курсе.

— Да ладно тебе, — поднимаюсь с места следом за ней. — В жизни есть куда более интересные вещи, чем универ. И уж тем более красный диплом.

— Например?

Мы пробираемся к ступенькам и идём вниз с толпой студентов.

— Ну вот у меня свой бойцовский клуб. Я основал его в 19 лет, и диплом экономиста мне нигде не нужен.

— Что ты тогда тут делаешь? — удивляется.

— Родители переживают, что у меня нет высшего образования.

Следующей парой у нас семинар в маленькой аудитории, и мы с Виолеттой садимся за одну парту. Признаться честно, находиться к ней так близко и не иметь возможности сорвать это обтягивающее платье, то еще мучение.

Виолетта представляет мне наших одноклассников, они все на три года младше меня. К концу дня меня уже приглашают на несколько студенческих тусовок в ночных клубах, на две вписки у кого-то дома и на один день рождения. Но посещать все это мне некогда. Я же не школоты, как они. У меня вообще-то клуб и гонки. Мне еще с новыми ментами нужно договариваться.

— Пойдешь сейчас с нами в бар отмечать первое сентября? — Виолетта спрашивает с надеждой в глазах, когда мы уже выходим из универа.

— Не могу, у меня много дел в моем клубе.

— Каких? — загорается интересом.

— Сегодня ночью бой, нужно все подготовить и проконтролировать.

— А у тебя прямо на ринге дерутся?

— Да.

— Как Конор Макгрегор и Хабиб Нурмагомедов?

Ее вопрос меня смешит.

— Типа того. Только у бойцов UFC есть правила и судья, а у меня нет ни того, ни другого. У меня бои без правил, пока один из участников не отключится.

— Как интересно, — говорит с придыханием.

Я еще раз оглядываю брюнетку. В джинсах снова становится тесно. Хочу ее.

— Приходи посмотреть.

— Когда? — тут же интересуется.

— Начало в 12 ночи. Можешь прийти в 11, я проведу тебе экскурсию по своему клубу.

— Давай! — расплывается в улыбке.

Я достаю из кармана смартфон.

— Скажи свой номер, я скину тебе адрес.

Виолетта диктует мне цифры, я сохраняю телефон и пишу ей сообщение с улицей и номером дома.

— Буду тебя ждать, — смотрю пристально в ее кошачьи глаза. — И ты так и не ответила на мой вопрос, где у тебя татуировка.

— Я приду, — многозначительно обещает. — И, может, даже покажу тебе свою татуировку.

Одариваю девушку последней улыбкой и направляюсь к мотоциклу, чувствуя на себе ее кошачий взгляд.

Завалю ее этой же ночью.

Глава 19. Протест

Виолетта...

Дерзкая, своенравная и обольстительная Кошка. Хитрая. Знает, когда промолчать, а когда подать голос. Знает, как успокоить меня, когда я на взводе. Знает, как расслабить меня, когда я устал.

Мне особенно нравится, как она меня расслабляет.

И ее татуировка на ягодице тоже мне нравится.

И нравится, что, когда мы едем в машине, она может неожиданно попросить меня съехать на обочину, а потом расстегнуть мои джинсы и забраться на меня сверху.

Ненасытная страстная Кошка.

Но в конечном счете Виолетта все равно типичная баба, потому что через несколько недель безудержного секса она с чего-то вдруг берет, что у нее есть на меня какие-то права и ей что-то должен. Но прямым текстом в лоб это не говорит. А хитро так, как бы между прочим:

— Алексей Самойлов у тебя в друзьях — это же твой брат? Я зашла на его страницу, просто из любопытства, и увидела пост о том, что он послезавтра выступает на каких-то соревнованиях по плаванию. Давай сходим посмотреть? Мне всегда нравилось плавание.

Очень тонкий намек на желание познакомиться с моей семьей.

— У меня аллергия на хлорку, которая в бассейнах. — Вру. — Давай лучше проведем время вдвоем. — Вжимаю ее лицом в стену и задираю платье.

Хотя Виолетта не самая плохая кандидатка на представление ее семье в качестве моей девушки. Умная, интересная, дочка каких-то профессоров. С учебой, клубом и гонками у меня совсем нет времени смотреть на других девушек, и в какой-то момент я понимаю, что, в общем-то, кроме Виолетты у меня сейчас никого больше нет.

И это необычно. Раньше у меня могло быть несколько девушек параллельно или же я постоянно их менял. А тут уже месяц только одна Виолетта. Не могу сказать, что я испытываю к ней какие-то невероятные чувства, но мне определенно с ней хорошо. Она интересна в общении и раскрепощена в сексе. Что еще нужно? Меня все устраивает.

Поэтому когда в начале октября в Золотом ручье традиционно собирается огромное собрание людей по случаю дня рождения дедушки Игоря, я решаю пойти с Виолеттой. Тем более мать заметила, что я стал часто не ночевать дома, и уже не стесняюсь выносить мне мозг на тему того, что хочет познакомиться с моей девушкой. У нее прямо идея фикс какая-то.

Сообщение о том, что мы через несколько дней едем на день рождения моего деда, приводит Виолетту одновременно в восторг и в замешательство.

«А кто там будет?»

«А как мне одеться?»

«А что мне говорить?»

«А если я не понравлюсь твоей маме?»

Я не могу сдержать смеха.

— Все будет нормально, не переживай. У меня хорошая семья.

Мы сидим в столовой в универе, через полчаса мне надо уезжать в клуб.

— У тебя родители, брат и сестра, верно? — не унимается Виолетта.

— Да.

— А еще какие-то родственники там будут?

— Ну, собственно, сам виновник торжества — дедушка. Ну и бабушка. Остальные сто человек — это его знакомые и партнеры.

— А у тебя нет двоюродных братьев и сестер? — удивляется.

— Нет, и отец, и мать — единственные дети. — Я замечаю, что очередь у кассы стала меньше. — Пойду возьму себе кофе. Ты будешь?

— Нет.

Встаю из-за стола и направляюсь за американо. Когда я через пять минут возвращаюсь к Виолетте, замечаю, что она поджала губы и стала уж слишком серьезной. Рассматривает свои ногти, отсела от меня на противоположный конец дивана.

— Что-то не так? — пристально наблюдаю за ней и пью из стаканчика.

— Тебе звонил абонент по имени Бестия, — произносит, не отрывая глаз от своего маникюра.

Небольшой глоток кофе резко обжигает пищевод и желудок. Я хватаю со стола телефон и действительно обнаруживаю один пропущенный от Лизы.

Сердце начинает биться чаще.

Я не видел ее почти полтора месяца. С той самой ночи, когда забирал из клуба Ильи. Я знаю, что она приходила к нам домой несколько раз, но я в эти моменты отсутствовал. Однажды разминутся с ней буквально на пару минут. Когда зашел в квартиру, сразу почувствовал аромат айвы. Глубоко вдохнул и на мгновение задержал дыхание. После удушающе сладких духов Виолетты, которыми насквозь пропах салон моей машины, запах Лизы был, как глоток чистого горного воздуха.

Дрожащей рукой продолжаю держать телефон и просто смотрю на слово «Бестия», написанное красным цветом, что означает пропущенный вызов.

В груди бушует целый микс чувств: удивление, злость, трепет, восторг, настороженность, гнев... Только Лиза может вызывать во мне столько эмоций одновременно.

Но самое яркое ощущение все-таки удивление. Что ей было нужно? Я по пальцам одной руки могу пересчитать разы, когда мне звонила Лиза.

В последнее время я думаю о ней. Часто. Полтора месяца — это не самый долгий срок, который мы не встречались. Бывало, я не видел Лизу по полгода. Но это первый раз, когда я долго ее не вижу и думаю о ней каждый проклятый день. Замираю на улице при каждой проходящей мимо девушке, хоть чем-то похожей на Лизу.

— Кто это? — доносится до меня голос Виолетты.

А я продолжаю смотреть на экран, словно загипнотизированный. Силой заставляю себя заблокировать телефон и повернуть голову к Ветте. Выражение ее лица непроницаемо, но я почувствовал напряжение в голосе.

Она ждет от меня ответа, а я снова не знаю, что мне сказать. Какое-то чертово дежавю.

— Мне сложно объяснить, кто это, — честно отвечаю.

— Твоя бывшая? — ухмыляется.

— Нет.

— А кто тогда?

Дочь моего отца. Казалось бы, что сложного произнести эти слова? Но я не могу. Во мне все протестует, когда я хочу сказать это вслух. Это ровно тот самый протест, который испытал я четырехлетний, когда мне впервые показали Лизу и сказали, что она моя сестра. Что тогда 20 лет назад, что сейчас, во мне все вопит:

ОНА МНЕ НЕ СЕСТРА.

И с каждым днем мой протест набирает все больше оборотов. Это просто какое-то безумие, такого еще никогда не было. Я каждый день просыпаюсь с отрицанием действительности. Если раньше я никогда не считал Лизу родственницей молча про себя, то теперь каждая клеточка моего тела кричит об этом ежесекундно.

— Она никто, — говорю Виолетте с легкой улыбкой, собрав кое-как свои чувства в кулак. — Правда. Вообще никто.

Она смотрит на меня с недоверием.

— Иди сюда, — протягиваю к ней руку и тяну к себе. Как только она оказывается рядом, тут же целую ее. Глубоко, с языком. Чтобы выбить из ее головы все то, что она сейчас себе надумала.

— И все-таки, кто она? — шепчет мне в губы, когда мы прерываем поцелуй.

— Никто. — Я отстраняюсь от Виолетты поднимаюсь с места. — Давай отвезу тебя домой? Мне пора в клуб.

Лизе я решаю не перезванивать. В нашем с ней случае это странно. Наверное, она набрала мне по ошибке, случайно тыкнув пальцем не в того абонента на букву «Э». Я у нее в телефоне записан как «Этот придурок».

День рождения бабушки в Золотом ручье проходит, как и любое другое торжество, которое он устраивает — сотня каких-то непонятных людей и деловой формат мероприятия. Гости пришли сюда не столько, чтобы его поздравить, сколько чтобы обсудить возможные варианты сотрудничества. Строительную компанию хоть официально и возглавляет мама, но дед все равно продолжает ею заниматься, сидя на пенсии.

Мы с Виолеттой приезжаем вдвоем. По торжественному случаю я одет в брюки и белую рубашку, а она выбрала белое платье до колен. Волосы закрутила в локоны, сделала неброский макияж. В универ она красится намного ярче.

Я паркую автомобиль у ворот, и мы заходим во двор. Начало октября, и еще на удивление тепло, поэтому празднование проходит в саду, а не в доме. Людей уже довольно много, и мне приходится долго смотреть по сторонам, выискивая свою семью. Наконец-то я замечаю у беседки маму.

— Пойдем, — беру смущающуюся Виолетту за руку и веду к родительнице.

Когда мы подходим ближе, я замечаю рядом с мамой Иру, Лешу и... Лизу. При виде Бестии сердце неприятно щемит.

— Всем привет, — громко говорю, подойдя к ним. Боковым зрением замечаю, как Лиза резко обернулась на мой голос. — Это Виолетта. — Представляю им свою девушку. — Вет, это моя мама Кристина Игоревна, брат Леша и сестра Ира. — Киваю на каждого головой.

Лизу я решил не представлять. Она стоит чуть поодаль, в паре метров. Как бы с семьей, но в то же время и нет.

— Очень приятно познакомиться! — мама расплывается в улыбке и с любопытством смотрит на Виолетту, которая уже залилась краской. — Наконец-то Миша показал нам свою девушку!

Виолетта отвечает матери что-то вежливое, а я щекой чувствую Лизин взгляд. Он прожигает кожу. Не выдерживаю и поворачиваю к ней голову. На ней красивое светло-розовое платье чуть выше колен, подчеркивающее ее идеальную фигуру, волосы собраны в прическу. Смотрит на меня широко распахнутыми стеклянными глазами.

Я видел у Лизы этот взгляд только один раз: четыре с половиной года назад, когда пришел домой, кажется, с девушкой и случайно застал там ее. Она смотрела на меня ровно такими же стеклянными глазами, а потом с ее ресницы сорвалась слеза, и она убежала. Я догнал Лизу в подъезде, где она уже рыдала навзрыд, и пытался понять, кто ее обидел, но она так и не сказала мне.

И вот сейчас у нее такие же стеклянные глаза, как и тогда.

Приближение отца заставляет меня оторваться от Бестии.

— Добрый день! — папа подходит к нам с улыбкой.

— Виолетта. — Указываю ему на девушку. — Максим Алексеевич, мой отец, — представляю ей папу.

Родители что-то спрашивают у Виолетты, даже Ира задает ей какой-то вопрос, а я продолжаю чувствовать Лизин стеклянный взгляд. Хочется поежиться от него. И спрятаться.

Замечаю возле Лизы движение и снова поворачиваю голову. К ней подходит Ярослав. Что этот придурок тут делает???

Недобейсболист смеряет меня и Виолетту скептическим взглядом, демонстративно хмыкает, берет Лизу за руку и уводит от нас к шатру, где всю веселятся гости. Она, как тряпичная кукла, послушно следует за ним. Я замечаю, что ее движения несколько заторможены.

— Виолетта, ну ты повлияй на Мишу, чтобы он учился в институте, — доносится до меня голос матери.

— Мам, я же обещал, что доучусь! — резко поворачиваюсь к ней.

— Ты все время это обещаешь, но в итоге тебя или отчисляют, или ты сам бросаешь.

— Пойдемте к столу, — предлагает папа.

Мы заходим в шатер и занимаем свои места за большим круглым столом. Я выискиваю глазами деда, чтобы поздравить его, но нигде не нахожу.

— Мам, а где дедушка? — интересуюсь у родительницы.

— У него сейчас важные переговоры.

Ей-богу, это смешно. Он устраивает деловые встречи по любым поводам и без. Дед даже на похороны ходит, чтобы переговорить там с нужными людьми.

За нашим столом свободны еще два стула, и интуиция подсказывает мне, что это места Лизы и Ярослава. Ровно напротив меня. Через минуту действительно появляются горе-бейсболист и Бестия. Лиза выглядит бледной. И еще меня настораживает ее молчаливость. Обычно на семейных торжествах она болтает без умолку.

Но в этот раз она молча ковыряется в тарелке, пока ее дружок распинается перед сидящей по левую руку от него Ирой. А вот это мне уже не нравится. Сестра смеется каждой его шутке и чуть ли не заглядывает ему в рот. Краем уха я слышан об этом парне и знаю его отношение к девушкам. Если он обидит Иру, клянусь, я пробью ему череп его же бейсбольной битой.

— Все в порядке? — склоняюсь я к сидящей рядом Виолетте.

— Да, все хорошо, — улыбается и берет меня под руку.

Я и сам замечаю, что она стала расслабленнее, уже без смущения разговаривает с мамой. Я возвращаюсь к своей тарелке и непроизвольно бросаю взгляд на сидящую напротив Лизу. Она развела губы в усмешке и смотрит на нас с Виолеттой изучающе. Но ее глаза все такие же стеклянные.

Мне некомфортно находиться так близко к Лизе. Я бы с удовольствием увел Виолетту в дом, но мама конкретно присела ей на уши. Через час мучений музыка становится чуть громче, а гости раскрепощеннее. Отец уходит из-за стола пообщаться со своим лучшим другом дядей Егором. Его дочка — Наташа — к слову, танцует с каким-то парнем. Я перевожу вопросительный взгляд на Лешу, но он лишь пожимает плечами.

— Ты думаешь, этот парень прошел у дяди Егора фейс-контроль? — склоняюсь к его уху.

— Понятия не имею, — безразлично отвечает.

— Пригласи ее на танец.

Я еще раз бросаю взгляд на Наташу Кузнецову. На ней длинное сиреневое платье с разрезом до бедра, светлые волосы по пояс идеально выпрямлены. Эта девчонка, как фотомодель.

— Зачем? — Леша задает самый тупой вопрос, какой только можно.

— Слушай, хватит прикидываться, что она тебе не нравится. Пока ты жуешь сопли, она танцует с другим.

— Миш, да мне вообще по фиг! — Леша возмущенно повышает голос. — Я не отрицаю, что Наташа красивая, но проблем я с ней огребу больше.

— С чего ты это взял?

— А как ты думаешь, что будет, если я затащу в постель дочку папиного друга? В лучшем случае наши семьи просто разругаются, а в худшем случае меня принудят на ней жениться. Зачем мне эти проблемы?

— Что за бред ты несешь! — я даже слегка смеюсь словам брата. — Мы в каком веке живем? Никто не заставит тебя ни на ком жениться.

— Все равно. Наши семьи дружат десятилетиями, и я не хочу это портить.

— Сейчас ты рассуждаешь о взаимоотношениях семей, а потом будешь лайкать фотки с ее свадьбы. Подумай об этом.

— Знаешь, лучше я полайкаю фотки с ее свадьбы, чем стану на ее свадьбе женихом, — брат, смеясь, встает из-за стола и направляется в сад.

Наивный Леша еще верит, что от себя можно убежать.

Глава 20. Моя нирвана

Проводив брата взглядом, я возвращаюсь к столу. Виолетта продолжает держать меня под руку, а Лиза продолжает прожигать во мне дыру. Снова не выдерживаю и смотрю на нее. Выпитый бокал красного вина не придал ее щекам румянца, и она по-прежнему бледная, а глаза все такие же стеклянные.

В груди снова начинается вихрь из самых разных эмоций. Хотя Лиза ничего не делает и ничего не говорит, а всего лишь смотрит, но я уже испытываю целый калейдоскоп чувств: от лютой ненависти к ней до...

До чего?

Мне не нравится слово, которое неожиданно пришло в голову.

В этот момент Ярослав говорит что-то на ухо Лизе, она кивает, они оба встают и направляются в танцевальную зону. Придурок кладёт руки ей на талию, Лиза обнимает его за шею, и они начинают крутиться в медленном танце. Наблюдать за ними — сродни мазохизму, но я продолжаю это делать.

Вот он снова что-то шепчет ей на ухо. Она сдержанно улыбается, как-то односложно отвечает и опускается лбом на его плечо. Ярослав ведёт ладони от ее талии к спине и заключает Лизу в кольцо своих рук.

Так я и знал, что они спят!

Вообще, это, конечно, просто поразительная парочка. Такой формат отношений называется свободным: люди периодически проводят время вместе, но при этом у каждого своя жизнь. В принципе, у меня всегда только такие отношения и были, но ладно я.

Но как так может Лиза!?

Протанцевав одну песню, они возвращаются за стол. Недобейсболист своими обжиманиями не поднял Бестии настроение, она по-прежнему бледная и грустная. Но зато конкретно испортил его мне.

Новый приступ протеста против действительности, в которой я живу, ослепляет глаза. Он вспыхнул неожиданно, и мне приходится вцепиться руками в края стола, чтобы сдержать в себе эмоции.

— С тобой все хорошо? — голос Виолетты проникает в уши, будто сквозь вату.

Прикосновение ее руки к моему плечу заставляет меня посмотреть на девушку. Она выглядит обеспокоенной.

— Все в порядке, — отвечаю ей хрипло, заглушая в груди протест.

Вета улыбается, и я выдавливаю улыбку ей в ответ. Чувствую, что Лиза наблюдает за нами, поэтому, не стеснясь никого вокруг, я слегка целую Виолетту в губы.

И это снова, как контрольный выстрел тогда в машине.

Слышу, как отодвигается ее стул, замечаю боковым зрением, как она уходит в сторону дома. Идет очень быстро, почти бежит.

— А что это за девушка? — тихо спрашивает Виолетта про Лизу.

— Знакомая, — отвечаю на автомате.

— Миша, как тебе не стыдно так говорить! — возмущенно повышает голос мама. Черт, она все слышала. — Лиза сестра Миши по отцу, — поясняет Виолетте. — Это дочь моего мужа от другого брака.

— А, понятно, — тихо отвечает Виолетта и бросает на меня взгляд.

У меня нет цензурных слов.

Я раздраженно высвобождаю руку из захвата Веты и тру лицо. Крепко зажмуриваю глаза, чтобы сдержать снова нарастающий протест. Опять это чувство. Опять этот крик души, что Лиза мне никто. Внутри меня просто все вопит об этом.

Резко открываю глаза, запрокидываю голову и делаю глубокий вдох.

Это все ложь, ложь, ложь.

— Миша, с тобой точно все хорошо? У тебя на лице пот выступил и ты побледнел. — Прикосновение Виолетты прокатывается волной раздражения по всему телу.

— Я же сказал, что все в порядке, — резко бросаю и встаю со стула.

— Ты куда?

— В туалет.

Быстро направляюсь в сторону дома, пока за мной никто не увязался. На первом этаже ходят посторонние люди. Во время таких торжеств гости пользуются уборной в доме под лестницей. А вот на второй этаж и далее на третий они не поднимаются.

Взбегаю вверх по ступенькам и сразу иду в ее комнату. Не стучась, опускаю ручку и врываюсь. Запах айвы тут же наполняет легкие, но Лизы нет. Странно. Я не спешу уходить, вдыхаю все глубже и глубже.

Чистый кайф.

Но я должен ее найти, поэтому закрываю дверь и иду искать дальше. Я открываю комнату за комнатой, но Лизы нигде нет. Дохожу до спальни родителей. Немного посомневавшись, опускаю ручку.

Она тут.

У родителей комната совмещена с ванной, и я вижу полоску света из-за прикрытой двери в уборную. Громкий шум воды заглушает остальные звуки, поэтому Лиза не может знать, что я вошел. Странно, что она пошла в ванную родителей. Наверное, подумала, что общей туалетной комнатой на втором этаже могут воспользоваться гости.

Я тихо подхожу к двери и вижу в щель, как Лиза стоит, облокотившись о раковину, в которую бежит вода из крана. Ее плечи трясутся. Плачет.

Хватаюсь рукой за дверной косяк и что есть силы зажимаю глаза. Меня рвет на части. Протест рвется наружу, а отрицание реальности уже достигло своего пика.

Глубокий вдох, и я вхожу в ванную.

Лиза вздрагивает. Резко поворачивает на меня заплаканное лицо и тут же становится ко мне спиной, вытирая щеки.

— Что тебе надо? — ее голос звучит глухо.

Я не отвечаю. Не потому что не хочу говорить с ней, а потому что у меня нет ответа на ее вопрос. Я не знаю, что мне надо. Я не знаю, зачем пошел искать ее.

Льющаяся из крана вода нервирует, и я закрываю его. В ту же секунду тишина резко бьет по ушам, и я слышу, как Лиза всхлипывает. Делаю еще шаг и встаю ровно у нее за спиной. Я настолько близко, что чувствую запах ее волос.

Снова проклятый протест. Он судорогой сводит все тело.

Лиза продолжает плакать. Тихо скулит в ладони, плечи дергаются.

— В чем дело, Лиза? — спрашиваю шепотом и разворачиваю к себе.

Я держу ее ладонями чуть выше локтей и жду, что она посмотрит на меня и что-то ответит, но вместо этого Лиза просто утыкается лицом мне в грудь и начинает рыдать еще сильнее. Тонкая рубашка тут же промокает, и я кожей чувствую ее горячие слезы.

Снова протест и отрицание действительности. Снова все кажется ложью.

Моя жизнь — ложь.

Эту неожиданную мысль, только что пришедшую в голову, перебивает Лизин голос:

— Обними меня, — тихо просит.

— Что? — я не сразу понимаю ее слова.

— Обними меня, Миша.

Ее просьба настолько неожиданна, что я мгновение стою в ступоре. Впрочем, все происходящее сейчас — слишком неожиданно.

Я веду ладони от ее предплечий к спине и заключаю Лизу в крепкие объятия. Опускаюсь лбом на ее макушку и спешу вдохнуть запах волос.

И это просто наркотик, который за секунду отправляет меня на седьмое небо. Вот так держать Лизу в своих руках и вдыхать ее запах — моя личная, моя персональная нирвана.

Это лучше, чем марихуана, экстази, героин или любой другой наркотик.

Это лучше, чем шоколадное мороженое, клубника со сливками и сладкая вата.

Это лучше, чем прыжок с парашютом, американские горки и формула один.

Это лучше, чем футбол Криштиану Роналду и Лионеля Месси.

Это лучше, чем свобода.

Это лучше, чем жизнь.

Это — моя нирвана.

Глава 21. Интуиция

Я нахожусь в каком-то странном состоянии полутранса. Ее запах полностью проник в легкие и пропитался под кожу. И я не хочу останавливать это.

Лиза продолжает плакать. Сейчас даже еще сильнее. А я вдруг понимаю, что первый раз в жизни обнимаю ее. Сжимаю в руках еще крепче.

— Все могло бы быть по-другому, — говорит сквозь слезы.

Ее слова резко вытаскивают меня из транса, и я распахиваю глаза.

— Что могло бы быть по-другому? — мой голос выходит глухим и севшим.

— Если бы мы встретились не так... — всхлипывает. — А при других обстоятельствах...

Все было бы по-другому...

Я не понимаю, о чем она говорит. Я вообще ничего не понимаю. Есть только Лиза в моих руках, ее запах у меня под кожей и протест, который разрывает грудь.

Ее рыдания усиливаются. Лиза уже почти кричит, и я понимаю, что это пора останавливать. Хотя я пребываю сейчас, будто в тумане.

Я нахожу в себе силы подхватить Лизу на руки и заносу ее в комнату. Аккуратно кладу на кровать и хочу уйти за успокоительным, но она хватается за шею и прижимает к себе.

— Не уходи, пожалуйста, — просит, заикаясь.

— Лиза, тебе надо выпить успокоительное. Я сейчас приду.

Силой снимаю ее руки со своей шеи и пулей бегу на первый этаж. К счастью, ванная под лестницей свободна. Я открываю подряд все шкафчики в поисках аптечки, пока не нахожу необходимый пакет с лекарствами. Высыпаю их на стиральную машину и перебираю таблетки. Успокоительного нет, но есть снотворное. Думаю, подойдет.

Набираю на кухне стакан воды и бегом поднимаюсь к Лизе. Она продолжает рыдать в подушку.

— Выпей, — я аккуратно приподнимаю ее голову и засовываю в рот таблетку. Затем подношу к губам стакан. Лиза послушно глотает.

Вода слегка приводит ее в чувство, она несколько раз громко вздыхает, а затем ложится на подушку. Я сажусь возле кровати и беру Лизу за руку.

Ее грудь еще трясется, но новых слез нет. Лицо красное и опухшее, косметика размазалась. Я слегка улыбаюсь, смотря на нее такую.

— Давай, скажи, что я страшная, как колдуньи из мультиков, — говорит шепло.

Я улыбаюсь еще шире, понимая ее намек.

— Не скажу.

— В детстве ты говорил, что я толстая и страшная, как колдуньи из мультиков.

— Я обманывал.

Лиза не отвечает. Ее веки плавно опускаются, грудь перестает дергаться, а дыхание через несколько минут становится размеренным. Уснула.

Я остаюсь сидеть возле кровати и держать Лизу за руку. И чем дольше я смотрю на ее спящее лицо, тем сильнее пульсирует в висках:

Ложь, ложь, ложь.

Я вспоминаю все. Как увидел ее первый раз. Как в груди вспыхнул протест:

ОНА МНЕ НЕ СЕСТРА.

Как она в детстве всегда засыпала в обед, а я садился возле кровати и смотрел на нее. Ровно, как сейчас. Только за руку не держал. Разглядывал ее спящую, а внутри все вопило:

ОНА МНЕ НЕ СЕСТРА.

Вспоминаю ее пышное розовое платье принцессы, которое я порезал ножницами. Потому что она была слишком красивая в нем.

Вспоминаю, как она раньше ездила с нашей семьей на море, и ветер доносил до меня запах ее волос. Я вдыхал глубоко и закрывал глаза, наслаждаясь ароматом. А потом ненавидел себя за это и мстил Лизе, делая ей какую-нибудь гадость.

Я вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

А протест все нарастает, нарастает, нарастает...

И доходит до пика, до финиша. Достигает своего апогея.

Я никогда не был прилежным студентом, но запомнил, что нам говорили на психологии. Интуиция — это постижение истины, минуя опыт, доказательства и логические рассуждения.

Учёный Никола Тесла, благодаря интуиции, изобрёл генератор переменного тока. В дальнейшем этот генератор послужил созданию крупнейшей электростанции на Ниагарском водопаде.

Интуиция три раза спасала жизнь Уинстону Черчиллю.

Даже химические элементы во сне Дмитрия Менделеева — это интуиция.

Именно интуиция движет мною, когда я встаю с пола и начинаю искать в ящиках стола ножницы. Именно интуиция движет мною, когда я, не найдя их, спускаюсь вниз на кухню и беру большой нож. Именно интуиция движет мною когда я возвращаюсь к Лизе, распускаю ее волосы из этой красивой прически и срезаю прядь.

Именно интуиция движет мною, когда я бегу в библиотеку на первом этаже, включаю компьютер и набираю в поисковой строке одну фразу:

«Сдать анализ ДНК в Москве».

Мною движет всего лишь интуиция. Но я уверен, что это самый правильный поступок за всю мою жизнь.

Глава 22. Чистосердечное признание

Выписываю несколько адресов первых попавшихся клиник, чищу историю браузера, выключаю компьютер и выхожу из дома. Прядь Лизиных волос аккуратно сложена в пластиковый пакетик и прожигает карман брюк. Я все еще на взводе. Мною движут непонятные чувства и эмоции. Но я узнаю их. Именно эти чувства и эмоции по отношению к Лизе неоднократно вспыхивали у меня раньше, но я силой заглушал их. Каждый раз, когда я хватал Бестию за шею или за волосы, я боролся с сумасшедшим желанием обнять ее.

— Мы уходим, — объявляю Виолетте, когда возвращаюсь к нашему столу.

Она прерывает разговор с мамой и поднимает на меня удивленное лицо.

— Уже? — опускает глаза на мою грудь. — Что с твоей рубашкой?

Автоматически смотрю в то же место на своём теле, что и она. Посередине грудной клетки на белоснежной ткани большое яркое пятно: черный, красный, коричневый и бежевый цвета вперемешку. Лиза плакала мне в грудь, и ее косметика размазалась.

— Испачкался.

— Чем?

— Что-то пролил на себя. — Говорю первое, что приходит на ум. — Поехали, — бросаю нетерпеливо.

Мама все это время молча за нами наблюдает. Поворачиваюсь к родительнице.

— Передай дедушке поздравления и подарок, — киваю на синий глянцевого пакет, что висит на моем стуле.

Мама поднимается с места.

— Мог бы и лично дедушку поздравить, он уже скоро вернется.

— Мне пора.

— Куда?

Хороший вопрос. Подальше отсюда. Подальше от Лизы.

— В клуб. — Быстро обнимаю маму. — Ладно, увидимся. Скажи папе, что я уехал.

Беру Виолетту за руку и уже собираюсь уйти, как замечаю, что Ира танцует с Ярославом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.